

The background of the cover is a detailed illustration of a fantastical, mountainous landscape. Two knights in full plate armor stand on a rocky outcrop in the foreground, looking out over a vast valley. In the distance, a massive, spire-filled city or castle is visible, partially obscured by mist and rain. The sky is filled with heavy, vertical streaks of rain, creating a dramatic and atmospheric scene. The overall color palette is dominated by blues, greys, and greens, with the red text providing a sharp contrast.

Владимир Микульский

Незаконнорожденный

**ПОСОЛЬСТВО
В
ПРЕИСПОДНЮЮ**

Владимир Вячеславович Микульский

Незаконнорожденный.

Посольство в преисподнюю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23785847

Аннотация

5,5 тысяч лет назад в Междуречье, в развивающемся городе Кадингир, происходит военный переворот и власть захватывает верховный жрец. Город получает новое имя Вавилон. Царь страны Аккад, расположенной на северо-западе Междуречья, пытается подчинить своему влиянию Элам, страну на востоке от Персидского залива, и, объединив ресурсы и силы, завоевать Междуречье. Его планам противодействуют Вавилон, Алум Ашшур (будущая Ассирия), на то время еще слабая торговая республика, и часть знати Элама.

Содержание

1. Таверна «Крылатый лев»	5
2. В гостях у жреца	22
3. Размолвка	30
4. Нападение	43
5. Верблюжьи скачки	49
6. Сражение у зиккурата	54
7. Переворот	62
8. Маршрут	73
9. Богослужение и отправка	82
10. Плавание по Евфрату	87
11. Нападение амореев	95
12. Водоворот	101
13. Осада Ниппура	112
14. В Ниппуре	122
15. Верблюжий рынок	129
16. Нападение	139
17. Ревность	146
18. Ирак	157
19. Расправа с колдунами	185
20. Зыбучие пески	196
21. Подготовка к переправе. Убийство табунщика	206
22. Переправа через левый рукав Евфрата	215

23. Деревня в тумане	221
24. Народ воды	238
25. Гибель Ильэ	251
26. Ларак	271
27. Переговоры с правителем Ларака	285
28. Посланник аккадского царя	296
29. Нападение на аккадский торговый двор	303
30. Переправа через Тигр. Убийство старшины купцов	315
31. Сражение у колодца	321
32. Погоня за колдунами	335
33. Гибель Бурны	345
34. Сусан (Сузы)	355
35. Визит аккадского гостя. Нападение на постоянный двор	361
36. Уход из Сусана	371
37. Осада у переправы через Карун. Предательство	378
38. Помощь. Переправа через Карун	388
39. Аншан. Выборы царя Элама	396
40. Неожиданная встреча	410
41. Некоторые итоги	417
42. Заключительная	420

1. Таверна «Крылатый лев»

– Твоя очередь, о достопочтеннейший! – такими словами крепкий средних лет мужчина, меднокожий, с иссиня-черной бородой, горбатым носом и кривыми зубами, требующими вмешательства лекаря, специализирующегося на них, обращался к сидящему напротив него совершенно пьяному собеседнику.

Вообще-то за небольшим квадратным столом их было четверо. Кроме уже описанного кривоzubого человека два боковых места занимали еще молодые, зим по два с половиной десятка каждому, люди наружности, выдающей их местное происхождение. Одеты все трое были примерно одинаково – сработанные из хорошей ткани полотняные штаны, длинные рубашки с широкими рукавами у кривоzubого и без рукавов у молодых людей, не скрывающие поросшую густыми черными волосами грудь, на ногах плетеные сандалии. На поясах каждого висели в узорчатых ножнах короткие деревянные кинжалы с узкими бронзовыми вставками в качестве лезвий. Конечно, никому не возбранялось иметь хоть целый арсенал вооружения, но носить что-либо большей длины, чем было оговорено в законах, в городе не разрешалось. Виновные приговаривались к крупному штрафу или бичеванию. Это зависело от толщины кошелька винов-

ного. Въезжающие в город должны были отцепить меч и везти его отдельно, в повозке или на лошади. Конечно, этот закон не распространялся на воинов и на городскую стражу. Но распространялся на сидящих за столом людей.

Четвертый же своей внешностью в корне отличался от всех других, находящихся в помещении. На вид ему было так же, как и двоим из трех сидящих вместе с ним за столом, около двух с половиной десятков зим. Огромного роста, светлокожий, с гладко выбритым загорелым почти до бронзового оттенка лицом, прямым носом и резко очерченным волевым подбородком. Длинные светлые прямые выгоревшие под южным солнцем до белизны волосы на лбу схвачены узким узорчатым пояском и свободно лежали по плечам. Небесно-голубые глаза, затуманенные выпитым вином, то и дело закрывались, и он наклонялся вперед, почти падая туловищем на стол, но в последний момент, словно приходя в себя, выпрямлялся, чтобы тут же снова начать ложиться на стол. Одежда его не отличалась от одежды сидящих вместе с ним людей. И тоже короткий кинжал на поясе, только ножны попроще и сам кинжал полностью бронзовый. Да за спиной у него, в нарушение закона, укреплен был в кожаных ножнах двуручный меч огромной длины, оружие исключительно редкое, точнее, уникальное не только в этих местах. Черная большая рукоять без всяких украшений не свидетельствовала о простоте оружия, наоборот, ее цвет и вид свидетельствовал как раз о том, что этому оружию не могут противосто-

ять даже дорогие, имеющиеся только у очень богатых людей бронзовые мечи. Многие слышали про такое оружие, которое легко разрубает бронзовый меч, оставаясь само без всяких повреждений, но воочию видели его считанные единицы. Никто не знал, где и как оно изготавливается, и в народе поговаривали, что это изделия богов, ибо не под силу человеку создать такое оружие, да и нет в мире материала, из которого оно создано.

Перед каждым стояла большая кружка местного вина, которую служанка хозяина, молодая разбитная девица, тут же наполняла вновь, стоило той хотя бы немного опустеть. В центре стола лежала груда тонких золотых слитков, золотых же цепей и других разнообразных украшений. Двое из четверых, самые молодые, уже спустили свои деньги и имеющиеся у них украшения и выбыли из игры, находясь за столом в качестве наблюдателей. В игре остались только двое – кривоzubый мужчина, на которого, казалось, выпитое вино совершенно не действовало, и светлокожий совершенно пьяный гигант напротив него.

Играли в кости, в семерочку. Правила ее были чрезвычайно просты. Изначально у каждого на руках находится по двадцати одной фишке. Бросаются две кости. Набрал семь очков – забирай у собеседников по семь фишек. Побеждает тот, кто соберет у себя все фишки. Но набрал больше или меньше семи – разницу между семеркой и своим числом отдай собеседникам. Но при этом добавляй на стол и штраф за

каждое очко. Поэтому и лежала на столах гряда золота, собранная на штрафные очки. К описываемому моменту почти все фишки игроков были уже у кривоzubого. Перед гигантом остался всего с десяток фишек.

Все это происходило в городе, именуемом Кадингир. К этому времени это был уже развитый большой город, окруженный рядом мощных стен. Он имел совершенно прямоугольную планировку и был на две половины разделен рекой Евфрат. К востоку от реки располагался непрерывно расстраивающийся храмовый комплекс, посвященный верховному божеству Амар-утуку, которого его жрецы все активнее теперь требовали называть Мардуком. К западу от реки находился царский дворец. Здесь же сосредоточились апартаменты важнейших государственных чиновников и дома крупнейших купцов и военачальников. Вдоль городской стены располагались дома победнее, в которых проживали простые горожане. Город уже в эти времена вызывал удивление приезжих своими трех- и четырехъярусными домами. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: земля внутри стен была настолько дорогой, что это заставляло постройки расти не вширь, а ввысь. Таверны этой части города также подразделялись на заведения, предназначенные для простого народа, где и внутреннее убранство, и подаваемая еда были попроще, и на заведения для имеющих средства, где на втором и третьем ярусах находились богато убранные комнаты, сдаваемые постояльцам за приличные деньги, а еду

можно было заказывать прямо в апартаменты, не спускаясь в имеющийся внизу общий обеденный зал. В такие таверны частенько наведывались мошенники всех мастей, знающие, что сюда приходят люди с толстыми кошельками, и старающиеся урвать себе если не все содержимое кошелька, так хотя бы его хорошую часть.

Таверна «Крылатый лев», где и проходило описываемое действие, относилась к заведениям для богатых. Внутри нее стояло несколько больших и маленьких столов, сработанных из драгоценного палисандра, вокруг которых располагались мягкие табуретки. Открытые окна были затянуты тонкой тканью, пропускающей воздух, но задерживающей всякую летучую нечисть, коей нашпигован был воздух жаркой страны. Потолок обширного обеденного зала подпирало несколько колонн, на которых были закреплены лампы для освещения.

Хозяин таверны, сидя за небольшим столиком у двери, ведущей на кухню, руководил несколькими девицами, обслуживающими находящиеся здесь посетителей. Сегодня посетителей по причине сравнительно раннего времени было еще немного. За колонной у стены сидели и о чем-то негромко беседовали каких-то два человека. Один из них, недавно разменявший сорок зим, похожий на богатого купца, судя по одежде, был явно не местный. Второй, уже разменявший полсотни зим, был с гладко выбритой головой, в просторной длинной белой одежде жрецов бога Амар-Утука, одна-

ко с литыми массивными золотыми украшениями на руках и толстой золотой цепью на шее. Неподалеку от них за большим столом расположилась группа из шести молодых жрецов также в белых одеждах, оставляющих открытыми руки и ноги, но на плечи их были накинуты хорошего качества длинные плащи, под которыми угадывались рукоятки мечей. На каждого молодые жрецы взяли лишь по небольшому кувшину светлого слабенького пива, правда, в еде себя не ограничивали. Ближе к выходу за большим столом расположилась группа из трех крепких мужчин, взявших также много еды, но мало выпивки, время от времени бросавших быстрые взгляды на четверку уже знакомых нам игроков в кости.

Хозяин таверны вздохнул: ему уже было вполне понятно, что в его таверне группа мошенников сейчас обирает пьяного гиганта. Он понимал, что трое игроков, сидящих за столом вместе с гигантом, действуя вроде бы каждый самостоятельно, а на самом деле заодно, сумели спить его и завлечь в игру на большие деньги. А трое сидящих у выхода – группа прикрытия на случай появления какого-нибудь дружка обираемого недотепы. Однако он, много повидавший, знал: попробуй он сейчас вмешаться, его ждут очень большие неприятности, вплоть до удара кинжала. Он также знал, что перед тем, как покинуть его таверну, мошенники в качестве платы оставят ему несколько золотых цепей, так что он внакладе не останется. Одновременно хозяин в душе и сочувствовал обираемому гиганту, и обругивал его: не напивайся до скот-

ского состояния, тогда с тобой ничего такого не случится. Сам виноват!

Что же касается сидящего в стороне у стены жреца – это был особый посетитель. Он уже не первый раз появлялся здесь, и хозяин отлично знал, кто он такой.

Конечно, начнись сейчас здесь какая-нибудь заварушка и обнаружись, что в его заведении мошенники обобрали человека, хозяина ждал бы крупный штраф. Но вину хозяина таверны еще надо было бы доказать – все присутствующие достаточно хорошо одеты, ничто не выдает в части из них мошенников, и игра в кости в тавернах не запрещена. Так что с него в любом случае взять нечего. А на столе перед игроками уже действительно порядочная грудка золота. Кроме того, наличие в зале жреца служило для хозяина дополнительной гарантией неприкосновенности. В случае чего всегда можно было обратиться к нему за помощью. Как раз именно присутствие здесь жреца и заставляло хозяина закрывать глаза на происходящие в его заведении события.

Хозяин таверны еще раз вздохнул и, окончательно решив не вмешиваться, что бы там ни случилось, отвернулся.

– Твоя очередь, о достопочтеннейший! – еще раз повторил кривоzubый, ставя перед гигантом глиняную кружку, в которой брякнули кости.

Гигант уставился на нее, как будто не понимая, что делать. Затем его большая ладонь обхватила кружку, встряхнула ее и, перевернув в воздухе, дном вверх опустила на стол. Гигант

убрал руку и снова качнулся на табурете, едва не упав с него на пол. Один из сидящих сбоку стола молодых людей поднял кружку вверх.

– Смотри, две пятерки, – показал он, – три фишки с тебя и штраф за них!

Гигант молча полез в карманы. Там было пусто. Он вытряхнул над столом висящий на поясе кошель – ни одной пластинки не вывалилось из него. Все его золото уже было в куче на столе. Тогда гигант сорвал с шеи большую золотую цепь, последнее украшение, остающееся на нем, и бросил ее поверх золотой груды.

– Хватит? – пьяным голосом осведомился он.

– Хватит, хватит! – равнодушным голосом ответил кривоzubый, хотя его глаза буквально пожирали груды золота, а по лицу время от времени прокатывались волны нетерпеливого ожидания.

Перед пьяным гигантом осталось всего семь фишек. А кривоzubый, взяв кружку и забросив в нее звякнувшие по дну оба кубика, покрутил ее в воздухе и не опустил кружку на стол, а бросил кубики с высоты, что не запрещалось правилами. Кубики, несколько раз перевернувшись, остановились. На одном из них на стороне, обращенной вверх, было четыре выдавленных черточки, на другом три, что в сумме давало семь, ровно столько, сколько фишек оставалось у гиганта.

– Я выиграл! – глаза кривоzubого радостно засверкали, и

он потянулся рукой к золотой груди, лежащей перед ним.

И тут же крик боли забился под сводами таверны – молниеносным движением гигант кинжалом пригвоздил его руку к столу, по самую рукоятку вогнав его через тыльную сторону ладони в толстую доску.

Молодые жрецы было привскочили, но, взглянув на жреца, сидящего у стены, снова опустились на места, делая вид, что все это их не интересует. Жрец и его собеседник, не трогаясь с места, с интересом наблюдали продолжение действия, разворачивающегося перед ними.

Двое молодых людей, сидевших по бокам игрового стола, выхватили кинжалы и бросились было на гиганта. Но в следующее мгновение он сгреб их за грудки и, с силой ударив над столом лбами друг о друга, как тряпичные куклы отбросил в разные стороны. Гигант уже не сидел, а нетвердо стоял, покачиваясь на ногах. Трое сидящих ближе к выходу сообщников мошенников также выхватили кинжалы и метнулись к игровому столу. Первый из них, получив страшный встречный удар кулаком, спиной вперед перелетел через зал и вывалился в окно, унеся с собой закрывающую его штору. Двое других, не ожидавших такого отпора, приостановились, затем развернулись и бросились бежать к выходу. Запущенный мощной рукой тяжелый табурет угодил в голову одному из убегающих, и он по инерции, уже будучи без сознания, врезался в стену рядом с дверью и рухнул на пол. Второй же выскочил было через дверь наружу, но тотчас влетел спиной

вперед обратно в дверь и также растянулся на полу, а в дверь, держа наготове мечи из твердого дерева, ворвался десяток стражников, случайно проходящих мимо таверны и почувывших неладное после выпадения сбитого ударом кулака гиганта мошенника из окна прямо к ним под ноги. Следом появился десятник, начальник стражников. Он быстро окинул взглядом помещение и направился к столу, в центре которого по-прежнему лежала груда золотых вещей, с одной стороны стонал кривоzubый человек, рука которого кинжалом, как гвоздем, была прибита к столешнице, а с другой уже не стоял, а снова сидел сидел пьяный гигант с длинным мечом за спиной, время от времени проводивший рукой по лицу, как будто стремился разлепить закрывающиеся глаза.

– Хозяин, что здесь произошло? – строго спросил десятник.

Не успел тот ответить, как гигант перегнулся через стол и ударил приколотую к столешнице руку снизу по рукаву, вызвав новый болезненный стон у кривоzubого. Из рукава вывалились еще две кости и покатались по столу. Гигант, не говоря ни слова, резким движением вырвал кинжал из стола и из руки, вызвав новый вскрик кривоzubого, и ударил окровавленным клинком по костям, на которых вместе было семь черточек. Обе кости развалились, открыв находящиеся внутри них бронзовые шарики утяжеления, вставленные таким образом, чтобы на костях при бросании выпадала в сумме семерка. Налицо был факт мошенничества. Гигант же

сделал еще один огромный глоток вина из кружки, выронил кинжал, звякнувший по полу, и свалился головой на стол.

– Так, понятно, – сказал десятник, – взять их! – показал он на разбросанные по полу тела.

В считанные мгновения все шестеро мошенников, в том числе и стонущий кривоzubый, были связаны.

– Хозяин, – продолжил десятник, – у тебя в заведении происходила мошенническая игра! А это запрещено законом! Все золото, участвующее в мошеннической игре, по закону, подлежит конфискации в пользу государства. А на хозяина заведения должен быть наложен штраф. Тебе это известно?

Хозяин таверны, подскочивший к столу, уже подозревая, что сегодняшней день не принесет ему ничего, кроме убытков, сокрушенно развел руками.

– Кроме того, у тебя в заведении находится человек с оружием длины большей, чем разрешено законом. Кто он такой, твой постоялец? Ты же не сообщил об этом властям, и также можешь быть подвергнут крупному штрафу так же, как и он!

– Это не мой постоялец, и я не знаю, кто он, – заюлил хозяин таверны, – он зашел перекусить, а тут появились вот эти, – он показал на связанных понемногу приходящих в себя мошенников, – и втянули его в игру.

– Десятник! – раздался от стены повелительный голос жреца, – подойди сюда!

Десятник, помедлив, взглядываясь, направился в сторону

голоса.

– Знаешь, кто я такой?

Десятник покорно склонил голову: – Знаю, о господин, и прошу благословения для себя и своих подчиненных!

– Мардук милостив и благословляет вас моими руками! Я являюсь свидетелем этого дела и поясняю, что эти люди, – жрец указал на связанных, – действительно мошенники и заслуживают наказания. Этот же воин, – он указал на пьяного гиганта, – является личным телохранителем Хутрапа, посла дружественного нам Элама, сидящего напротив меня.

Он толкнул под столом ногой собеседника, глаза которого начали было удивленно округляться, но который тут же взял себя в руки и изобразил на лице строгую серьезную мину.

– А по закону послы дружественных государств могут иметь среди сопровождающих одного воина с мечом любой длины. Тебе известно это?

– Известно, о господин, – ответил десятник, – но мошенническая игра в заведении...

Жрец вышел из-за стола и подошел к столу с кучей золота, рядом с которой лежал кинжал.

– Хозяин не виноват, что мошенники зашли в его таверну, – заключил он, – он не мог знать об их намерениях, как не мог видеть, что заключено внутри игральных костей. Это доступно богам, но не людям. Поэтому ему следует заплатить за еду и питье из средств мошенников.

Жрец взглядом указал хозяину таверны на лежащий на

полу кинжал. Тот тут же подобрал его, вытер кровь о полу собственной одежды и, держа за лезвие рукояткой вперед, с низким поклоном подал жрецу.

Тот взял кинжал, острием подцепил лежащую поверх груди толстую золотую цепь и бросил ее хозяину таверны, который, ловко поймав ее, еще раз согнулся в почтительном поклоне. Стоимость цепи в разы превышала сумму его убытков. Как всегда, очередное появление здесь жреца, да будет он здоров и благословенен, вместо убытков принесло ему новую прибыль.

– А золото... – снова заикнулся было десятник.

– Что же касается золота, то ты сам упомянул закон, согласно которого оно должно быть конфисковано. Исполняй его и действуй не медля!

Десятник согнулся в поклоне и отдал команду. Золото стражники тут же завязали в кусок материи и, грубо толкая, вывели наружу шестерых мошенников.

– Кто этот жрец? – тихонько спросил десятника молодой стражник.

– Тебе простительно не знать его, ведь ты явился из своей глухой деревни и только начинаешь службу, – ответил тот, – но запомни его хорошенько и никогда ни с кем не путай. Наш город называется Кадингир, хотя, я думаю, очень скоро его будут именовать по-другому, как того желают жрецы, а именно, Вавилоном, «Вратами Бога». Видишь вон тот высокий зиккурат – семиярусную ступенчатую башню – на

другой стороне великой реки Евфрат? Высота его превышает рост пятидесяти человек! На самой ее вершине находится храм верховного божества Амар-утука, а жрецы теперь также зовут его иначе – Мардуком. Этот же жрец является верховным жрецом бога Мардука и благословляет город от его имени. Зовут его Абиратташ. Он не в ладах с царем города Шаркалишарри, и об этом здесь знают все. Вопрос только, во что это выльется... Сейчас ты тоже, как и мы все, получил его личное благословение, и на тебя тоже сойдет божественная благодать.

– Откуда ей взяться, этой благодати? – сокрушенно спросил молодой стражник.

Остальные бывалые стражники, находящиеся неподалеку и слушавшие разговор, сдержанно засмеялись.

– Что ржете, как жеребцы? – обиделся молодой стражник.

– Действительно, чего ржете? – вступился за него десятник, – он же молодой, еще не обтесался. Но это дело поправимое. Видишь вот этот сверток? – он приобнял стражника за плечи и, слегка повернув его, указал на сверток с золотом.

Молодой стражник кивнул головой.

– Мы сдадим в тюрьму мошенников, а затем в казначейство золото. Но кто, кроме нас, знает, сколько в свертке было этого золота?

Лицо молодого стражника понимающе просветлело: – Так мы...

– Молодец, ты правильно все понимаешь! Быть тебе со

временем начальником всей городской стражи!

Стражники вокруг снова рассмеялись.

– Для реализации божьей благодати нам много не надо, так что и на долю казначейства будет достаточно. Все согласны?

Стражники, в том числе и молодой стражник, одобрительно закивали головами.

– И, заметь, верховный жрец не считая передал нам сверток с золотом. Думаешь, он не знал, как мы распорядимся им? Конечно же, знал. И все равно передал. Именно за это – отсутствие жадности и справедливость – вся городская стража горой стоит за него, и в случае какой-нибудь заварушки там, наверху, будет поддерживать именно его. А теперь будешь поддерживать и ты, не так ли?

– Конечно! – молодой стражник утвердительно кивнул головой.

– Однако божья благодать не отменяет службы, а идет с ней об руку, – продолжал десятник, снова обращаясь к молодому стражнику, – видел шестерых молодых жрецов, делавших вид, что они забрели в таверну случайно? Это его телохранители, очень ловкие и умелые ребята. А под плащом каждого из них притаился бронзовый меч, которым они очень хорошо умеют работать, не чета вам. Не смотри на их слишком молодой вид – они родились, держась за рукоятку меча, и в деле владения им просто виртуозы. Вот у кого вам всем стоило бы поучиться! Ну, да ладно, отправились!

И стражники, окружив так до конца и не пришедших в себя мошенников, с трудом переставляющих ноги, повела их в городскую тюрьму.

Верховный жрец, не обращая больше внимания на хозяина таверны, бросил своим телохранителям кинжал, который ловко подхватил один из них, и сделал им знак приблизиться. Четверым из них он что-то коротко приказал. Они подхватили не держащегося на ногах гиганта, всунули в болтающиеся на его поясе ножны кинжал и, подпирая со всех сторон, куда-то повели.

– Мешок, заберите его мешок! – бросился вслед хозяин таверны, протягивая им заплечный мешок, неприметно стоявший сбоку от стола, из которого выступало что-то высокое, аккуратно завернутое в материю и перевязанное веревкой, – мне чужого не надо!

Один из телохранителей, хмыкнув, вскинул оказавшийся легким мешок на плечо, и вместе с навалившимся на них гигантом они исчезли за поворотом.

Двое оставшихся телохранителей пристроились позади вышедших из таверны посла и верховного жреца, бросившего перед уходом хозяину таверны небольшой слиток, который ее поймал и низко поклонился.

– Ты ведь дал ему столько золота в цепи, что его хватит на десяток таких обедов и ужинов, как сейчас, – спросил посол, – зачем бросил ему еще слиток?

– Мой друг, – заметил жрец, – в деле управления госу-

дарством не бывает мелочей. Я ведь бросил ему не простой слиток. Если присмотреться внимательно, от него отломана маленькая часть, которая находится у меня в ящике стола. В случае надобности к хозяину явится человек, принесет ему недостающую часть. Он поймет, что это от меня, и сделает то, о чем тот попросит, ведь хозяин далеко не дурак и понимает, что я не зря дал в уплату за обед много больше того, чем он стоит.

– А почему ты вступился за пьяного гиганта и куда его повели? – снова с удивлением спросил посол.

– Мой дорогой Хутрап, – смеясь ответил жрец, – если он в совершенно пьяном виде сделал такое, что и трем обычным людям не под силу, ты представляешь, что он сделает в трезвом? А в предстоящем тебе деле такой помощник может оказаться очень кстати. Отпустить такого бойца – это верх неблагоразумия!

– Так ты сделал это для меня? Попробуй только теперь сам и уговори его на это!

– Дорогой посол, я ведь не зря не стал возвращать ему проигранное им золото, хотя по закону он должен был бы получить его обратно. В хитросплетениях наших законов и самим нам мудрено разобраться, тем более чужеземцу... А без золота он, когда придет в себя, станет куда как сговорчивей!

– А ты мудрец, верховный жрец Абиратташ!

– На том живем, дорогой посол!

2. В гостях у жреца

Солнечные лучи уже вовсю освещали большую комнату, где на широкой большой кровати проснулся светловолосый гигант. Пробуждение после вчерашней попойки было довольно тяжелым. Страшно болела голова. Тело казалось разбитым. Вставать не хотелось. Он сел на краю кровати и обхватил голову руками. Приступы головной боли накатывались один за другим. Как же он вчера напился! Но постепенно голова начинала работать все лучше и лучше. Ему вспомнилась вчерашняя таверна, в которую он зашел перекусить. И игра в кости, которую он начал там чтобы скоротать время до отхода корабля, на котором он должен был вечером отплыть в Лагаш. Вспомнились некоторые эпизоды игры, когда он начал проигрывать и понемногу спускать золото, которым с ним щедро рассчитались за удачную проводку торгового каравана.

Рядом с кроватью стоял небольшой столик, на котором стоял наполненный кувшин. Он схватил его и жадно припал к горлышку, не обращая внимания на стоявшую рядом кружку. В кувшине оказался приятный прохладный напиток. И – странное дело – чем больше его поглощал гигант, тем увереннее он себя чувствовал. Опьянение отступало. Наконец, он поставил кувшин на место и, все больше приходя в себя,

огляделся. Гигант находился в большой богато украшенной комнате. Столик, табуретки и сама кровать сделаны были из ценных пород дерева, украшенных инкрустациями. На полочках на стенах стояли драгоценные безделушки из золота, полудрагоценных и драгоценных камней. Окна завешены были дорогой полупрозрачной кисеей. Все окружающее говорило о богатстве хозяина дома.

Теперь гиганту вспомнилось все – игра, то, как он спустил все свое золото, то, что он в конце концов остался без единого слитка в кармане, но было непонятно, где он сейчас, как сюда попал, и, самое главное, почему сюда попал. Он уже начинал понимать, что за просто так его бы не стали приводить в богатый дом и укладывать спать. Вот только кому он нужен и для чего – это пока оставалось загадкой.

Питье в кувшине обладало удивительным лечебным свойством. Гигант снова припал к нему и, когда кувшин опустел, он совершенно пришел в себя. Его одежды и оружия нигде не было видно. Тем временем распахнулась незаметная до того дверь в стене и из нее выпорхнули две молоденькие девушки, на которых из одежды были лишь тоненькие набедренные повязки. Вызывающе торчали покрашенные красной краской соски упругих небольших грудей. Они, смеясь, подхватили гиганта, которому верхом головы едва доставали до груди, и повели к двери. За ней оказался небольшой бассейн с теплой водой, на бортиках которого сидели еще две так же одетые, вернее сказать, раздетые, красавицы. Вчетвером они

стащили гиганта в воду и принялись мыть его, уворачиваясь от его рук, играя в опасную игру и разжигая его, затем разложили на теплом полу и сделали такой массаж, от которого у него кровь еще сильнее забурлила в жилах. После чего указали на стоявший в сторонке табурет и, весело смеясь, сами мокрые и чудовищно соблазнительные, выбежали из помещения.

На табурете была аккуратно сложена его выстиранная проглаженная одежда. Рядом, у стены, стоял его огромный меч и лежали кинжал и неразвязанный заплечный мешок..

По-прежнему удивленный, окончательно придя в себя, он быстро оделся, прицепил к поясу кинжал и хотел было забросить за спину меч и мешок, но шорох позади заставил его быстро обернуться. У двери в спальню стоял бронзовокожий человек с бритой головой в белых одеждах жреца и смотрел на него. Увидев, что его заметили, человек сделал приветственный жест.

– Приветствую тебя в моем скромном жилище, – склонив голову, на аккадском языке сказал он, – этот язык, пожалуй, будет тебе более понятен, чем шумерский, на котором говорим мы, жрецы.

– И я приветствую тебя, – также на аккадском языке ответил ему гигант, – я достаточно давно здесь, хорошо знаю местные наречия и меня не затруднит общение ни на одном из них, даже на культовом шумерском языке. Однако, как я сюда попал и почему?

– Боги не терпят суеты, не будем и мы спешить, – ответил ему жрец, – я вижу, что жажду ты уже утолил. Давай же теперь утолим голод и не спеша обсудим положение, в котором ты оказался и что мне от тебя нужно. Оставь меч, он тебе не понадобится, пока ты гостишь в моем доме.

– Так я – гость? – усмехнулся гигант.

– Совершенно верно, – утвердительно кивнул головой жрец, – и волен покинуть мое скромное жилище в любое время, когда тебе заблагорассудится. Однако не спеши сделать это сейчас. Как маленькие муравьи по песчинке и травинке складывают большие муравейники, так и мы с тобой за едой извлечем, во славу бога Мардука, крупинки истины из сложившегося положения и сложим из них дворец правды. Согласен? Тогда следуй за мной.

Не ожидая ответа, жрец повернулся и направился в дверь. Гигант последовал за ним. Пройдя спальню и затем длинную анфиладу комнат, они зашли в небольшое помещение, в центре которого находился столик, уставленный разнообразными яствами. Здесь же стояли кувшины, наполненные напитком. За столиком напротив друг друга стояли три табурета, один из которых был с подлокотниками. Сзади за каждым из них стоял раб, готовый наполнять золотые кубки. Устроившись на табурет с подлокотниками, жрец показал гиганту на другие табуреты.

– Присаживайся на любой, и давай завтракать.

Дважды повторять ему это не пришлось. Через мгнове-

ние гигант уже вгрызлся в нежное мясо лани, запивая напитком, подливаемым рабом. Жрец ел мало. Вскоре он приветливо махнул рукой куда-то за спину гиганта и показал на свободный табурет. Гигант оглянулся на вошедшего, и в его памяти всплыли фигуры и лица двух людей, сидящих у стены в таверне, где его обобрали до нитки. Это были эти два человека.

Вошедший церемонно поздоровался и присел к столу.

– Спасибо, я уже сыт, – отклонил он приглашение принять участие в трапезе.

Вскоре жрец и его новый гость уже тихо переговаривались, беседа о погоде, о ценах на рынке, время от времени с любопытством поглядывая на насыщающегося гиганта, который без излишних церемоний сметал со стола одно блюдо за другим. Наконец и тот, довольно заурчав, отвалился от стола. Рабы омыли его руки, вытерли их и удалились из комнаты, быстро вынеся столик с остатками завтрака и заменив его другим, с фруктами и сладкими напитками.

Теперь уже жрец и новый гость без стеснения разглядывали гиганта, который также изучал их.

– Ну, давай знакомиться, – наконец произнес жрец, – меня зовут Абиратташ, я верховный жрец бога Мардука. А это Хутрап, посол Элама.

– Меня зовут Альрик. Альрик из рода Бьерна.

– Никогда не слышал таких имен. Откуда ты?

– Из Скандинавии, края морских заливов и холода. Вам

неведом снег, хотя и бывают холодные по вашим понятиям зимы. А у нас он лежит большую часть времени. Мое имя в переводе на ваш язык означает Всемогущий из рода Медведя.

Жрец и посол переглянулись.

– Снег – что это такое? – спросил жрец.

– Это замерзшая вода, такая, как на вершинах гор. Если у его народа много таких же, как он, его ждет великое будущее, – тихо промолвил посол.

– На все воля Мардука! Как давно ты здесь и чем занимаешься? – продолжал расспросы жрец.

– Почти пять зим. Сопровождаю караваны. Слишком много развелось нынче разбойников на дорогах. Никто ими не занимается. Вот и нанимают меня для охраны.

– Согласен, разбойников нынче слишком много, и не только на дорогах, но и у власти. Ничего не хотят делать, только грабят и наживаются! – неожиданно зло сказал жрец, – но скоро это прекратится! Так всегда бывает, когда власть слаба или у руля государства стоит никчемный человек, – уже спокойнее добавил жрец.

– У тебя редкий меч, – заметил он, – я понимаю в оружии и знаю ему цену. Она воистину справедливо высока. Откуда он у тебя?

– Это все, что осталось у меня с моей далекой родины. Там умеют делать их. Здесь же, у вас, даже бронзовые мечи есть далеко не у каждого. Правда, и у нас обладателей таких

мечей можно пересчитать по пальцам.

– Скажи, ты много потерял золота в таверне? – вступил в расспросы посол.

– Мне заплатили за проводку каравана, и немало, – потемнел скандинав, вспомнив игру в кости, – мои услуги стоят недешево. Чего уж тут скрывать – я без потерь привел караван, и мне заплатили тридцать мер золота за его проводку от Лагаша до Вавилона. И обещали такую же сумму за проводку еще одного каравана. Поэтому я должен вернуться в Лагаш.

Жрец и посол снова переглянулись и понимающе закивали головами: тридцать мер золота была очень приличная сумма. Годовое жалование военачальника, командира тысячи, едва достигало двадцати мер

– Однако, ты потерял все золото, – констатировал верховный жрец, – это факт, и от него никуда не деться. Я хочу предложить тебе работу.

Скандинав настороженно уставился на жреца.

– Работа как раз по тебе и знакома тебе, – усмехнулся жрец, – скоро господин посол отправится с караваном обратно в Элам. Повезет подарки эламскому царю. Тебя же я нанимаю в охрану каравана. Но не начальником охраны. В его качестве пойдет другой человек. Ты же будешь личным телохранителем посла.

Гигант ухмыльнулся: – Всего-то? И какое жалование мне положите?

Однако и жрец и посол остались совершенно серьезными.

– Сто мер золота.

Скандинав в изумлении переводил взгляд с одного сидящего напротив него человека на другого. На их лицах было совершенно серьезное выражение, чтобы можно было заподозрить насмешку над ним.

– Сколько-сколько? – в недоумении переспросил он.

– Ты не ослышался, ровно сто мер золота, – серьезно повторил жрец, – при условии, что посол живым доберется до места назначения – в резиденцию царей Элама город Аншан. Ты должен был слышать о нем, его шумерское название Ним и расположен он на юго-востоке от столицы Элама Сусана, который иногда называют Сузами.

– По рукам, – быстро сказал скандинав, протягивая руку, – меня устраивает ваше предложение.

Жрец и посол по-прежнему серьезно смотрели на него.

– Это будет не так просто, как ты думаешь, – сказал наконец, не принимая руки, жрец, – видишь ли, посол повезет кое-какие свитки, за которыми начнется охота. Конечно, в идеале нужно было бы скрыть, что он их везет. Но это никак невозможно. Придется все время быть начеку.

– По рукам, – еще раз повторил скандинав, и, когда по его руке хлопнули жрец и посол, спросил: – когда приступать?

– Прямо сейчас, – ответил жрец.

3. Размолвка

В покоях царя города Кадингира, имя которому было Шаркалишарри, как всегда, царила суета. Туда-сюда бегали многочисленные рабы и слуги, выполняя поручения царских жен, пытающихся влиять не только на самого царя, но и на политику страны. Поручения в большинстве своем бестолковые, иногда даже вредные для страны, если касались взаимоотношений с окрестными народами. Царские жены пытались таким способом показать свою значимость, а слабый Шаркалишарри вместо того, чтобы топнуть ногой, всячески пытался уйти от скандалов с женами и ничего в этом направлении не предпринимал.

Правда, далеко не все их поручения доходили до адресатов. Царские гонцы к тому времени уже хорошо усвоили, что поручения, выдаваемые царскими женами, которые касаются жизни внутри страны и за ее пределами, вначале необходимо доставить к глазам Абиратташа, верховного жреца бога Амар-утука, который, по сути, управлял внутренней и внешней политикой страны и не допускал глупого вмешательства в управление.

Недалекие царские жены постоянно жаловались на него царю. Сам же царь также вынужден был во всех делах либо спрашивать совет как поступить у верховного жреца, ли-

бо перепоручать ему ведение этих дел. В глубине сознания царь понимал, что верховный жрец в делах политики на голову выше него самого и для пользы дела до поры и времени демонстрировал полное доверие к верховному жрецу. Однако, как вода великой реки Евфрат потихоньку подмывает берега и они в конце концов обрушиваются в реку, так и у царя Шаркалишарри, науськиваемого женами, постепенно копилось раздражение и недовольство, направленное на Абиратташа. Царь, которому окружение твердило о его исключительном уме, не понимая, что он давно уже не ведет реальную политику, не зная также реального положения вещей, все больше желал править сам без чьего-либо вмешательства, а на его пути был верховный жрец. Рано или поздно вполне созревший конфликт должен был разрешиться каким-либо образом.

Вот и сейчас Шаркалишарри, сидя на троне, хмурился, выслушивая сидящих у его подножия трех жен. Они снова жаловались на верховного жреца бога Амар-утука Абиратташа, который, в противовес их желаниям, поступает совершенно противоположным образом. На сей раз это касается отношений с Аккадской державой, расположенной к северо-западу от Кадингира, и Эламским царством, расположенным на юго-востоке от него.

– Он позволяет себе не обращать внимания на твой сан! – наперебой кричали жены, – почему ты это позволяешь? Царь ты или не царь? Почему кругом говорят, что это его стара-

ниями возводится храм верховному божеству Амар-утуку по верху зиккурата, а не твоими? И почему город жрецы называют Вавилоном, «Вратами Бога», но даже имя бога меняют на Мардука? Ты разве отдавал такое распоряжение? В стране может быть только один повелитель, у ног которого, как черви, должны ползать подданные, в том числе и этот жрец! Покажи ему свою царскую силу!

Шаркалишарри, одновременно радуясь, что здесь сидят только три жены, а не вся крикливая сотня, а также и злясь, понимая справедливость того, что они говорят, приказал позвать верховного жреца.

Абиратташ уже направлялся к зиккурату, когда ему передали приказ царя. Поморщившись, он все же приказал рабам, несущим носилки, изменить маршрут, нести его к царскому дворцу и погрузился в размышления.

Верховный жрец уже представлял, о чем царь поведет речь.

Долго правивший царь Элама, имевший прекрасные личные отношения еще с отцом Шаркалишарри, много лет назад попросил его об одном одолжении.

У эламского царя был сын, которого звали Энпилухан. С самого детства он восхищался Аккадом и перенимал все, что связано было с этой страной, начиная от аккадских одежд, аккадского строения войска, заканчивая тем, что при его дворе на стол подавались только аккадские блюда. Его поддерживали вертящие им жрецы главной богини Элама – Пи-

ненкир. Эти жрецы как огня боялись и возрастающей мощи Вавилона, и возрастающего влияния вавилонской религии с их главным божеством Мардуком (верховный жрец не сомневался, что переименование города с Кадингира на Вавилон и его верховного божества с Амар-утука на Мардука не за горами). Боясь оказаться на задворках, они сделали ставку на союз с соперником Вавилона Аккадом и весьма преуспели в этом, подчинив своему влиянию юного царевича.

Хитрый политик, аккадский царь Нарамсин всеми доступными способами поощрял заинтересованность Энпилухана к Аккаду. Однажды, не так давно, к дворцу Энпилухана приблизился роскошный караван, направляющийся в Индию, с которым совершала путешествие племянница Нарамсина Иранна. Через несколько дней караван отправился дальше, но уже без Иранны, сведшей с ума Энпилухана и оставшейся с ним в его дворце. Нарамсин, до конца продумавший и осуществивший эту операцию, был более чем доволен. Теперь рядом с Энпилуханом был преданный Нарамсину человек, причем с легкостью поворачивающий сына эламского царя в нужную сторону. Племянница Нарамсина так понравилась Энпилухану, что он намеревался даже просить ее руки.

Однако лишь несколько высших сановников Аккада знали, что Иранна никогда не была племянницей Нарамсина, и даже настоящее имя ее было совсем другим, а была она воспитанницей закрытой школы аккадских колдунов, в ко-

торой готовили девушек для операций такого рода, где кого-то надо сначала обольстить, а затем шантажировать этим. Школа далеко не ограничивалась обучением умению любви и знаниям, как это использовать. Девушки одновременно с этим проходили практику владения кинжалом, верховой езды. Они умели поддерживать разговор, были ловкими, наблюдательными и смелыми. Свободно чувствовали себя как в обществе купцов, так и за столом королей, затмевая собой, если это было необходимо, других дам. И, самое главное, были с макушки до кончиков ногтей преданы своим учителям, готовы выполнить любую их команду. Не много воспитанниц было в этой особой школе. И обучать их начинали с детских лет, выбирая из детей бедняков тех, кто обещал вырасти писаной красавицей. Многодетные родители-бедняки были рады получить за дочку большие по тем временам деньги, зная, что дальнейшая жизнь ее будет устроена колдунами так, как это никогда не смогут сделать они сами. И были рады, если именно к ним, а не к соседям, поступало предложение такого рода, хотя и теряли дочь навсегда...

Иранна была далеко не последней ученицей школы и вполне оправдала надежды пославших ее аккадцев. Не много нашлось бы во всем мире мужчин, сумевших устоять перед ее чарами. Вот почему с легкостью пал к ее ногам и Энпилухан.

Не имея возможности бороться с влиятельными жрецами богини Пиненкир, царь Элама, приверженец союза с Кадин-

гиром (будущим Вавилоном), понимающий, что сына уже не переубедить, но понимающий также, что правление сына после него обозначает полное подчинение Элама Аккаду и конец ему как государству, приблизил к себе сына своего брата, племянника, которого звали Пели. Пели же понимал значение союза с Кадингиром. Если бы царем в Эламе стал Пели, то немедленно был бы заключен военный союз Кадингира и Элама, и на притязания Аккада на соседние территории была бы накинута крепкая смирительная узда.

Царь Аккада Нарамсин, обожещаемый родным сыном царя Элама, надо отдать ему должное, твердой рукой управлял страной. Он сумел подчинить себе и знать, и жрецов. Подчинить не силой, а хитростью, объявив об особом положении страны в мире и об ее особой объединительной миссии, когда все остальные народы должны быть в зависимом от Аккада положении. Были сведения, что в этом огромную помощь Нарамсину оказали аккадские колдуны, поклоняющиеся Аллу – расе чудовищных и безликих демонов, умеющие повелевать ими и даже вызывать их себе в помощь. И что не такими уж и безликими оказываются эти демоны, если встают из небытия, вызванные заклинаниями колдунов, во всяком случае, никто еще не выжил после встречи с ними.

Как бы то ни было, семена упали в подготовленную почву. С новыми завоеваниями знать страны обогащалась еще больше, и тем более обогащались жрецы, получающие все большие жертвоприношения от покоренных народов. Нарамсин

уже предпринял несколько удачных походов в Малую Азию, но все же особый интерес питал к богатствам Кадингира. Подчини он себе Элам, участь Кадингира могла быть решена им довольно быстро, военная сила его стала бы безмерной. Выступая на словах за добрососедский мир с Кадингиром, на деле, и это подтверждали источники из Аккада, Нарамсин первый же удар после получения ресурсов Элама нанес бы по Кадингиру, о чем сам не раз говорил в узком кругу высокопоставленных советников.

И старый царь Элама, и верховный жрец Мардука Абиратташ прекрасно понимали это.

Однако родной сын царя Элама был все же первым кандидатом на престол в случае смерти царя, и тогда царь, по совету Абиратташа, пустился на хитрость. Он объявил, что царем Элама после его смерти будет тот, кто привезет в резиденцию царей Элама, город Аншан, часть его завещания, которую он передал на сохранение царю Кадингира. В завещании на языке эламитов клинописными значками были написаны всего три слова. У главных жрецов богини Пиненкир хранилась вторая часть завещания, такой же опечатанный свиток.

Дело в том, что завещание после его написания было разрезано сложной ломаной линией вдоль на две половины таким образом, что без любой из них понять, что написано на имеющейся половине, было невозможно. Их надо было положить рядом, и соединившиеся вместе линии и должны бы-

ли открыть эти слова. Тогда и должно было огласиться завещание целиком у алтаря богини Пиненкир. А что это были за слова, никому не было известно. Однако они были записаны в свиток, который являлся контрольным. Именно в нем было записано то, что должно было получиться после соединения двух разрезанных половин.

Свиток, переданный в Кадингир, был запечатан печатью царя Элама, помещен в небольшой опечатанный прямоугольный ларец с искусно сделанной позолоченной крышечкой, на которой были рельефные украшения в виде животных и цветов. Примерно так же хранились у жрецов богини Пиненкир вторая часть свитка и контрольный свиток.

Таким образом, по сути дела, право выбора царя Элама было предоставлено царю Кадингира. Он мог вручить ларец любому кандидату на престол Элама по своему выбору. И как бы не хотелось жрецам богини Пиненкир, чтобы царем Элама стал сын царя Энпилухан, они не могли не выполнить волю царя, изложенную в завещании, если бы вторую часть завещания принес кто-то другой. К тому же оставалось загадкой, что же было написано в свитке. Тайно вскрыть ларцы жрецы не могли, ибо старый царь поручил осуществлять охрану свитков совместному караулу, состоявшему из жрецов и военных. А высшие военачальники Элама, поддерживая нейтралитет, все же недолюбливали жрецов. И договориться жрецам с военными провернуть махинацию с завещанием было довольно сложно.

И вот сейчас при дворе царя Кадингира Шаркалишарри уже давно находились два соперничающих посольства – одно из них от Энпилухана, родного сына недавно скончавшегося царя Элама, а другое от Пели, племянника царя. И надо было делать выбор в чью-либо пользу.

Уже несколько дней царские жены держали Шаркалишарри в осаде, требуя отдать заветную шкатулку послам родного сына почившего царя.

– И немудрено, – усмехнулся про себя Абиратташ, – достаточно посмотреть на их новые украшения, полученные и от посла Энпилухана, и от посла самого Аккада. Женам ведь надо было отрабатывать их. Послы Аккада и родного сына эламского царя не жалея сыпали золото в подставляемые ладони царских жен.

Плохо было то, что Салманар, командующий военного гарнизона Кадингира, мечтавший стать главнокомандующим всей кадингирской армии, также изо всех сил поддерживал притязания Энпилухана на эламский трон, надеясь затем в союзе с Эламом и Аккадом во главе объединенной армии повести наступление и захватить новые земли в южном и юго-западном направлении, не понимая, что первой точкой маршрута объединенного войска будет сам Кадингир.

Верховный жрец уже имел несколько длинных бесед с царем Шаркалишарри, в которых обстоятельно доказывал важность передачи завещания в руки Хутрапа, посла Пели. Шаркалишарри вроде бы соглашался с доводами жреца, но ка-

кой-то неприятный осадок от этих встреч все же остался у них обоих. Кадингирского царя бесило то, что ему опять указывают, что надо сделать, лишая его самостоятельности. Ему же как раз понравился посол Энпилухана, недавно побывавший у него на вечернем приеме вместе с послом Аккада. Они оказались очень симпатичными людьми, доставившими ему интересные подарки и рассказавшими несколько занимательных историй. Верховного жреца, в свою очередь, бесила тупость царя Шаркалишарри, не видящего дальше своего носа, не умеющего просчитывать политические итоги решений на несколько шагов вперед.

Когда Абиратташ вступил в чертоги царя, тот сделал знак замолчать своим женам и снова завел разговор о предстоящем выборе получателя шкатулки с завещанием. И в который уже раз верховный жрец должен был объяснять важность выбора на трон Элама именно Пели. Все возражения, которые пытался выставить против него Шаркалишарри, разбивались железной логикой жреца.

Чувствуя все возрастающее раздражение против жреца, но не имеющий ни доводов против, ни сил, чтобы противодействовать этому, царь замолчал. Начавших было снова выкрикивать ругательства в адрес верховного жреца жен, совершенно не стесняющихся его присутствия здесь, царь, поморщившись, приказал рабам увести в женскую половину дворца. От их крика у него уже начиналась головная боль. Они же до самого выхода продолжали сыпать оскорбления,

призывая на голову Абиратташа всевозможные беды и болезни. Однако у выходной двери они остановились и стали так, чтобы и царь хорошо видел их, и они видели царя. Рабы не решались в точности выполнить царский приказ в отношении его жен и, кланяясь, отодвинулись в сторону.

– Мы решим вопрос о передаче шкатулки с завещанием завтра, после верблюжьих скачек, – сказал, наконец, Шаркалишарри.

– Сегодня, сейчас! – дружно закричали от двери жены, – объяви ему свою царскую волю сейчас!

Верховный жрец с иронией наблюдал за происходящим.

Царь заметил его взгляд, покраснел и выпрямился на троне. Руки судорожно сжали подлокотники.

– Мы много дали тебе, верховный жрец Абиратташ, – , решившись, сдавленным голосом начал говорить кадингирский царь, время от времени бросая взгляд на своих жен, ища у них поддержку, – и ты возомнил о себе, что занимаешь исключительное положение!

В помещении наступила тишина. Царские жены довольно кивали головами. Абиратташ понял, что наступает самое главное, то, ради чего царь вызвал его сюда, и о чем под давлением недругов верховного жреца наконец-то решился высказать в открытую.

– В то время, как все падают ниц передо мной, ты не делаешь даже поклон! Ты и сейчас пришел так же, не поприветствовав меня так, как подобает приветствовать царя, замест-

ника бога на земле! – все распаяясь, почти кричал Шаркалишарри, – ты возомнил, что ты один знаешь, как управлять страной, забыв о том, кто есть кто, что только я могу принимать здесь решения! Поэтому знай же, что завещание сразу же после верблюжьих скачек будет передано нашему другу послу Энпилухана, родного сына царя Элама. Таково мое решение! И еще! Что это себе возомнили вы, жрецы, затеяв изменение имени города и божества, проповедуя это на каждом шагу? Разве я давал такое указание? Это ведь идет от тебя? Я знаю это! Ты взял на себя явно много, Абиратташ! В нашу царскую казну поступает слишком мало податей от жрецов, а доходы ваши, как мне докладывают, отнюдь не уменьшились, а наоборот, увеличились! Завтра будет издан указ, по которому в казну жрецы будут перечислять не фиксированную часть, а две пятые от дохода храмов. И ты допустишь моих царских писцов для ведения учета ваших доходов наравне со своими писцами! А сам ты, если желаешь впредь быть допущенным к моим стопам, должен приветствовать меня, как своего повелителя!

– Не бывать козе коровой, а мышонку львом! – в упор глядя на царя, произнес верховный жрец, – я служу одному только богу Мардуку, и только перед ним ложусь ниц и держу ответ!

Абиратташ повернулся и, не оборачиваясь и не слушая, что ему еще вслед кричал царь, пошел к выходу. Выйдя из дворца и сев в носилки, жрец жестом подозвал одного из со-

проводивших рабов и приказал ему отправиться в резиденцию Хутрапа, посла Пели, племянника царя Элама, и попросить его срочно прийти к нему в храмовый комплекс, расположенный у зиккурата.

4. Нападение

Резиденция посла Хутрапа располагалась неподалеку от дворца царя, и гонец быстро достиг цели. Однако храмовый комплекс, куда верховный жрец пригласил эламского посла, располагался на другом берегу Евфрата, и требовалось определенное время, чтобы достигнуть его. Когда Хутрап в сопровождении нового телохранителя на лошади приблизились к переправе через реку, уже сильно вечерело. Множество лодок сновало с одного берега на другой, за небольшие деньги перевозя нуждающихся в переправе. Но не каждая лодка подходила для переправы посла великой державы. Пришлось ожидать, пока с противоположного берега не приплыл большой корабль, застеленный коврами. Приняв на борт только посла, его телохранителя и их лошадей, он отчалил от берега. Рабы, прикованные бронзовыми цепями к лавкам, повинувшись ударам барабана, взмахнули веслами, направляя корабль к противоположному берегу. Евфрат в черте города был широкой полноводной рекой, и рабам предстояло хорошо потрудиться на веслах. Впрочем, таков был их удел – в конце концов умереть на веслах. Ни на их жизнь, ни на их здоровье никто не обращал ровно никакого внимания. Замену на рынке купить можно было всегда.

Громкая ругань кормчего, стоявшего у рулевого весла,

привлекла внимание посла, сидевшего на носу корабля на мягком табурете, понемногу отпивающего ячменное пиво из кружки и созерцающего понемногу приближающийся противоположный берег, уже укрытый первой ночной дымкой, в которой яркими пятнами сверкали многочисленные огни костров и факелов. Посол повернул вопросительный взгляд в сторону кормчего.

– Какая-то лодка прямо перед кораблем прошла, едва не зацепили ее, – извиняющимся голосом проговорил тот, – носит их здесь, Эрра (божество чумы) их забери!

Он наклонился вниз и начал сыпать проклятия на головы людей в сильно близко подошедшей лодке. Посол же снова приложился к кружке. Однако спокойно сидеть ему не пришлось. Внезапно кормчий вскрикнул, схватился руками за грудь и рухнул через борт корабля. Никем не управляемое рулевое весло повернулось в сторону и корабль начал описывать большой круг. Через задний борт перелетело несколько бронзовых крюков с привязанными веревками и впились в корму. И сразу же, цепляясь за веревки, через борт перемахнули несколько человек с мечами и кинжалами наготове, которые бросились к ничего не понимающему послу.

В чувство посла привел вопль находящихся впереди двух нападавших, которым новый телохранитель посла круговым движением огромного меча отсек руки. Их пронзительный вопль был так страшен, что даже нападавшие на мгновение замерли. И тут же с распоротыми животами рухнули еще

двое из них. Не ожидавшие такого отпора, еще двое нападавших, успевших перескочить на корабль, забыв про зажатые в руках мечи, подняв фонтаны брызг, бросились за борт. Не издав ни звука, огромный скандинав подскочил к заднему борту корабля и тут же перемахнул через него, запрыгнув в сцепленную с кораблем лодку, в которой находилось еще несколько человек. Раздался крик, короткое лязганье столкнувшихся мечей, и снова наступила тишина. Скандинав легко запрыгнул обратно на корабль и взялся за рулевое весло, направляя судно к берегу. Однако корабль несло течением реки вдоль берега. Барабан молчал. Испуганный барабанщик и двое надсмотрщиков над рабами, испуганно сжавшись, лежали на днище корабля и молились о спасении. Рабы сразу же воспользовались представившейся передышкой и бросили весла. Оставив рулевое весло, скандинав несколькими ударами ноги быстро привел в чувство барабанщика и надсмотрщиков.

– Вставайте, проклятые лежебоки, – кричал он, – не то, клянусь Мардуком, я разобью ваши тупые головы!

Пришедший в себя барабанщик снова задал темп гребцам, а надсмотрщики взмахнули бичами. Корабль, управляемый рукой скандинава, ускоряясь, поплыл против течения, возвращаясь к месту переправы.

Посол вытер со лба внезапно выступивший пот. Все произошло настолько стремительно, что он не успел испугаться. И только сейчас до него дошло, какой опасности он подвер-

гался.

На берегу один из надсмотрщиков сейчас же убежал вызывать к кораблю стражу, а еще через некоторое время вокруг посла уже нарезали круги куча стражников и дознавателей, выпытывая подробности нападения.

Лишь спустя длительное время, дав подробнейшие пояснения, посол и его телохранитель убыли к месту назначения.

Верховный жрец Абиратташ уже давно ожидал их в своих роскошных апартаментах. И был немало встревожен, узнав о попытке нападения на посла. Внимательно выслушав подробности, он начал задавать вопросы, которые в основном остались без ответа. Никаких особых примет у нападавших не было. На корабле скандинав убил четверых, они все скончались от потери крови. В подплывшей лодке были убиты еще трое. Двоим спрыгнувшим за борт то ли удалось уйти, то ли они утонули. Это было неизвестно. Во всяком случае, их уже начали искать. Никаких примет, позволяющих определить принадлежность убитых к какому-то клану или государству, выявить не удалось. Одежда была местного пошива, да и оружие тоже местного производства. Возможно, мог бы что-нибудь рассказать лодочник, у которого убийцами была взята лодка, но его еще надо было отыскать, что возможно было только утром.

– В общем-то понятно, кто затеял это нападение, – заметил жрец, – а они торопятся! Даже не стали ждать.

– Видимо думали, что убив меня, смогут получить нуж-

ную отсрочку на передачу завещания, – задумчиво произнес посол, – надеются уговорить царя.

– И не ожидали встретить тебя, – усмехнулся жрец, бросив взгляд на скандинава, спокойно сидящего на табурете у стены.

– Вы меня для того и нанимали, – пожал плечами гигант, – здесь и раздумывать было нечего. Однако, я бы не советовал ему отправляться обратно ночью. В темноте можно отбиться от напавших, но невозможно заметить полет тихо пущенной стрелы.

– Пожалуй, ты прав, – заметил жрец, – посему, так тому и быть. Кстати, кто знал, что ты идешь сюда?

– Вроде бы никто, – пожал плечами посол, – во всяком случае, я об этом никому не говорил.

– Тогда мне все понятно, – задумчиво сказал жрец, – они не гнушаются ничем, чтобы устранить соперника. Вообще-то я позвал тебя сюда чтобы сообщить, что на завтра после скачек царь назначил церемонию передачи завещания.

– Наконец то! – обрадовано воскликнул посол.

– Передачу не тебе, а послу Энпилухана.

Бедный посол побелел, ноги его подкосились, и он опустился на табурет.

– Значит, все потеряно, – растерянно произнес он, – и я зря старался...

– Ты плохо меня слушаешь, – прервал его жрец, – я сказал только, что он назначил церемонию передачи завещания по-

слу сына царя Элама, но не сказал, что оно будет передано.

– Как понять твои слова? – удивленно спросил посол.

– Богу сверху виднее, что делать и как делать, и мы не можем вмешиваться в его дела, но можем помочь ему в выборе средств для реализации решения, – жестко сказал верховный жрец, – еще целая ночь и большая часть дня впереди, а за это время может многое измениться по воле Мардука!

И он поднял руки над головой, склонив голову.

5. Верблюжьи скачки

Верблюжьи скачки были любимейшим развлечением как народа Кадингира, так и его царя Шаркалишарри. Длинная трасса гонок располагалась за пределами города и представляла собой извилистое кольцо, проходящее между песчаных невысоких дюн. Многие сановники, как и сам царь, содержали десятки верблюдов, предназначенных исключительно для гонок. При этом использовали дромадеров, стройного телосложения длинноногих одногорбых верблюдов. Гонщик располагался позади горба. И сановники, и царь сами часто садились на скаковых верблюдов, гоня их вперед.

Вот и сегодня с утра царская охрана оцепила большой участок, на котором должны были состояться скачки. На месте начала (и одновременно окончания) гонок собралась огромная толпа народа, обсуждающая достоинства каждого животного, которое должно было принять участие в гонке. Было известно, что у царя появился верблюд, который бежит так быстро, что на лошади не догнать. Был объявлен приз победителю – красивая белокожая наложница, при виде которой у участников потекли слюнки от вожделения, а впридачу к ней огромная золотая чаша.

Самые знатные зрители, а также жены царского гарема и его наложницы, расположились под большими дающими

ть шатрами, потягивая напитки и наблюдая за бегами.

Сначала на укороченной дистанции соревновались дети, получившие сладкие призы. Затем, наконец, очередь дошла до главного приза. Несколько десятков участников расположились рядами. Прозвучал сигнал трубы и гонка началась. Царь Шаркалишарри с оживленным лицом, уцепившись за верблюда, ожег его тонким хлыстом. Поднялись клубы пыли, скрыв участников гонки от многочисленных наблюдателей. Сначала верблюды бежали плотной массой, даже мешая друг другу, затем стали растягиваться по трассе.

К большому повороту, показывающему, что первая половина дистанции пройдена, царь пришел уже выигрывая сотню верблюжьих корпусов у нескольких ближайших конкурентов. Его ожидания оправдались – верблюд под ним был чудо как хорош! Ноги его двигались без устали, унося царя все дальше от конкурентов. Скоро они все скрылись далеко позади из царских глаз. Обрадованный Шаркалишарри подгонял верблюда, стремясь оторваться еще дальше от конкурентов, и без того находящихся настолько далеко, что были вне поля зрения.

Увлеченный скачкой, он не заметил, как из-за дюны, мимо которой его только что пронес верблюд, на свежих верблюдах выехали два всадника с закрытыми шарфами от пыли лицами, так же, впрочем, как и у царя и у других участников гонки, и начали стремительно догонять его. Участь всех отставших в верблюжьих бегах – вдоволь наглотаться

пыли, поднятой ногами впереди идущих верблюдов. Не хочешь глотать пыль – будь впереди, будь победителем. В противном случае изрядная порция пыли тебе обеспечена.

Царь почувал погоню, когда она была уже в нескольких шагах позади. Обернувшись, он увидел двоих человек, также подгоняющих верблюдов, уже почти настигших его и обходящих с обеих сторон. Шаркалишарри немало удивился – как это они умудряются заставить своих верблюдов уже к концу гонки бежать так быстро? Он попробовал еще больше ускорить своего дромадера, но уставший верблюд быстрее бежать уже не мог. А двое наездников уже поравнялись с ним. Один из наездников, находившийся справа от царя, что-то крикнул, повернув к нему закрытое шарфом лицо. Шаркалишарри, не переставая погонять животное, повернул голову в его сторону, собираясь переспросить, о чем тот кричал, но в это время второй всадник, воспользовавшись тем, что царь отвернулся, резко взмахнул рукой с зажатой в ней тяжелой бронзовой дубинкой, которую он до сих пор скрывал, пряча за телом верблюда. Она ударила в висок царя, раздробив ему голову. Всадники продолжали скачку, зажав верблюда с уже мертвым царем между собой. Один из них освободил ближнюю к нему ногу царя от стремени. Всадники разъехались, ожегши верблюда с мертвым седоком плетью с обеих сторон, выпуская его вперед. Тело царя завалилось на бок и свесилось с одной стороны мчавшегося уже в диком испуге верблюда, удерживаясь ногой в стремени, руками и

головой ударяясь о встречные кочки. А всадники повернули своих верблюдов в сторону и бесследно растаяли за ближайшей дюной.

Крик ужаса вырвался у зрителей, когда обезумевший верблюд с мертвым царем появился в поле их зрения. Окровавленная голова царя была разбита о кочки до неузнаваемости. Поднялась страшная суматоха. Верблюда с трудом удалось поймать. Тело царя сняли и тут же лекари начали осматривать его. Гонку остановили. По следам верблюда направились следопыты, который обнаружили следы еще двух верблюдов, выходящих из-за одной из песчаных дюн, идущие затем с двух сторон от следов царского верблюда и скрывающихся затем за другой дюной. Далее шла травянистая почва, и обнаружить, куда ушли эти верблюды, не представлялось возможным.

Параллельно с этим лекари ощупыванием обнаружили, что у царя раздроблен висок, причем раздроблен несколько высоко для того, чтобы получить такое повреждение от ударов о небольшие кочки. Сразу же пополз слух, что это ловко подстроенное убийство.

Убитые горем и разгневанные многочисленные царские жены требовали мести. Они искали, кто мог стоять за этим убийством, и имя Абиратташа, верховного жреца бога Амарутука, повторялось все чаще и чаще. Тем более что он отсутствовал на скачках. Более того, выяснилось, что там не было ни одного жреца вообще. Разъяренные жены тут же потребо-

вали от командующего гарнизона города Салманара военной силой уничтожить гнездо убийц, расположенное в зиккурате бога Амар-утука, не оставив там никого живого. Самому же Салманару старшей женой царя был обещан пост командующего армией страны. Он тут же убыл в городской гарнизон, чтобы поднять солдат.

Тело царя завернули в материю и в сопровождении стеноющих жен повезли во дворец.

6. Сражение у зиккурата

Еще было светло, когда в городе начались беспорядки. Городская стража, начавшая было наводить порядок на улицах, внезапно ушла обратно в казармы. Толпы народа бежали по улицам, призывая к насилию и грабежу в отношении ближайших царских советников. Кое-где запылали их дома, вспыхивали яростные схватки. Жрецы заперли храмовые ворота, опасаясь нападения на зиккурат.

Скандинав, выполняя распоряжение верховного жреца ни на шаг не отходить от посла, расположился в углу большого кабинета. Верховный жрец Абиратташ, еще несколько жрецов высокого ранга и посол Хутрап тихо беседовали, удобно устроившись за столиком, когда к ним вбежал взволнованный жрец в боевом снаряжении с оружием в руках.

– Войска подходят к воротам храма, – быстро сказал он.

Жрецы переглянулись между собой.

– Какие войска, откуда? – спросил один из жрецов.

– Солдаты. Привел их Салманар, командующий городского гарнизона. Их более тысячи человек.

– Быстро, слишком быстро! – вскочив с места, покачал головой Абиратташ, – немного времени нам не хватило! Надо продержаться до утра! Какими силами мы располагаем?

– Двумя сотнями жрецов и несколькими сотнями корпуса

городской стражи. Она полностью поддерживает вас и уже находится у подножия зиккурата.

– Вооружи всех, кого только можно! – скомандовал верховный жрец, – помощь уже на подходе. Надо продержаться до ее прибытия! Утром здесь будут отряды жрецов из других храмов и войска, поддерживающие нас. Позови на совет командиров стражников.

И жрецы в полном составе быстро покинули кабинет.

Скандинав вопросительно глянул на посла.

– Этими вечером и ночью определится дальнейшая судьба Кадингира и всего мира, – сказал Хутрап, – я тоже должен был бы взять оружие, но мне нельзя вмешиваться во внутренние дела чужой страны. Ты же здесь не чужой.

Еще через какое-то время скандинав был уже на обширной площади перед зиккуратом. На ней царила полнейшая неразбериха. По всем направлениям бегали жрецы с оружием и без него, здесь же толпами стояли городские стражники, вооруженные мечами и луками. Лишь у небольшого числа стражников был опыт ведения боевых действий, у жрецов такого опыта не было вовсе.

Окинув галдящий табор взглядом, скандинав бросился к ближайшей группе стражников.

– Кто вами командует? – спросил он.

– Десятник, вот он, – с опаской глядя на светлогожесткого мощного гиганта, вытолкнули стражники одного из своих рядов, – а больше мы ничего не знаем.

– Построй их в шеренгу, – приказал десятнику гигант.

– А ты кто такой, что здесь командуешь? – едва успел спросить десятник, как сильнейший удар сбил его с ног и у своего горла он увидел острие меча.

– Так мне представиться или сделаешь все сразу? – с угрозой в голосе спросил разъяренный гигант, казавшийся воплощением злых сил.

Словно подброшенный пружиной, испуганный десятник вскочил и, тут же заорав на подчиненных, начал строить их в линию.

– Всем стражникам построиться! – мощный голос гиганта перекрыл многоголосый шум, – десятники ко мне!

Еще несколько раз пришлось ему повторять слова команды, и пару раз слишком строптивые стражники летели на землю от мощных ударов.

Через короткое время четыре сотни стражников, разобранных по десяткам, уже стояли несколькими шеренгами. Как оказалось, были у них и более высокие командиры, сотники, но они ушли внутрь зиккурата на совет, обсуждать план обороны.

– Нашли время, – плюнул гигант, – действовать надо, а не разговорами заниматься!

Еще через короткое время стражники были разбиты на четыре сотни, из числа десятников назначены новые сотники. Далее одна сотня растянулась по обширной площади, перегородив ее и направляя всех жрецов с оружием в одну сто-

рону, а без оружия в другую. Их тут же формировали в десятки и сотни, поставив во главе опытных стражников. Безоружных немедленно отправили за оружием. Все это происходило в быстром темпе. А со стороны ворот уже слышались глухие удары – солдаты начали пытаться разрушать их, ударя бревнами, что сделать было очень непросто. Ворота были не только окованы бронзовыми пластинами, но и хорошо укреплены сзади.

Быстро собрав десятников и назначенных сотников, гигант объяснил им, что надо будет сделать, после чего все защитники были расставлены надлежащим образом и в темпе провели несколько тренировок.

Когда высшие жрецы и верхушка городской стражи, так и не выработав никакого решения, решив просто сопротивляться, насколько хватит сил, наконец-то соизволили явиться с совета, командовать им уже было нечем. И стражники, и вооруженные жрецы уже находились напротив ворот под командованием гиганта с огромным мечом, который, не глядя, отбросил в сторону какого-то сотника, пытавшегося заявить свои права на командование.

Верховный жрец приказал никому не вмешиваться в управление, поняв, какую огромную работу по организации обороны за короткое время сумел выполнить скандинав, пока они только думали, что делать.

Гигант выбежал вперед выстроившихся стражников и жрецов и обернулся к ним.

– Все знают, что делать? – прокричал он, – помните, от вашей слаженности зависит, уцелеете вы или нет!

Нестройный утвердительный хор был ему ответом.

– Давай! – прокричал гигант, обращаясь в сторону ворот.

Бывшие возле них несколько жрецов, заметив знаки, подаваемые им, выбили подпорки, удерживающие ворота, и убежали прочь. Ворота распахнулись, и солдаты, бросив уже ненужные бревна, которыми они пытались таранить ворота, но, сказать правду, не нанесли им ни малейшего вреда, ворвались на большую площадь. Напротив них поодаль наготове стояло несколько длинных шеренг вооруженных жрецов. Тут же раздалось призывное пение рожков. Подчиняясь сигналам, дисциплинированные солдаты начали занимать свое место в строю.

Командующий солдатами Салманар уже не сомневался, что он сметет ненавистных жрецов. Против его тысячи выстроившихся в боевой порядок обученных солдат стояли всего-то две шеренги, человек двести, жрецов в белых длинных жреческих одеяниях, вооруженных короткими мечами и плотно прижавшись друг к другу. Сбоку от них, возвышаясь над всеми, находился какой-то гигант, возле которого стоял большой барабан.

Быстро построив своих солдат в глубокую колонну, чтобы легче было прорвать строй противника, Салманар дал команду атаковать. Солдаты медленным шагом начали приближаться к стоявшим неподвижно жрецам. Вот до них уже

шестьдесят шагов, вот уже полсотни, а когда будет тридцать, можно будет переходить на бег и ударить всей солдатской массой. Салманар приготовился уже дать команду рожкам трубить всеобщую атаку, как стоящий сбоку жрецов гигант ударил в барабан. Тут же все стоявшие спереди жрецы упали ниц на землю. За ними открылись две шеренги солдат из корпуса городских стражников с натянутыми луками, одна из шеренг стояла, опустившись на колено, вторая стояла сверху над ней. Снова ударил барабан. Каждый десятый из них выпустил стрелу, целясь в лицо солдатам. Те закрыли лица круглыми щитами, обтянутыми кожей, и тут же вся остальная масса луков одновременно выпустила стрелы, целясь по открытым ногам. Раздались вопли многочисленных раненых, возникла заминка в движении солдат, хотя до стражников было уже недалеко. Снова ударил барабан, стоявшая шеренга лучников быстро также рухнула на колено, открывая стоявшую еще одну шеренгу лучников. Снова свистнули стрелы. А стоявшая на колене первая шеренга лучников тоже была уже наготове. Барабан бил, не переставая, шеренги лучников, первая стоя на колене, вторая и третья попеременно поднимаясь, ритмично одна за другой выпускали сотни смертоносных стрел, целясь частью в лицо, частью по ногам. И солдаты, не зная, какую часть тела прикрывать, потеряв ранеными в основном в ноги треть состава, поняв, что у стрелков из луков цель не убивать их, а прогнать, не обращая внимания на крики командиров, бро-

сились обратно к воротам.

Барабан умолк. Тогда жрецы вскочили на ноги и вместе с бросившими луки стражниками, громко крича, погнались за удирающими солдатами, вместе с которыми, проклиная свое войско, бежал и их командующий Салманар. В воротах возникла страшная давка. Солдаты давили друг друга, стремясь поскорее выбраться наружу. Их было слишком много, а ворота слишком узки для того, чтобы все проскочили через них сразу. А сзади напирали все новые солдатские толпы. На Салманара давили со всех сторон. Грудную клетку сдавило с такой силой, что он не мог вдохнуть. Полузадушенного командующего толпа вынесла через ворота, но вынесенный впереди него солдат уже был с остекленевшими глазами – он, как и многие другие, задохнулся, его легкие не выдержали страшного давления людской массы.. Как только за воротами стало немного посвободнее, тело солдата сползло вниз, под ноги. Салманар, толкаемый сзади, споткнулся о тело солдата и упал, не удержавшись на ногах. А затем по нему, не дав подняться, промчались сотни человек, также спотыкаясь, иногда падая и уже не получая возможности подняться.

Скандинав остановил свое войско на подступах к воротам. Жрецы и стражники молча наблюдали за трагическим исходом через них солдатской массы.

– Это не армия врагов, – жестко сказал Абиратташ, когда кто-то из верховных жрецов заикнулся о том, что надо перебить и раненых, во множестве лежащих на земле, и солдат,

стремящихся к воротам, – они не будут лишними в нашей будущей армии. Ими просто плохо руководили, и к тому же не те люди!

Как ни странно, но убитых было мало – всего около двух десятков солдат. Примерно сотни три их получили ранения в ноги, и жрецы вместо того, чтобы перебить их как напавших врагов, в уже наступившей темноте, подсвечивая себе факелами, начали заниматься их лечением.

Однако в воротах дело обстояло совершенно другим образом. Свыше сотни солдат были затоптаны и задавлены в страшной давке, включая командующего военным гарнизоном города Салманара.

У защитников храма было всего десятка три раненых, да и те своими стрелами в спину, когда в горячке стрельбы из лука они, находясь во второй шеренге, слишком прытко вскочили на ноги, сами подставившись под свои же стрелы, выпущенные задней шеренгой лучников.

7. Переворот

Ближе к середине ночи к зиккурату стали прибывать отряды вооруженных жрецов, а к утру появился и лояльный воинский корпус. Теперь уже верховный жрец Абиратташ, опираясь на военную силу, мог действовать по заранее составленному плану.

Первым же делом значительная часть воинского корпуса была направлена к казармам городского гарнизона и окружила их. Все военачальники гарнизона, кроме нескольких исчезнувших, на которых объявили розыск, были взяты под стражу и изолированы от солдат. Со степенью их участия в ночных событиях на следующий день начала разбираться специальная комиссия, главенствующую роль в которой играли жрецы, а остальными членами являлось руководство прибывшего корпуса.

Отряды жрецов в сопровождении стражников были направлены к домам ближайших советников бывшего царя, которые были явными недругами верховного жреца. И всех их, кого застали дома, тут же перебили вместе с детьми мужского пола. Нельзя было никого оставлять в живых – выросшие мальчики могли начать мстить. Женщин и детей женского пола захватили, чтобы или сделать наложницами, или продать в рабство.

Большой отряд солдат, ведомый жрецами, под утро окружил царский дворец. Под предлогом того, что многочисленных царских жен и наложниц будут перевозить на другой берег Евфрата для допросов, их мелкими группами вместе с детьми увозили к переправе, где всех тихо удавливали, а группы сбрасывали в реку. Таким образом, еще затемно были истреблены все родственники бывшего царя, невзирая на пол и возраст – и царские жены, и наложницы, и их дети. Любой оставшийся в живых член царской семьи мог бы впоследствии предъявить права на престол, а Абиратташ не желал иметь проблем с этим в будущем.

Кроме того, верховный жрец считал, что и царские слуги были развращены служением царю и могли в дальнейшем выказывать жалость к нему, внося смуту в народ. Поэтому в течение следующего дня все до единого слуги мужского пола были закованы в цепи и отправлены в каменоломни, а женщин, не разбирая, это горничная, повариха или танцовщица, также закованных, отправили в отдаленную местность на самые тяжелые полевые работы.

Все сокровища из разоренных домов царских приближенных перекочевали в зиккурат. А в царском дворце появились и новый хозяин, и новые слуги, начавшие быстро его обживать.

Утром народ города проснулся уже под властью нового правителя, бывшего верховного жреца Амар-утука Абиратташа, принявшего титул и корону царя Кадингира и новое

имя – царя Дамик-илишу. По всем городским площадям было объявлено о новом царе страны, о переименовании названия города в Вавилон и имени верховного божества в Мардука, и о новой внутренней и внешней политике нового же царя. В частности, о начале грандиозного строительства еще одного, уже второго, витка стен вокруг города, сулившего крупные долговременные заработки как поставщикам, так и непосредственно рабочим-строителям. Одновременно со стеной должно было начаться строительство нескольких храмов, посвященных Мардуку, в ближайших городах, и нескольких крупных дворцов для бывших верховных жрецов бога Мардука, а ныне ближайших царских советников. Кроме этого, объявлено о дополнительном наборе в армию.

Новый царь Дамик-илишу сразу же начал проводить в жизнь свою концепцию внутренней жизни страны, согласно которой жители должны не слоняться по улицам и голодать, а иметь твердый заработок, который в настоящих условиях могли дать только грандиозные государственные стройки. Для жителей была снижена плата за совершение религиозных обрядов, что оказалось очень дальновидно и в конечном итоге привело к Мардуку новых поклонников и значительно повысило доходы храмов. Была уменьшена повинность на строительстве и чистке оросительных каналов, введена даже небольшая плата за участие в работах на них. Были отменены некоторые налоги с ремесленников, что в дальнейшем существенно оживило деловую жизнь в городе.

Существенным изменениям подверглись отношения государства и жрецов. Отменялись всякие поборы со жрецов, устанавливалась полная независимость храмовых хозяйств от царской администрации. Правда, взамен Дамик-илишу все же запустил руку в сокровищницу жрецов, изъяв некоторую часть ценностей на неотложные государственные нужды, ведь надо было сразу же осуществлять платежи за грандиозное строительство и оплату армии. Однако, это должно было быстро компенсироваться льготами, полученными храмами.

Что же касается внешней политики страны, то были сованы послы стран, с которыми Вавилон имел межгосударственные соглашения, и им было объявлено о продолжении добрососедского курса нового царя.

Годы спустя Вавилон под мудрым руководством царя Дамик-илишу превратится в могучее государство, союз с которым будут искать не только окрестные, но и дальние государства. А затем еще долгие тысячи лет Вавилон будет играть важнейшую роль в мировой политике. Но пока еще ни сам царь Дамик-илишу, бывший верховный жрец Абиратташ, ни его приближенные об этом даже и не помышляют, еще много воды должно утечь до этих времен в полноводном Евфрате, а уже сейчас надо было решить эламский вопрос, ключ к будущему Вавилона...

Пока же появление на небосклоне Вавилона нового царского имени не встревожило соседние государства. Они и без

того уже много лет имели дело с новым вавилонским царем, правда тогда его звали еще на Дамик-илишу, а Абиратташ. Но все прекрасно понимали, что, став царем, он продолжит свою же внешнюю политику.

Не тревожилось ни одно государство, кроме Аккада. Его царь Нарамсин сразу же понял, что с приходом Абиратташа к власти его стремления вовлечь Элам в свою орбиту встретят серьезное сопротивление. Прекрасно понимал это и посол Энпилухана, родного сына почившего эламского царя. Как только стало известно о коронавании Абиратташа, он сразу же отправился к послу Аккада. Вдвоем они написали донесение о сложившейся обстановке царю Аккада Нарамсину и отправили его гонцом с охраной.

Через десяток дней взмыленный гонец привез ответ Нарамсина, а следующей ночью и посол Аккада, и посол Энпилухана бесследно исчезли из своих посольств, несмотря на то, что они усиленно охранялись снаружи городскими стражниками, получившими приказ докладывать обо всех передвижениях их обоих. Никто не видел, как они выходили из посольств. Об их исчезновении случайно узнали через аккадского посольского повара. Он всегда брал на близлежащем рынке одну из ароматических трав, которую добавлял аккадскому послу в еду. И вдруг перестал брать. Тотчас из дворца царя Вавилона прислали приглашение послу Аккада на беседу с вавилонским царем. Из посольства ответили длинным витиеватым посланием, в котором после длинных

пожеланий вавилонскому царю и его домочадцам и приближенным здоровья и всяческих благ в конце было приписано, что в связи с временным выбытием посла Аккада на родину по семейным обстоятельствам его появление у царя Вавилона не представляется возможным. Такого же плана ответ пришел на приглашение и из посольства Энпилухана.

Итак, оба посла исчезли из поля зрения наблюдателей, и это был факт. В этот же день Хутрап, до сих пор проживающий в храмовом комплексе, был вызван в резиденцию вавилонского царя, который прислал для сопровождения полсотни солдат. Захватив с собой нового телохранителя, он без приключений добрался до царского дворца. Пройдя анфиладу богато украшенных комнат, в которых сновали многочисленные рабы, Хутрап попал в небольшой кабинет, в котором и находился бывший верховный жрец бога Мардука, а ныне царь Вавилона Дамик-илишу. Царь тут же отшел за ненадобностью все излишние церемонии, вроде падения ниц, обнял Хутрапа за плечи и усадил его в кресло с подлокотниками и невысокой спинкой. Находившемуся при нем телохранителю, которым, конечно же, был гигант-скандинав, он указал на мягкий табурет у торца стола. Сам же опустился в кресло с другой его стороны.

– Все идет, как ты и предсказывал, – сказал царь, обращаясь к Хутрапу.

– Однако я думал, что в запасе есть еще с полдесятка дней, – покачал тот головой.

– Я предвидел, что их не будет, и предпринял меры, как ты уже мог убедиться. Хотя и сам чуть не опоздал. Однако все благополучно завершилось, во многом благодаря ему, – царь кивнул головой на скандинава.

– Я просто сделал то, что должен был сделать нормальный телохранитель, когда его подопечному грозит опасность, – усмехнулся скандинав, поняв, о чем идет разговор, – а в данной ситуации это был единственный выход, чтобы сохранить его жизнь.

– Ничего себе наняли телохранителя, – усмехнулся царь, – чтобы выполнить свою работу, уничтожает целое войско и, по сути дела, устраивает государственный переворот! Мы не в претензии, – одобрительно махнул он рукой скандинаву, когда тот попытался что-то сказать в свое оправдание, – ты действовал совершенно правильно и совершенно вовремя. Однако, если помнишь, тебя нанимали для охраны посла в дороге. И дорога ваша начнется очень скоро.

Царь помолчал.

– Через три дня, когда будут приготовлены дары Вавилона новому царю Элама Пели, ты уйдешь отсюда с караваном, – сказал он, обращаясь к Хутрапу, – увозя с собой завещание, а сейчас вы познакомитесь с начальником охраны каравана с дарами.

Жрец потянул витый шнурок, висящий над его головой. Где-то вдали послышался удар в гонг. Еще через несколько мгновений в комнату скользнул молодой жрец в белых одеж-

дах и склонился у входа.

– Позови Набонасара! – приказал ему царь.

Вскоре в комнату вошел высокий человек, разменявший четвертый десяток зим. Он был красив той особенной красотой, которую признавали в Вавилоне. В отличие от принятого в Египте изящества, тонкости линий и мягкой пластики движений, Вавилон эталон красоты признавал в массивности, резких линиях и силе. Всему этому соответствовал вошедший человек. У него было массивное, почти прямоугольное, тело с коротко по-солдатски постриженной головой, сильными руками, со шрамом от глаза до угла рта, пересекающим левую половину почти прямоугольного лица, придающим ему немного хищное выражение. Лицо заросло иссиня-черной бородой, подстриженной с сохранением четких углов на уровне верхней части груди. И без того темная кожа была загорелой до черноты. Внешность сразу же выдавала в нем ассирийское происхождение. На левом боку в тисненых ножнах висел бронзовый меч с украшенной позолотой рукояткой. Он остановился у входа и склонил голову.

– Знакомьтесь. Это тысячник Набонасар, кстати, командующий прибывшего нам на помощь корпуса. Он возглавит охрану каравана и будет лично отвечать за его счастливое прибытие ко дворцу царя Элама. А это...

Царь представил тысячнику посла Пели и его телохранителя, затем последовало несколько вопросов посла и некоторый обмен любезностями, после чего разрешил ему поки-

нуть помещение, сказав, что у того еще будет уйма времени, чтобы обсудить с господином послом как маршрут движения, так и систему охраны каравана.

Тысячник послу сразу же решительно не понравился.

– Какой-то он слишком скрытный и угловатый, не люблю таких, – откровенно сказал он.

– А что ты скажешь? – спросил царь у скандинава.

– Опытный воин, – ответил тот, – смотрит прямо, не отводит глаз. Стойко держит удар – я специально немного сжал ему руку, он выдержал, не моргнув. Осторожен – к нам подошел таким образом, чтобы в случае чего сразу же суметь защититься, ответив ударом на удар. Немногословен – не сказал ни единого лишнего слова. То, что дослужился до должности тысячника, говорит о том, что умеет обращаться с солдатами и управлять ими в бою. Шрам на лице говорит о личной храбрости, о том, что не отсиживается за спинами солдат.

Хутрап, слушая скандинава, удивленно крутил головой.

– Как ты только сумел заметить все это? – спросил он.

– А ты молодец, – довольно сказал царь, – в одно мгновение сумел разглядеть его главные черты. Я добавлю только бесстрашие и некоторое упрямство. Это надо будет учитывать вам при движении каравана. Как бы то ни было, последнее слово всегда будет за тобой, мой дорогой Хутрап, – добавил царь, – но...

– Что за но? – уставился на него посол.

– Это касается твоего нового телохранителя. Однако, слушайте и запоминайте оба. Ты, – царь Дамик-илишу смотрел прямо в глаза скандинава, – принял предложенную работу, и все подробности ее узнаешь, сопровождая Хутрапа. А теперь главное в твоей работе. Ты будешь подчиняться только распоряжениям посла и никого, кроме него, и, более того, в чрезвычайных условиях, если они случатся, на время их действия, учитывая твой опыт и умение, которые ты доказал на деле, и посол, и начальник охраны каравана перейдут в подчинение тебе и беспрекословно будут выполнять то, что ты скомандуешь. Набонасар уже получил на этот счет специальные инструкции. Что наступили чрезвычайные условия ты, Хутрап, определишь сам. И что они, чрезвычайные условия, закончились, ты тоже определишь сам. Ты достаточно благоразумный для этого человек. А цель у тебя, Альрик, сын Бьерна, одна – что бы ни случилось, посол должен живым достичь резиденцию Пели, претендента на трон Элама, в городе Аншане. Я сказал! – пресек царь слабую попытку возразить, предпринятую Хутрапом, который только сокрушенно развел руками.

– И последнее, – закончил царь, – отсюда вы оба, по крайней мере, до отправления каравана, не сделаете ни шагу. И спать отныне будете в одной комнате. Я подозреваю, что не зря исчезли послы Аккада и конкурента Пели из Элама. Небось, готовят какую-нибудь пакость. Здесь сделать это я им не дам, ну а дальше... На все воля Мардука, особенно

если и вы сами не будете плошать! А доставить Пели, кроме моих даров, вы должны вот это.

Дамик-илишу пошарил со своей стороны где-то внизу стола. Внезапно часть крышки стола пришла в движение, поднялась и отъехала в сторону, открыв углубление, из которого царь извлек небольшой ларец, сработанный из дерева, украшенный искусно вмонтированными в него по всем линиям сгиба золотыми цветами. Ларец был обвит цветными шнурами, на которых висела печать царя Элама.

– В этом ларце и находится также опечатанный свиток, завещание эламского царя. Все это должно попасть в руки почтенного Пели. Вам понятно?

Посол и скандинав утвердительно кивнули головами.

– Ларец вы получите из моих рук непосредственно перед уходом.

8. Маршрут

Через три дня интенсивной подготовки большой караван под командованием тысячника Набонасара был готов двигаться в дорогу. В состав его входила сотня бактрианов, двугорбых мощных верблюдов, из которых на двух десятках навьючены были дары царя Вавилона – всевозможные золотые и серебряные украшения, драгоценное оружие, тончайшие ткани для жен Пели и еще уйма всяких приятных мелочей. На остальных нагружено продовольствие, выюки для воды, шатры для сопровождающих и еще разные нужные в дальней дороге припасы. Сопровождали его пять десятков погонщиков и две сотни солдат. Половина солдат была на боевых дромадерах – одногорбых верблюдах, вторая половина на конях. В дар Пели вели также десяток великолепных арабских скакунов, каждый из которых имел баснословную стоимость, с изогнутой шеей, тонконогих, чрезвычайно быстрых, за каждым из которых следил специальный конюх. В составе каравана было также до полусотни рабов и поваров.

За прошедшие три дня был оговорен и маршрут. Дамик-илишу предполагал его следующим.

Из Вавилона на плотках и кораблях по Евфрату караван достигнет города Ниппура, из него отправится на восток, переправится через еще один рукав Евфрата (в те чрезвычай-

но отдаленные времена Евфрат имел не одно русло, как сейчас, а два параллельных рукава). Далее следовал переход до города Ларака, стоящего на реке Тигр, где можно было без помех осуществить переправу через реку. Это было единственное место на маршруте, про которое заранее не было известно, как его преодолевать – то ли двигаться севернее, то ли южнее. Это надо было выяснять на месте и зависело от того, как караван сумеет переправиться через предыдущий рукав Евфрата – насколько течением снесет его на юг при переправе. И вообще, это были странные места. Рассказывали, что, несмотря на пору года, обширные пространства там всегда были скрыты туманной дымкой. Не единожды люди пытались пройти сквозь дымку, но никому это не удавалось. Через несколько сотен шагов туман настолько уплотнялся, что не видно было даже собственных ног. Осмеливающийся все же двигаться в этом тумане еще через несколько сотен шагов, сделав круг, выходил из него почти там же, откуда и входил в него, или не выходил вообще никогда. Однако, бывали дни, когда туман сильно рассеивался, и сквозь дымку удавалось разглядеть вдали то ли озеро, то ли солончаки да болота, а еще дальше виднелась роща финиковых пальм. То ли то был остров в центре озера или болот, то ли мираж в этом месте – этого не мог сказать никто.

Затем дорога лежала на восток уже практически по земле Элама в большой город Сусан (значительно позже переименованный и уже известный как Сузы, ставший к тому време-

ни столицей Элама).

– К сожалению, как это ни жаль, Сусан придется обойти стороной, – заметил Хутрап, – мне дорога туда заказана. Правитель города Эпарти поставлен жрецами богини Пиненкир и опирается на них. А они смертельно боятся воцарения Пели, и караван просто исчезнет первой же ночью в городе, вздумай я туда заглянуть.

– Да, Пели после воцарения предстоит много работы по установлению своей власти, – заметил Дамик-илишу.

– Ничего, он работы не боится, – усмехнулся Хутрап, – и он будет не один, помощники всегда найдутся.

– Однако жаль, – продолжил царь, – я рассчитывал на то, что в Сусане твой караван пополнится дополнительной охраной.

– Ты думаешь, что к тому моменту в охране уже будет мало солдат? – спросил скандинав.

Дамик-илишу взглянул на Хутрапа и опустил голову.

– Признаться, я думаю, что к Сусану от каравана ничего уже не останется, – помолчав, сказал он, – вот поэтому я и нанял тебя. Тебе предложены большие деньги, и ты постарайся получить их, завершив начатое. Видишь, я не скрываю, что работа предстоит сложная и опасная.

– Поживем – увидим, – усмехнулся скандинав.

– И да поможет вам Мардук! Однако, к делу...

После Сусана, направившись на юго-восток, и, переправившись через реку Карун, следовало двигаться до конечной

цели пути – резиденции эламских царей города Аншана.

При разработке маршрута были учтены сведения, полученные при опросе купцов, бывавших в Аншане, а также знания самого Хутрапа, уже проделавшего этот путь, но только в обратном направлении, от Аншана до Вавилона.

Конечно, быстрее всего было бы двигаться все же другим маршрутом. Это признавали все. По нему сначала из Вавилона следовало бы против течения Евфрата подняться вверх до города Сиппара, а затем по восточному рукаву Евфрата доплыть до Персидского залива, и, спустившись по нему примерно наполовину, высадиться на сушу, а оттуда уже рукой подать до цели.

Однако против течения, скорость которого почти равнялась скорости идущего человека, то есть была достаточно существенной, выгresti на большом корабле или плоте было практически невозможно. Даже если пройти этот кусочек по суше, то восточный рукав Евфрата был совершенно неизученным местом, изобиловавшим внезапными отмелями, поворотами, и был при этом очень узким, что не обеспечивало необходимую безопасность плавания.

И, главное, по реке невозможно было пройти незамеченными мимо Лагаша, с которым у Вавилона были более чем напряженные отношения, да и разбойничьих шаек на реке хватало с избытком. Даже если бы удалось счастливо выйти в Персидский залив, то там пиратство было настолько сильно развито, что местные прибрежные племена иногда толь-

ко и жили за его счет, грабя проходящие у берегов караваны кораблей и плотов, если только их не сопровождала очень большая охрана. Но и сильная охрана часто была не в состоянии защитить весь караван от нападения.

И в принятом маршруте движения каравана с дарами имелись сложные участки, где караванная тропа проходила через территорию воинственных местных племен, но две сотни солдат сопровождения давали хорошую гарантию счастливого исхода всего дела. Хотя слова царя о том, что к Сусану от каравана ничего может не остаться, заставляли призадуматься.

Утром назначенного к отправлению каравана дня посол Хутрап в сопровождении телохранителя Альрика из настолько далекой, что почти мифической Скандинавии, явился в покои бывшего верховного жреца главного божества Мардука, а ныне полновластного властителя царя Вавилона Дамик-илишу. Тот ждал их, стоя у небольшого столика, на котором стояла уже известная запечатанная шкатулка с вложенным в нее завещанием.

Царь взял шкатулку и подал ее послу, который, опустившись на колени, принял ее на ладони обеих рук.

– Я обещаю, что доставлю ее по назначению, – торжественно-серьезно сказал посол.

– Шкатулка что, пришла в негодность и ее заменили? – внезапно спросил скандинав.

Посол и царь, переглянувшись, уставились на него.

– Э-э, с чего ты взял? – наконец, обретя дар речи, спросил царь.

– На той шкатулке, что ты держал в руках несколько дней назад, лепестки цветов на передней кромке были под другим углом.

– А-а, теперь я понял! – с некоторым напряжением засмеялся Дамик-илишу, – когда я готовил все для посольства, то осматривал шкатулку. И она выскользнула из моих рук и упала на пол, повредив орнамент сверху. Однако я тут же вызвал своего лучшего ювелира, и он к вечеру доложил, что уже исправил все недочеты. Так ты говоришь, есть смещения лепестков? Каких?

Скандинав уверенно указал на четыре крайних от угла лепестка.

– Они попарно отклонялись вверх и вниз, – сказал он, – а теперь все четыре имеют одинаковый наклон.

– Это показывает, что мои люди далеко не совершенны, и могут обмануть и меня, если их жестко не контролировать! – раздраженно произнес царь и дернул за шнурок, свисающий с потолка.

Сразу же в комнату вбежал молодой жрец в белой одежде, один из секретарей правителя, и почтительно остановился у входа.

– Моего ювелира сюда, живо! – приказал ему царь, – приволочь в сопровождении четырех человек!

Жрец исчез, а спустя короткое время четверо сильных

жрецов затащили в помещение испуганного человека в чистой разукрашенной одежде и бросили его к ногам царя.

– Что это? – закричал Дамик-илишу, хватая ювелира сзади за одежду и подволакивая к столику, на который снова была поставлена шкатулка, – я приказывал тебе отремонтировать ее, а ты не сделал это в совершенстве!

– Я не виноват... – залепетал было бедный ювелир.

Однако царь, не слушая, тыкал его лицом в шкатулку.

– Смотри! Последний раз я прощаю тебя! А чтобы он лучше запомнил, всыпать ему в соседней комнате двадцать палок, так, чтобы я слышал это и душа моя радовалась!

Не прекращающего что-то жалобно говорить ювелира дюжие жрецы вытащили в соседнюю комнату, оставив приоткрытой дверь, и тут же оттуда послышался свист палок и вопли избиваемого человека.

– Будем считать инцидент исчерпанным, – с удовлетворением произнес царь, обращаясь к послу, когда вопли утихли.

Посол согласно наклонил голову. Царь взял шкатулку, вышел в соседнюю комнату, откуда послышался его повелительный голос, и тут же без нее вернулся обратно.

– Скоро все будет исправлено. Подождем, – сказал он, сделав приглашающий жест рукой в направлении стоявшего в стороне столика, уставленного вазами с фруктами и кувшинами с прохладительными напитками. Прошло еще немного времени, и избитый ювелир на дрожащих руках сам вынес злосчастную шкатулку, у входа упал на колени, низко скло-

нился, поставил ее себе на голову и в такой смиренной позе подполз к царю. Тот внимательно осмотрел шкатулку, взял ее, сказал ювелиру: – Ведь можешь, если хочешь! – и добавил: – Разрешаем удалиться!

Ювелир так же на коленях попятился и выполз из помещения.

– А теперь бери ее, она твоя! И береги!

Дамик-илишу снова передал шкатулку Хутрапу, который бережно уложил ее в небольшой мешочек.

– Я даю вам в дорогу еще двоих людей. Еще одна пара надежных мечей, я думаю, для вас лишней не будет.

Царь хлопнул в ладоши. В помещение вошли и остановились у входа два молодых черноглазых жреца с выбритыми головами в длинных белых одеждах.

– Это Шамши, – указал царь на более высокого жреца, – а это Бурна. Они из моих личных телохранителей. Им можно доверять, как мне. Впрочем, ваша дорога всех вывернет наизнанку и покажет, кто что стóит. Они поступают в твое распоряжение, – царь кивнул скандинаву, – и помни, они далеко не новички в этом деле.

– Если они не новички, то знают, что им делать, – в упор глядя на них, сказал скандинав, – а если что-то сделают не так, как мне надо, я просто сверну им шею!

– Внешность обманчива, – усмехнулся царь, – поверь, даже тебе это будет не так то и просто сделать. Конечно, они не сравнятся с тобой, – царь окинул взглядом фигуру скан-

динава, – но, поверь, мечом каждый из них владеет в совершенстве. И не только мечом. Они с детства готовились к поприщу телохранителей, и весьма преуспели в этом.

Молодые жрецы склонили головы.

– Мы не доставим вам дополнительных хлопот, – спокойно сказал один из них.

– Ну, вот и договорились, – довольно сказал Дамик-илишу, – однако, пора. На торжественном богослужении ждут только нас. Священная роща, как и сам зиккурат с храмом Мардука, находятся на другом берегу реки, и надо время, чтобы добраться туда. А ровно в полдень вы должны отплыть. Плоты и корабли уже готовы и загружены.

9. Богослужение и отправка

Богослужение должно было начаться в священной роще бога Мардука, имеющей равновеликое значение с его храмом, расположенном по верху зиккурата. Удобство состояло в том, что священная роща располагалась неподалеку от берега Евфрата. Царь и посол в сопровождении большой стражи на лошадях, а не в носилках, быстро из царского дворца добрались до переправы через реку, где их уже ожидали корабли. Переправа не заняла много времени, и кортеж направился в сторону священной рощи. Вскоре охране уже пришлось расчищать дорогу: людей, желающих поглазеть на редкое зрелище торжественного богослужения, проводимого самим царем, который не снял с себя сана верховного жреца бога Мардука, было очень много. Охране приходилось частенько пускать плети в ход, отесняя зевак в сторону. Как бы то ни было, вскоре кортеж был уже у священной рощи. Она была оцеплена солдатами и доступ в нее был закрыт. Все спешили. Царь ушел в небольшой храм, стоявший в зелени деревьев, а Хутрапа попросили ожидать начала церемонии в роще рядом с ним. Через некоторое время с другой стороны храма раздались звуки музыки, и посла пригласили пройти в ту сторону.

Перед парадным входом в храм находилась небольшая от-

крытая площадь, на которой выстроены были жрецы в белых длинных одеждах. В голове колонны находились музыканты, играющие на инструментах, принятых в Вавилоне, к числу которых принадлежали лиры, лютни, флейты и ручные барабаны. За ними располагались певцы, песнопениями славящие богов. Далее были танцоры, своими танцами услаждающие богов, в танце показывающие сценки из их жизни. А за ними на увитых цветами носилках жрецы несли не изображения бога Мардука, которое выносили только по большим религиозным праздникам, а его символы – золотые мотыгу, лопату и небольшое изваяние дракона Мушхуша.

Вот из дверей храма появился сам верховный жрец бога Мардука, сел в разукрашенные открытые носилки, которые чернокожие рабы подняли на плечи, и, махнув рукой, дал команду на начало церемонии.

Теперь, уже в движении, непрерывно заиграла музыка, запел хор, танцоры начали танцевать. А следом пришли в движение и остальные участники церемонии. За танцорами шли жрецы с корзинами, полными цветочных лепестков, которые они непрерывно бросали под ноги, так что символы бога Мардука проносили по живому ковру. За символами бога Мардука следовали носилки верховного жреца Абиратташа, который, играя роль жреца, снова назывался этим именем.

Сразу же за носилками верховного жреца, окруженными отдельной охраной в вызолоченных доспехах, несли носилки с послем Элама Хутрапом, за которыми на лошадях с впле-

тенными в гривы и перевязанные хвосты цветными ленточками ехали его телохранители – скандинав, Шамши и Бурна. Далее снова шла процессия жрецов в белых одеждах, несущих вино для возлияний в честь богов. По сторонам церемонию охраняли выстроенные с обеих сторон дороги цепочкой от храма до места отплытия посольства солдаты.

Пройдя небольшой путь до выхода за территорию священной рощи, процессия вышла в город. Удивительное зрелище предстало перед глазами скандинава. Вокруг процессии собрались огромные толпы народа. При старом царе, не жаловавшем жрецов бога Мардука, таких процессий было не более одной в год, по самому большому празднику, связанному с разливом реки. Теперь же страной управлял царь, одновременно являющимся верховным жрецом бога Мардука, и всем было интересно не только взглянуть на процессию и лично узреть нового царя, но и оценить новшества, привнесенные новым царем, про которого говорили, как о умном руководителе страны. Впрочем, за короткое время его нахождения у власти в этом убедились уже почти все. Уже разворачивались грандиозные стройки. Многие люди, работающие на них и над украшением города, стали получать твердую оплату за свой труд. Значительно снизилось на улицах число не только праздно шатающихся попрошаек, но и нищих. Ведь теперь только полный лентяй не мог найти работу. Стражники повели усиленную борьбу с преступностью на улицах. Пойманных воров и разбойников безжалостно каз-

нили. Перестали чинить препятствия ремесленникам. Город расцветал на глазах.

Тысячи людей стояли вдоль дороги, по которой шла процессия, бросая цветы под ноги жрецам. Многие люди из толпы были в разноцветных рубашках. У более простого народа она обычно доходила до колен и подпоясывалась кушаком. У более зажиточных рубашка была до пят и внизу украшена кистями. Некоторые были в так называемой каунакес, имитирующей мех одежде, вышедшей из незапамятных древних времен.

В связи с объявленным праздником среди стоявших было много и женщин, чья одежда отличалась от мужской только великолепной выделкой, коей всегда славилось Междуречье.

У мужчин, как правило, были длинные завитые бороды с вплетенными в них разноцветными нитями (у более богатых они были из золота), густые также завитые усы, начерченные брови, а сами лица побелены и нарумянены. При приближении к ним процессии люди воздевали руки к небу, воздавая хвалу богу, а затем падали ниц, прижимаясь лбом к земле, оставаясь в такой позе, пока символы бога Мардука и носилки верховного жреца не пронесут мимо них.

Наконец процессия приблизилась к месту, где находились плоты и корабли экспедиции. Отправляющиеся в плавание выстроились на берегу, желая получить божественное благословение.

Здесь надо сказать о средствах передвижения по воде, на

которых должна была отправиться в путь экспедиция.

Как известно, в этих местах крайне мало лесов. Соответственно и пригодной для постройки кораблей древесины очень мало и стоит она слишком дорого. Поэтому основным транспортным средством экспедиции стали два с половиной десятка плотов, основу которых составляли кожаные наполненные воздухом меха. Сами плоты сделаны были из переплетенных прутьев. Сверху они также были стянуты кожей. Плоты были достаточно больших размеров, чтобы нести десятка полтора верблюдов. Кроме них, среди плавсредств было с полдесятка кораблей. Они были большие, совершенно круглой формы, и также сплетены из крепких ивовых прутьев, снизу обтянутых кожей. Каждый плот и корабль управлялся парой рулевых весел, располагающейся в его задней части, которыми обычно управляли двое людей, один из которых тянул одно из весел к себе, а другой отталкивался.

Процессия остановилась на специально оставленном свободном месте перед плавсредствами посольства. Жрецы обнесли каждый плот и корабль символами бога Мардука, совершая возлияния в его честь, наполняя специальные золотые кубки священным вином и поливая им все вокруг. Затем верховный жрец приблизился к стоящему впереди послу и благословил его, собственноручно дав пригубить священного вина. Отплывающие взошли на плоты и корабли, оттолкнулись от берега, и быстрое течение тут же подхватило их своими струями.

10. Плавание по Евфрату

Вскоре процессия исчезла из глаз отплывших людей, а мимо плотов и кораблей по обоим берегам Евфрата быстро пробежали многочисленные городские трех- и четырехъярусные постройки с плоскими крышами. С правой стороны, там, где был царский дворец, рассматривать панораму города мешала построенная вдоль кромки берега стена, в которой напротив каждой улицы были сделаны ворота, открытые днем и закрывающиеся на ночь. Кое-где такая же стена уже была сделана и по левому берегу, но работы по ее возведению там были еще в самом начале.

Хутрап сидел на невысокой мягкой скамеечке в передней части плота. Рядом с ним стоял скандинав, рассматривая пробегающую панораму города. Чуть поодаль, по-восточному скрестив ноги, с бесстрастными лицами, будто бы ушедшие в себя, сидели Шамши и Бурна. Их неподвижность отнюдь не смущала скандинава. Он понимал, что в случае какой-либо опасности переход к действию у обоих жрецов будет практически мгновенным. Они ведь, несмотря на молодость, были высокочлассными телохранителями. А в том, что они любой ценой постараются выполнить поручение верховного жреца по охране особы посла, он не сомневался.

– Эта часть города защищена пока еще не особо, – нару-

шил молчание скандинав, кивая на городские постройки левого берега, где среди них возвышалась громада зиккурата.

– Нынешний царь Дамик-илишу достроит эту стену за несколько ближайших лет, – заметил подошедший к ним Набонасар, – я собственными ушами слышал, как он давал такое поручение городским зодчим.

– Кроме того, он будет строить вокруг города еще одну стену, – сказал Хутрап.

– Разумно, – согласился скандинав, – а то ведь в случае осады города между стенами обычно выращивают урожай, помогающий прокормить население и войско, а у Вавилона такого межстенного пространства до сих пор нет.

– Это дело поправимое, – Хутрап поправил прическу, начавшую разрушаться от встречного ветерка, – не забывай, что город Кадингир еще только начинает зваться Вавилоном, еще далеко не все привыкли к этому имени. Да, кстати, а почему на плотях находятся ослики? – он кивнул на плот, плывущий спереди них, в задней части которого меланхолично жевали траву четыре ослика.

На плотях, находящихся позади, также было по несколько осликов.

– Ты не местный, – засмеялся Набонасар, – поэтому не знаешь!

Скандинав также улыбнулся.

– Все очень просто, – продолжал пояснять начальник охраны каравана, – видишь, как быстро мы плывем? Течение

реки очень сильное. Добравшись до Ниппура, мы высадимся на берег, плоты разберем и продадим на дрова. Однако кожа дорого стоит, тем более уже сшитая по размеру кораблей, поэтому в торговых караванах ее подсушивают, грузят на осликов и отвозят домой, чтобы обтянуть затем новые корабли или плоты.

– Однако мы не собираемся возвращаться, – заметил посол.

– Но из Ниппура мы пойдем к восточному рукаву Евфрата, через который надо будет еще переправиться. Если не взять с собой кожу, как мы сможем сделать плоты для переправы?

– А почему ты решил, что нам надо будет строить столько же плотов и кораблей, что есть у нас сейчас? – спокойно спросил скандинав, – на мой взгляд, ты сделал ошибку, взяв осликов на каждый плот и корабль, перегрузив их этим. Видишь, большая часть плотов еле выступает над водой. Сейчас у нас два с половиной десятка плотов и полдесяток кораблей. При переправе через второй рукав реки, я думаю, достаточно будет пяти плотов. Нам же не сплавляться, а только переправиться. Мы выиграем за счет уменьшения количества плотов дня два-три, если не больше. Изготовить их полдесяток – это не три десятка. А переправа – это быстро. За день все сделаем.

– А ведь он, пожалуй, прав, – заметил посол.

– Как-то я не подумал сразу об этом, – сокрушенно ска-

зал Набонасар, – да ладно, в Ниппуре продадим и лишних осликов.

Первое время берега реки были усеяны усердно работающими крестьянами. Во многих местах стояли «журавли», поднимающие воду из реки вверх, откуда она по деревянным выдолбленным половинкам труб распределялась на поля. Затем поля стали попадаться все реже и реже, пока вовсе не перестали встречаться.

Громада зиккурата с храмом на вершине еще долго поднималась над горизонтом, пока и она не растаяла вдалеке. Теперь вокруг по берегам великой реки Евфрат были только невысокие холмы, покрытые степной растительностью, еще не начавшей выгорать на уже жарком солнце.

Во многих местах берега густо поросли тростником, по которому, как по воде, ходили волны, вызываемые небольшим ветром.

Изредка по берегам встречались небольшие, домов в пять-десять, деревушки. Тогда вокруг них зеленели отобранные у засушливой земли поля, засеянные пшеницей и льном, хорошо произрастающих в местных условиях, а на склонах близлежащих холмов паслись отары овец.

Завидя плывущий по реке караван, как правило, от деревушек отделялись одна-две небольшие лодки, с которых местные жители на ходу пытались продать что-нибудь из съестного – сыр, вяленое мясо. Предлагались также изделия из шерсти – ковры, теплые накидки.

Ближе к вечеру подплывшие со своим товаром местные жители обмолвились, что дети-пастухи сегодня видели вдали отряд всадников, быстро скачущих вдоль реки в направлении, попутным ее течению. То есть движение всадников совпадало с движением каравана.

Набонасар отдал приказ плоты повернуть к берегу, благо он почти везде был пологим, и пристать к нему в любом месте было нетрудно. По его просьбе отыскали и привели двоих мальчишек, старшему было зим двенадцать-тринадцать, младшему около десяти. По их рассказу, они оставили отару пастись у подножия холма, а сами поднялись на его верхушку, намереваясь просто полежать там, и тут младший из них, самый остроглазый, разглядел двигавшееся в их сторону темное пятно на горизонте. На всякий случай они припали к земле, слившись с травой, стараясь не высовываться. Обминая холм с другой стороны, быстро промчалась группа всадников. Их было несколько десятков, одежда отличалась от местной. Все вооружены. Отару, пасущуюся с другой стороны холма, они не заметили и умчались дальше.

Набонасар бросил каждому из них мелкую монету, которую они ловко подхватили грязными ладонями и тут же, засунув за щеку, убежали прочь.

Появление неизвестных всадников заставило усилить бдительность. Теперь караван плыл уже не у берега, а выходил ближе к середине уже широкой реки. И с берега стрелами достать его было уже невозможно. Не только на идущем

впереди плоту, но и на всех других плавсредствах были выделены наблюдатели, которые должны были следить за берегами. Впрочем, всадники могли быть охраной какого-нибудь заезжего посла или местного богатея, отправившегося, например, на охоту. Совсем необязательно их появление несло угрозу. Однако начальник охраны каравана Набонасар никакие меры предосторожности не считал излишними и постоянно был настороже. Однако все было спокойно, и до того времени, когда уже надо было останавливаться на ночевку, ничего особенного не случилось. Плоты и корабли сработаны были добротно. Ни один из кожаных мешков, основа плотов, не спустил воздух, не протек ни один из швов сшитых кож на днищах кораблей. Все было просто идеально.

Продолжать плавание ночью было нельзя. Река изобиловала поворотами, изредка встречались отмели, а при большой скорости течения быстро отвернуть большие плоты в сторону было практически невозможно.

Набонасар дал команду пристать к берегу на ночевку, когда спереди по левому борту показалась какая-то небольшая, домов в пять, деревенька. Пока плоты направлялись к берегу, быстрое течение уже унесло караван вниз за деревню. Вскоре на берегу уже устанавливали шатер для посла, сводили с плотов и кораблей лошадей и верблюдов, чтобы дать им возможность подкормиться и размяться, разжигали костры и ставили на огонь котлы. Набонасар на вершинах близлежащих холмов выставил караулы.

Шатер ставили только для посла. С ним в шатре ночевал также и скандинав, которому это вменил в обязанности царь Вавилонна Дамик-илишу, нанимая охранником Хутрапа. Все остальные спали под открытым небом, благо ночами было очень тепло. Правда, очень донимали комары, однако у каждого была специальная накидка от них. Но горе было ночью тому, у кого открывалась хотя бы какая-то часть тела. Она сразу же становилась обеденным столом для комариных полчищ, и человек, проснувшись от жгучей боли, еще долго после этого не мог заснуть снова, а волдыри от комариных укусов еще долгое время страшно зудели и чесались.

А вскоре после того, как первые дымы поднялись вверх, с одного из холмов передали сигнал о том, что сюда направляются какие-то люди. Во главе полусотни всадников начальник охраны каравана поспешил к ним навстречу. Людьями оказались старейшина деревни в сопровождении еще троих мужчин. Их провели к послу. Оказалось, что они видели проплывающий караван и правильно предположили, что караванчики остановились здесь на ночевку. Старейшина пригласил Хутрапа на ночлег в деревню, но тот отказался, сославшись на большую усталость после длительного плавания, но пообещав утром перед отплытием обязательно заехать в деревню. В ней проживало всего-то десятка три человек, включая женщин и детей. Проплывающие мимо останавливаются здесь крайне редко, и все будут рады увидеть свежего человека. На осторожные расспросы о всадниках

старейшина уверенно отвечал, что никто из деревенских уже давно посторонних не видел. А на лошадях здесь вообще никто не передвигается – река под боком. Посол подарил старейшине кинжал в узорчатых ножнах, старейшина, в свою очередь, подарил послу небольшой красиво вытканый коврик ручной работы с толстым ворсом. После чего старейшина со своим сопровождением удалился.

11. Нападение амореев

Вскоре ночь окутала землю своим покрывалом. Яркие звезды гирляндами рассыпались по небу. Из-за ближайших холмов изредка слышалось противное тьявканье шакалов и пронзительные вопли гиен. В воздухе время от времени выплывали пируэты летучие мыши и, пугая сторожей, низко над ними проносились ночные хищники с огромными глазами – совы.

А ближе к утру в шатер Хутрапа вбежал Набонасар.

– Неладно в деревне, – быстро сказал он, – зарево в той стороне, дома горят.

Весь лагерь был уже на ногах. Солдаты в полном вооружении тревожно поглядывали в сторону освещенного пожаром неба. Вскоре во главе полусотни всадников Набонасар уже мчался в сторону деревни. С ними отправился и скандинав.

Они по берегу реки, огибая небольшие холмы, быстро мчались вперед. Местность была ровная, ям и ловушек опасаться не приходилось. Всадники из-за холмов вырвались к деревне и поскакали вперед, охватывая ее полукольцом. Там уже всю горели хозяйственные постройки, стога сена. Вовсю пылали четыре из пяти домов. А в последнем, пятом доме, огонь еще только начинал охватывать одну из стен.

Неизвестные всадники, суетившиеся у построек, едва за-

слышав приближающийся топот копыт, вскочили в седла и помчались в степь. Преследовать их в темноте не имело смысла – не известна была ни их численность, ни дальнейшие намерения. Не приведут ли они ночью в засаду? Это никто не мог сказать.

От пожара вокруг было светло, как днем. К четырем горевшим домам подступиться уже было невозможно. Набонасар первым подскакал к только разгоравшемуся дому, с ходу вышиб дверь и ворвался внутрь него. Следом, держа наготове меч, в дом вбежал скандинав, за ним несколько солдат. В нос ударил запах крови. Пожар, бушевавший в соседних домах, хорошо освещал все внутри. У порога лежал старейшина с проломленной головой. Из троих молодых мужчин, пытавшихся защищаться, двое были буквально утыканы стрелами, а у одного просто отрублена голова. Их мечи находились тут же, на полу. Воспользоваться ими они не успели. На них не было следов крови, нападение, суля по всему, было внезапным и одновременно на все дома сразу. На лавках вдоль стен с разбитыми окровавленными головами лежали женщины и дети. Из деревни не уцелел никто, ни один житель. Кто это сделал? Зачем? Кому мешала мирная деревня? Ответов не было. А в доме уже начала гореть и крыша.

– Уходим, а то сгорим и сами, – зло скомандовал Набонасар.

– Похоже, одна из женщин жива! – внезапно закричал один из солдат, – только что шевельнулась!

– Хватайте ее и быстро из дома!

Солдаты, подхватив на руки единственную оставшуюся в живых жительницу деревни, быстро выбежали наружу, а дом тут же, словно ожидая, пока его покинет единственный живой его житель, запылал всем своим объемом.

– Еле успели, – сказал кто-то из солдат, еще бы чуток, не успели бы уйти из огня!

Сразу же стали осматривать спасенную женщину. Это была совсем еще юная девушка, разменявшая шестнадцать-семнадцать зим. Природа наградила ее поразительной красотой. Смертельный удар проломил лавку рядом с ее головой, слегка задев голову и нанеся небольшую рану на виске. Судя по всему, от удара она потеряла сознание. На широкой лавке она спала с маленькой сестричкой, которой также проломили голову, и ее кровь залила и саму девушку. Это и спасло ее от повторного удара. Нападавшие сочли девушку мертвой и поэтому не добились ее.

Больше в деревне спасти было некого. Дома рухнули, подняв вверх снопы искр. Набонасар оглядел картину разрушений, вскочил на коня и поехал в сторону лагеря.

– Когда-нибудь я поймаю тех, кто это сделал, – сквозь зубы сказал он скандинаву, молча ехавшему рядом.

Так и не пришедшей в сознание девушке осторожно обмыли от крови голову и наложили на рану повязку. Ее несли на носилках, тут же сделанных из подручных материалов, четверо солдат.

В лагере девушку еще раз осмотрел лекарь, сказав, что ей повезло, физически она сильно не пострадала и ей просто надо прийти в себя от потрясения. Он дал ей понюхать какой-то из своих составов. Девушка начала приходить в себя, громко застонала и схватилась за голову. Затем обвела непонимающим взглядом собравшихся вокруг вооруженных мужчин.

– Где я и что со мной? – тихо, почти шепотом, спросила она.

– Ты ударилась головой, скоро все пройдет, – мягко сказал лекарь, – но тебе надо некоторое время полежать.

– А где мой отец? Где сестры? Почему никого нет?

Она попыталась было сесть, но голова ее бессильно опустилась на носилки. Из закрытых глаз выступили слезы.

– Утром все расскажем, а теперь спи, – сказал лекарь, осторожно приподнял ее забинтованную голову и приложил к губам растворенное в воде снадобье.

Девушка сделала несколько глотков. Вскоре дыхание ее стало ровным.

– Она спит. Я дал ей снадобье для сна, – сказал лекарь, повернувшись к послу, – это теперь единственное средство лечения, которое ей необходимо – крепкий сон. И спать будет долго.

Девушку уложили в шатре.

Хутрап, Набонасар и Альрик присели у небольшого костра. Шамши и Бурна тоже присели рядом. Спать никому не

хотелось. Все молча смотрели на пляшущие язычки пламени.

В воздухе звенели комары, отгоняемые дымом костра, да на реке кричала какая-то птица. Шакалы и гиены примолкли, вспугнутые внезапным шумом в лагере людей.

– Не понимаю я, – наконец нарушил молчание скандинав.

– Что не понимаешь? – переспросил Хутрап.

– Ничего не понимаю, – с досадой сказал скандинав.

– Что тут непонятного? – удивился Набонасар, – разбойничья группа хотела напасть на караван, но увидела, что он под надежной охраной, и напала на деревню, желая там поживиться чем-нибудь.

– Не все так просто, – покачал головой Альрик, – в домах убиты все без различия пола и возраста.

– Ну и что? – возразил Набонасар, – я не раз видел такое, когда убивают всех тех, кто может рассказать про напавших. Так обычно делают, чтобы замести следы.

– А для чего тогда убивать младенцев, которые точно ничего не смогут рассказать? И, ты обратил внимание? Они перебили всю живность, перерезали весь скот, собак, всех, кто мог двигаться. Зачем? При этом они и не скрывали, кто они.

– Как понять твои слова? – удивленно спросил Хутрап, – ты знаешь, кто они?

Вместо ответа скандинав извлек отломанные наконечник стрелы и ее оперение и протянул послу. Передавая из рук в руки, все начали рассматривать их.

– Я отломил это от стрелы, вонзившейся в стену в доме. Все остальные стрелы были такими же, – пояснил скандинав, – взгляните на оперение. Видите, на нем чередование черных и коричневых перьев? А взгляните и пощупайте грани наконечника стрелы. Они зазубрены на манер гарпуна, так, чтобы легко зайти в тело, но невозможно было вытащить. Я видел такие стрелы только у амореев, западных кочевых племен. Откуда здесь, далеко на юго-востоке, могут взяться амореи? Какова цель их бессмысленной жестокости? Запугать нас? Это не так и просто. Тогда что?

– Возможно, ты прав, – тихо сказал посол, – но, пожалуй, этого мы не узнаем. А ведь это только первые шаги длинного пути. Однако, скоро рассветет, надо будет отправляться дальше.

– А с ней что делать? – кивая на шатер, спросил Набонасар.

– Возьмем с собой до Ниппура, возможно, у нее там есть какие-нибудь родственники, – решил Хутрап, – ну не бросать же ее здесь? А там видно будет.

12. Водоворот

Наличие у экспедиции значительного количества животных диктовало порядок плавания. Конечно, можно было набрать с собой достаточное количество корма для них и плыть без остановок. Однако на весь огромный путь набрать корм для животных было просто нереально. Лишь для десятка породистых скакунов везли ячмень в достаточном количестве. К тому же поздняя весна еще была в разгаре, и травы вокруг было в достатке. По расчетам, остановка на обед к середине дня никак не влияла на порядок движения. Эта остановка была запланирована, и к вечеру посольство должно было прибыть в Ниппур, как было задумано.

К полудню, к моменту остановки, девушка пришла в себя. Нетвердо ступая, она спустилась с плота на берег, подошла к костру, у которого сидели Хутрап, скандинав и Набонасар.

– Вы меня похитили? – спросила она, бросая на сидящих из-под лба быстрые взгляды, – мой отец и братья пустятся в погоню и догонят вас!

Сидящие у костра переглянулись. Она ничего не помнила о вчерашнем и еще ничего не знала о гибели всех своих родных.

– Садись у костра, бери мясо, видишь, скоро пережарится, – сказал Набонасар.

– Вы мне ничего не ответили! – она не двинулась с места.

– Бедная девочка, – вздохнул Хутрап и встал.

Он подошел к девушке, приобнял ее за плечи, подвел поближе к костру и усадил на коврик, полученный в подарок еще вчера от ее отца.

Она присела, вопросительно глядя на мужчин.

– Давай сначала познакомимся, – сказал посол, – я Хутрап, посол Эламского государства, это Набонасар, начальник охраны посольства, это Альрик, мой личный телохранитель. Мы направляемся далеко, очень далеко, в Элам, везем подарки его будущему царю. А ты кто?

– Меня зовут Энинрис. Я дочь старейшины деревни. Почему вы взяли меня с собой?

Наступила тишина. Мужчины молчали, глядя на огонь костра.

– Что вы молчите? Что случилось? – в ее голосе снова зазвенели слезы.

– Крепись дитя мое, – наконец нарушил молчание Хутрап, – на вашу деревню сегодня ночью напали амореи. У тебя больше нет ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер. Они перебили всех. Ты единственная, кто уцелел.

По мере того, как он говорил, ее глаза расширялись, наполнялись слезами.

– Это неправда, не может быть... – тихо прошептала она, переводя взгляд с одного лица на другое.

Молчание мужчин подтвердило слова посла. Тогда она

упала на траву, закрыла голову руками, и ее тело задрожало от приступов рыданий.

Хутрап сел рядом с ней и молча гладил ее волосы.

Постепенно приступов рыданий становилось все меньше и меньше, она понемногу приходила в себя. Затем под сочувствующими взглядами мужчин она с залитым слезами лицом села и выпила большую кружку воды.

– Ты можешь говорить? – спросил посол.

Она утвердительно кивнула головой.

– У тебя есть где-нибудь родные, куда ты могла бы поехать? Я оплачу переезд, как бы дорого это ни было.

– У меня никого не осталось. Здесь жили все, – справившись с собой, тихо говорила она, – нас три зимы назад переселили сюда для освоения этих земель. У отца и матери других родственников не было, они сироты. В других домах жили взрослые братья и сестры с семьями.

Может, еще кто-нибудь жив? – она с надеждой переводила взгляд, но молчание сидящих людей было очень красноречивым, и ее глаза снова наполнились слезами. Она вытирала их рукавом.

– Наша дорога очень длинная и тяжелая, женщинам у нас не место, – тихо сказал Набонасар, поправляя хворостиной и без того аккуратный небольшой костер.

– Неплохо бы было пристроить ее где-нибудь в Ниппуре, – задумчиво сказал скандинав.

– Там будет видно, – решил посол, – на месте подумаем

и определимся.

Вскоре плавание возобновилось. Однако теперь плот, на котором находилось руководство посольской экспедиции, был передним в длинном караване. Пейзаж по берегам не изменялся. Все те же поросшие весенней травой невысокие холмы да изредка заросли тростника по обоим берегам реки.

Энинрис ушла вперед, на нос плота, и там, подставив лицо встречному ветерку, молча стояла, глядя невидящими глазами вдаль. Никто ее не тревожил, сочувствуя горю.

Вдруг она обернулась назад и что-то крикнула, показывая на левый берег. Все взглянули в направлении ее вытянутой руки. Там впереди, у уреза воды, находилась какая-то одинокая фигура. А на близлежащем холме за ней виднелось несколько неподвижных всадников. Плоты были достаточно далеко от берега, да и до фигуры на берегу было еще порядочно. Набонасар хотел уже на всякий случай дать команду плотам отойти подальше от берега, поближе к середине реки.

Фигура держала вверх обе руки, как бы творя заклинания. Энинтрис с большими от страха глазами подбежала к послу, крича, что надо не на середину реки править, а к берегу, и все время показывала на легкую туманную дымку, затянувшую середину реки.

– Там, там... – захлебываясь, кричала она, не в силах продолжать, – опасность!

От нее было просто отмахнулись, но вдруг впереди каравана плотов напротив фигуры с поднятыми руками прямо на

середине реки небольшой сгусток тумана рассеялся ветерком, а на его месте остался водоворот. Вода описывала круг. Такие водовороты изредка появлялись на реке на месте промоин, это не было новостью для плавающих по ней. Обычно их огибали стороной, и на этом все заканчивалось. А через какое-то время эти водовороты рассасывались сами собой.

Водоворот был еле заметен из отдаления, но по команде Набонасара, на которого крики девушки произвели должное впечатление, плот повернули к противоположному, правому берегу, огибая его. Однако водяная воронка на глазах расширялась, вовлекая в себя все бóльшие массы воды. Быстрое течение влекло плоты и корабли прямо в нее. Не все плоты успели сдвинуться в сторону. Вскоре край водоворота уже захватил часть из них, и они начали описывать огромную циркуляцию. Гребцы на рулевых веслах совершали отчаянные гребки, но ничего не могли сделать. Вскоре десяток плотов и несколько кораблей, захваченных водоворотом, уже кружились в дьявольском танце, с каждым витком спирали приближаясь к его центру, и люди на них ничего не могли сделать. Остальные плоты и корабли все же успели пристать к берегу. А что это дьявольский танец, сомнений не было, так как удалось разглядеть странный головной убор на голове стоящей на берегу фигуры. Это был череп гиены.

– Колдун, проклятый аморейский колдун! – воскликнул Набонасар.

Скандинав кинулся к своему мешку, схватил его и бро-

сился к одному из успешших пристать к берегу кораблей.

– Все на берег, бегом! – скомандовал он.

Солдаты испуганно рванулись на берег. На этом корабле находились и арабские скакуны, которых, обрезав привязь, скандинав просто согнал с корабля, не заботясь, куда они будут прыгать, в воду или на берег.

– Оттолкните корабль от берега! – скомандовал он, не спуская глаз с фигуры колдуна.

Солдаты оттолкнули легкий корабль от берега, и он тут же был вовлечен в круговое движение водоворота, которое захватило уже все пространство от берега до берега. Скандинав же, не обращая на это внимания, начал лихорадочно развязывать свой мешок. А попавшие в водоворот плоты и три более легкие корабля, неумолимо вращая, с каждым витком тащило все ближе к центру губительной воронки. Ближе всех к центру воронки оказались более легкие корабли. Люди с них прыгали в воду, пытаясь спастись, но только быстрее скрывались в пучине. Та же участь постигла и спрыгнувших с гибнущих кораблей верблюдов и лошадей. Наконец и сами эти корабли один за другим скрылись в гигантской воронке. Плоты ожидала такая же участь. Люди на них сжались от ужаса, не в силах бороться с грозящей смертельной опасностью. Некоторые, не выдержав напряжения, поддавшись панике, также бросались в воду.

В это время скандинав уже закончил собирать конструкцию, вытащенную из своего мешка. Это был лук, но не обыч-

ный, такой, которым пользуются охотники или солдаты. Его боковые дуги были сборными, состояли из пластин, скрепленных друг с другом специальными крючками, а концы были загнуты не назад, как у всех луков, а вперед. Схватив колчан со стрелами, скандинав бросился к борту плота.

– Он хочет убить колдуна, тогда его чары рассеются, – понял Хутрап.

До стоявшей на берегу фигурки было почти две сотни человеческих ростов.

– Это невозможно, слишком далеко... – шептали губы бледного, как смерть, посла.

Описывая очередной виток, неуправляемый корабль был в самой близкой к колдуну точке траектории, когда стоявший наготове с туго натянутой на чудном луке тетивой скандинав шевельнул рукой. Полет стрелы был настолько стремителен, что даже не был замечен. Через несколько мгновений, показавшимся наблюдателям вечностью, колдун упал на песок, царапая его руками. А водоворот тут же исчез, как будто его и не было. Пробежав еще некоторое время по заданной водоворотом траектории, неуправляемые плоты снова повлеклись течением вперед. Громкие крики Набонасара, быстрее всех пришедшего в себя, привели людей на плотях в чувство. Они вовремя схватились за рулевые весла, ибо некоторые плоты были совсем близко друг к другу и легко могли разбиться при столкновении.

– К берегу, быстро к левому берегу! – скомандовал скан-

динав, схватив оба рулевых весла на своем корабле и орудуя ими что было сил так, что онигнулись у него в руках, – лучники, к оружию!

На ближайших плотях услышали его команду и тут же выполнили ее без раздумий.

– Не подпускайте никого к колдуну!

Всадники во всю прыть уже мчались к лежавшему колдуну, и команда скандинава прозвучала как раз вовремя.

Пока плоты направлялись к берегу, лучники, пуская стрелы, не подпускали всадников к лежащей на берегу фигуре. Вскоре плоты были уже у берега, и всадники, так и не сумев забрать тело своего колдуна, умчались прочь. А затем к левому берегу пристал и плот посла.

Хутрап и Набонасар подошли к столпившимся вокруг тела колдуна солдатам, рядом с которыми уже был и скандинав, успевший в одиночку причалить к берегу большой корабль.

– Что это за оружие у тебя такое? Никогда такого не видел! – с восхищением сказал Набонасар.

Скандинав протянул ему лук. Стоявшие вокруг солдаты начали тут же осматривать его.

– Ого! – сказал кто-то из них, пытаясь натянуть тетиву.

У него ничего не получилось. Попытались сделать это и другие солдаты. Никто не сумел натянуть ее так, чтобы пустить стрелу. Не получилось пустить стрелу также и у далеко не слабого Набонасара, хотя он и сумел натянуть лук. Одна-

ко прицелиться он не успел. Слишком тугая тетива вырвалась из рук. Скандинав же только посмеивался, глядя на их тщетные попытки.

– Не старайтесь, ничего у вас не получится, – наконец сказал он.

– Но ведь ты выстрелил из него, да еще на таком расстоянии! – сказал скандинаву кто-то из солдат.

– Натянуть тетиву, возможно, кто-то из вас и сумел бы, но вот удержать ее до выстрела точно не хватит сил. Я же использовал вот это перстень, – и он показал кольцо с крючком, которым удерживал до выстрела тетиву.

– Лук явно не местного производства, и, видимо, дорогой, – возвращая его скандинаву, сказал Набонасар.

– Вот тут ты точно прав. Произвели его далеко на востоке, так далеко, что и подумать об этом страшно. А приобрел я его случайно. Вернее, мне его отдали в качестве платы. В его стоимость оценил свою жизнь один богатый купец, караван которого я не дал разграбить и спас ему жизнь, когда на него уже замахнулись мечом. Надо сказать, что это воистину царский подарок. У него нет стоимости в золотых слитках. Таких луков здесь нет. Он разборный, и сделан не из дерева, а из сочетания дерева и особым образом обработанных костей. А как он стреляет, вы сейчас видели.

Солдаты расступились, пропуская посла вперед. Стрела насквозь пробила колдуну горло, выйдя с другой стороны и улетев вперед еще десятка на два шагов.

Скандинав присел возле тела.

– Несомненно, это аморейский колдун, – сказал он, – видите, какая у него маска на лице?

Маска и впрямь была интересной. Сделанная из бронзы, она в точности повторяла очертания черепа гиены. Скандинав снял маску. Под ней оказалось лицо еще не старого человека с характерным для амореев горбатым носом и темными выпученными глазами. Он швырнул маску далеко в реку. Вскоре туда же последовало и тело колдуна.

Через некоторое время караван плотов двинулся дальше.

– Три корабля утонули, причем никаких следов ни от кораблей, ни от людей, ни от животных, еще десятка полтора солдат спрыгнули с наших плотов и также утонули, – подвел итог посол, – и все из-за какого-то колдуна.

– Это был не простой колдун, – возразил скандинав, – простые колдуны носят обычные черепа издохших гиен, правда, очищенные и отполированные. А у этого был бронзовый. Кто-то крепко рассчитывал уничтожить караван.

Набонасар обернулся к девушке, сидящей на плоту рядом с ними и все еще с испугом поглядывающую на мужчин.

– Пока мы здесь, не бойся, – сказал он девушке, – никто тебя в обиду не даст!

– Спасибо тебе, – ласково сказал Хутрап девушке, – если бы не ты, могло погибнуть значительно больше людей. В знак благодарности я выполню любую твою просьбу. Проси, что пожелаешь.

– У меня никого из родных не осталось, – запинаясь, тихо сказала она, – идти мне некуда. Я прошу вас взять меня с собой. Я умею готовить, убирать. Не бросайте меня, пожалуйста...

В ее голосе зазвучали слезы.

Хутрап тяжело вздохнул.

– Я понимаю тебя, дитя мое, – сказал он, – но путь наш очень далек и многотруден. И далеко не все, как это ни при-
скорбно, закончат его живыми. Пойми меня правильно, я не могу рисковать твоей юной жизнью. Поэтому в Ниппуре я попрошу правителя города позаботиться о тебе. Он добрый человек и выполнит мою просьбу.

Девушка вздохнула и опустила голову.

– Не печалься, все будет хорошо, – подбодрил ее посол, – скоро ты забудешь об этом кошмаре!

13. Осада Ниппура

Этим днем добраться до Ниппура так и не удалось. Несмотря на то, что пережитые волнения заставляли людей желать поскорее добраться до города и ступить там на надежную земную твердь, ночь приближалась все же быстрее. Сказалась незапланированная остановка, связанная с нападением аморейского колдуна. И хотя до города было уже недалеко, плыть дальше было нельзя. Предстояла еще одна ночевка на берегу. Так как аморейские всадники были на левом берегу реки, остановку сделали на правом. Опять по окрестным холмам были расставлены караулы. А едва ночь вступила в свои права, как небо в стороне города озарилось кроваво-красными сполохами. Все в лагере встревожились. А вскоре ветерок, дующий от города, принес запах гари. Стало совершенно понятно, что горит что-то или в самом городе, или возле него. Набонасар удвоил караулы. Всю ночь по окрестным холмам шла перекличка караульных, но и без этого почти никто не сомкнул глаз. Под утро караульные задержали четырех всадников. Те требовали допустить их к Хутрапу. Посол приказал немедленно доставить их к нему.

В шатре, куда привели всадников, у небольшого походного столика сидел сам посол с мечом на поясе. Меч его подчеркивал значимость и особый статус хозяина. Ножны

его были украшены золотой вышивкой, в которую вставлены драгоценные камни. Самого клинка не было видно, но довольно толстая рукоять из слоновой кости, как раз по большой руке хозяина, была покрыта резьбой и венчалась большим, просто огромным, ограненным драгоценным камнем редкого черного цвета с мелькающими в нем золотистыми искорками.

Сбоку от посла на скамеечке присел начальник охраны каравана Набонасар. У стены за спиной посла присел скандинав, сбоку от которого находились неизменные жрецы-телохранители Шамши и Бурна, всегда имеющие свежий вид, неизвестно когда и как высыпающиеся, хотя никто не видел их спящими. За небольшой тканевой перегородкой, свисающей с потолка, спала Энинрис, но ее не стали будить, она не мешала своим присутствием.

– Я Шутрук, – быстро заговорил один из приехавших, – я помощник Аратты, старшины купцов Элама в Ниппуре, и принес плохие вести из города. На нас напали амореи. Кто знает, откуда они взялись и сколько их. Однако они вероломно сумели пробраться через городскую стену, перебили охрану ворот, открыли их и вторглись в пределы города. Он горит. Правитель города убит...

Хутрап встревоженно переглянулся с Набонасаром.

– А почему сам Аратта не приехал сюда? – спросил посол.

– Он тяжело ранен и не может передвигаться. Амореи не делают различий между иностранцами и жителями Ниппу-

ра. Грабят всех подряд, – отвечал Шутрук, – Аратта просил передать, что после вашего отплытия пришел приказ из Вавилона – царь приказывает вам вернуться назад. Во многих землях стало слишком беспокойно. Его дары могут быть потеряны вследствие этого.

– Вы захватили с собой приказ? – спросил Хутрап.

– Нет, не было времени. Да и уцелел ли он в огне? Ведь дом Аратты также подожжен. Самого старшину купцов на носилках отнесли на корабль, и он отплыл вниз по течению. А мне приказал найти вас и передать приказ царя – возвращайтесь.

– Что он еще просил сказать? – спросил Набонасар.

– Больше ничего, господин, – ответил Шутрук, – было темно, все торопились. Нам с трудом удалось выскользнуть из города. Мы помчались по правому берегу, и не знаю, что бы мы делали, если бы ваша стоянка была на противоположном берегу.

– Хорошо, можете идти, – отпустил их посол, – мы сейчас примем решение.

Шутрук молча поклонился и, не оборачиваясь, попятился назад, пока спиной не уткнулся в своих трех товарищей.

– Воля царя должна быть выполнена в любом случае, – сказал он, глядя в глаза послу, – именно это сказал в последний момент царь.

– Какой царь? – переспросил его Набонасар.

Взглянув на него, Шутрук ничего не сказал, поклонился

и, бросив какое-то короткое слово бывшим с ним людям, направился к выходу. Однако не успел Шутрук с товарищами сделать и трех шагов, как их остановил вопрос Хутрапа.

– Где то, что Аратта должен был передать вам для меня?

Все четверо прибывших, остановившись у порога, повернулись к послу лицом.

Возникла пауза. Прибывшие с недоумением глядели друг на друга.

– Он ничего не передавал... – запинаясь от неожиданности, сказал, наконец, Шутрук.

– Совсем ничего? – прищурился посол.

– Я же говорил, что он был ранен, поэтому не мог ничего сделать! – сделав пару шагов вперед, почти прокричал Шутрук.

– Как это ты сказал? – переспросил Хутрап, – воля царя должна быть выполнена в любом случае?

– Именно так он и сказал! – кивнул головой Шутрук.

– Что же ты не заканчиваешь? – спросил его Хутрап, – а окончание следующее: даже если это несет смерть тысячам! Это же любимое изречение Нарамсина, царя Аккада!

Четверо прибывших, поняв, что они раскрыты, стремительно выхватив мечи, бросились было к нему. И сейчас же словно скрытые пружины проснулись в телах безучастно сидевших до того Шамши и Бурны. Не успели еще мечи убийц покинуть ножны, как два кинжала уже пронзили горло Шутрука и стоявшего немного спереди его товарища.

Они, обливаясь кровью, рухнули вниз, а жрецы-телохранители с обнаженными мечами в обеих руках были уже напротив двух оставшихся в живых убийц, закрывая собой посла. Никто не успел ни крикнуть, ни что-нибудь больше сказать. Одним мечом телохранители отразили единственный удар, который только и успели нанести убийцы, а второй меч каждого из них тут же скрылся в животе противника.

Через мгновение все было кончено. Агонизирующие убийцы еще корчились на полу шатра, а Шамши и Бурна, вытерев об их одежду мечи, как ни в чем не бывало, снова присели на корточки на своих местах у стены шатра. Из-за перегородки, разбуженная лязгом мечей, выскочила перепуганная Энинрис. Лишь один скандинав в течение всего действия не сдвинулся с места, спокойно глядя на происходящее.

– Ты так спокоен, как будто ничего не случилось! – бросил ему упрек Набонасар, – а посла только что едва не убили!

– Ему ничего не грозило, – спокойно парировал скандинав, делая знак девушке, что она может идти спать дальше, – эти убийцы действовали слишком непрофессионально. Явно выдали себя и были достаточно далеко от объекта атаки. Я много слышал о школе жрецов-телохранителей и было интересно увидеть их в деле. Хорошая работа, – похвалил он жрецов, – однако не обошлось без ошибки.

Шамши и Бурна, как по команде, перевели вопросительные взгляды на скандинава.

– У вас были бы проблемы, если бы у них под одеждой была кольчуга, – пояснил тот, – тогда ваш удар вторым мечом просто бы соскользнул, не причинив вреда нападшим, а в случае их большого числа это недопустимо. Этот удар, нанесенный снизу вверх, обязательно должен задевать ноги, чтобы обездвигить противника. Как правило, ноги всегда открыты. Тогда одним ударом вы или лишаете противника маневренности, если он в кольчуге, или, продолжая удар вверх, убиваете его. Но, главное, вы убили их всех, а надо было хотя бы одного оставить в живых. Его допрос мог бы многое прояснить.

Жрецы встали, сложили руки крест-накрест на груди и, не говоря ни слова, низко поклонившись скандинаву, снова безучастно присели у стены.

– Они поняли, о чем ты говорил? – спросил Набонасар.

– Не только поняли, но и сделают так в следующий раз, если это понадобится.

Тем временем на зов посла вбежали слуги и выволокли из шатра уже неподвижные тела.

– Интересно, а как бы ты поступил, если бы их не было? – кивнул на неподвижно сидящих жрецов любопытный Набонасар, глядя на скандинава.

– Я бы убил троих из них одним движением меча. Помнишь, как они стояли? Немного уступом. Удар слева направо снизу вверх раскроил бы горло всем им, а четвертый просто получил бы сильнейший удар плашмя в голову и, придя

в себя, дал бы показания, – серьезно ответил скандинав.

– Хватит вам, – прервал их Хутрап, пока слуги засыпали речным песком лужи крови на полу, – однако, город горит, сюда приходят убийцы. Надо что-то делать.

– До утра все равно надо ждать. А там разберемся. Или проплывем мимо него, или пойдем мимо города прямо отсюда, только переберемся на другой берег, – предложил Набонасар.

– Нужно держать плоты наготове, чтобы отплыть в любой момент, если последует нападение по суше, – предложил скандинав, – а утром неплохо было бы провести разведку, что там в городе творится. До него же рукой подать.

Так ничего конкретно не решив, Хутрап отложил принятие решения до утра. А вскоре с постов снова просигналили о задержании двоих человек, просящих встречи с посланцем Элама.

И снова в шатре на тех же местах и практически в тех же позах, что и при встрече с убийцами, приехавших встречали Хутрап, Набонасар, скандинав и оба жреца-телохранителя.

Только на сей раз один из вошедших положил перед посланцем слиток с отломанным краем. Хутрап извлек из каких-то складок внутри одежды кусочек и приложил к слитку. Тот абсолютно дополнил слиток до его первоначального вида. Хутрап вздохнул с облегчением, вернул слиток подавшему его и спрятал свою часть.

– Я прибыл от Аратты, старшины эламских купцов в горо-

де. Он послал нас по этой стороне реки, и еще двоих по другой. Или мы, или они непременно встретили бы вас. Весть о выходе каравана пришла из Вавилона.

– Что за пожар в городе? – перебил его Набонасар.

– Горит одно из предместий. Уже второй день откуда-то появившиеся амореи жгут все вокруг, что может гореть. Их не очень много, но время для нападения выбрали они удачное – в городе сейчас практически нет войск. Со стен отбивается ополчение из горожан. Если бы у амореев была хоть одна осадная машина, было бы совсем плохо.

– Что просил передать Аратта?

– Что вам не следует торопиться в город, а лучше обойти его стороной.

– Сколько амореев вы насчитываете?

– Тысячи три.

– А в городе ополченцев?

– Тысячи полторы.

– До утра еще далеко. И по реке можно будет на корабле незаметно приплыть в город, – подытожил скандинав.

– У тебя есть предложение на этот счет? – спросил Хутрап.

– Имеется, – скандинав кивнул головой, – ты отпусти прибывших людей, пусть немного отдохнут. Им надо будет вернуться в город вместе с Набонасаром.

Оставшись в шатре вместе с послем и начальником охраны каравана, скандинав изложил свой план действий. Обсуждение практически не изменило его. Вскоре один из ко-

раблей тихо отплыл от берега, унося посланцев Аррата и с ними Набонасара. А с первыми лучами солнца в лагере закипела работа. С плотов и оставшихся кораблей часть людей все грузы выгружала на берег, другая часть нарезала тростник, третья плела из тростника по краям плотов и кораблей высокие, выше человеческого роста, стенки.

До полудня было еще далеко, когда все приготовления были завершены. Плоты и корабли отчалили и быстро понеслись по волнам к городу. Уже издали заметны были всадники, разъезжающие на безопасном удалении от городских стен. Появление на реке плотов и кораблей было встречено со стен громкими криками радости и огромным беспокойством со стороны амореев. На двух десятках больших плотов могла прийти значительная помощь, до тысячи солдат. И всадниками, и с плотов было пущено друг по другу несколько стрел, не принесших, впрочем, никому никакого вреда. Плоты проследовали разгружаться в городской порт. Свободного места для причаливания больших плотов в порту было немного, и плоты поочередно, по одному подходили к месту разгрузки, освобождаясь очень медленно, затем отходя от берега и давая для высадки место следующему. С каждого плота спускалось более полусотни солдат в полном снаряжении. Они сразу же скрывались за городскими строениями, устремляясь на стены. Это можно было наблюдать с близлежащей песчаной косы, что предводители амореев и

делали, с досадой наблюдая, как в городе практически удваивается число его защитников. К середине дня, когда последние корабли были уже выгружены, вожди амореев, окончательно поняв тщетность своих попыток взять город, в который прибыло значительное подкрепление, с досадой поцокали языками, свернули лагерь и увели войско на север. Защитники города ликовали на стенах, улюлюкая вслед лошадиным хвостам. Городские ворота снова распахнулись, впуская и выпуская купцов и окрестных жителей. Город вернулся к мирной жизни. А к Хутрапу Набонасар тотчас отправил посыльного с известием о снятии осады. Посольский караван был в полной готовности к движению, и к вечеру этого дня он, двигаясь вдоль берега, уже вступил в Ниппур.

14. В Ниппуре

Немного позже во дворце правителя города Хутрап со смехом слушал рассказ Набонасара, как одни и те же немногим более полусотни воинов в открытую выходили из причалившего к берегу плота, строем скрывались за домами и тут же ползком, по сделанной Набонасаром канаве, укрытой сверху, чтобы не было видно, подбирались к подошедшему следующему плоту, через специально устроенный сбoku в тростниковой стенке лаз незаметно забирались на него и снова в открытую спускались, строились и направлялись в город. И так с каждым плотом. Во всяком случае, иллюзия подошедшей помощи для наблюдавших амореев сложилась полная.

На ночь караван разместился на нескольких рядом стоявших постоянных дворах. Еще долго в тавернах не смолкали смех и шутки. Люди вспоминали, как были обмануты аморреи и в испуге сняли осаду с города. А непосредственно участвовавших в высадках с плотов воинов едва ли не на руках носили – кормили и поили за счет заведений. Расходы по нахождению в городе посольского каравана городская казна взяла на себя.

Все стало затихать только после полуночи. Постепенно погасли огни в окнах домов. Однако не во всех. В одном

из домов за занавешенными окнами сидели три человека. Они молчали и что-то ждали, изредка поглядывая друг на друга, потягивая из кружек принесенное хозяином кисловатое вино. Тихий условный стук в дверь сорвал всех с мест. Они схватились за мечи, напряженно вслушиваясь и пытаясь разобрать по отдельным словам, произносимым хозяином дома, кто пожаловал в дом в этот поздний час, друг или враг. Вскоре хозяин дома, гостеприимно распахнув дверь в комнату, зашел в нее первым и низко склонился, впуская гостя. Тот сбросил с головы капюшон и, опустившись на табурет, обвел взглядом находящихся здесь людей. Трое ожидавших опустились на колени и прижались лбами к земле.

– Сейчас некогда предаваться церемониям, – раздраженно произнес вошедший человек.

– Я подам ужин, – подобострастно кланяясь, сказал хозяин дома.

– Нет-нет, никаких ужинов, только фрукты и чего-нибудь промочить горло, – не глядя на него, сказал пришедший человек.

– Кстати, кто-нибудь из прислуги есть дома? – с подозрением спросил он.

– Нет, я всех выпроводил. Здесь мы одни. Никто ничего не заметит.

Стоявшие на коленях люди молча поднялись на ноги, преданно глядя на сидевшего на табурете напротив них у низенького столика человека. Тем временем хозяин дома при-

нес большое золотое блюдо с фруктами и кувшин сладкого легкого вина, собственноручно налил его в узорчатую кружку и на небольшом подносе поставил на столик перед вошедшим человеком, который, как видно, и являлся главным действующим лицом на этом небольшом собрании заговорщиков.

Тот с наслаждением отпил большой глоток и отодвинул поднос в сторону.

– Мне кто-нибудь может внятно доложить, что здесь сегодня произошло? – наконец, спросил он, – и не называйте меня никак. Просто отвечайте на вопросы. И у стен бывают уши, – добавил он, – для меня это означает смерть.

– Проклятые амореи трусили, когда из плотов начало выгружаться подкрепление, – через паузу сказал один из ожидавших людей, – с ними ничего нельзя было сделать.

– Но вы-то были здесь, в городе? – холодно спросил вошедший человек.

– Мы вдвоем не были в городе, здесь был он, – отвечающий указал на одного из троих ожидающих.

Вошедший сделал знак рукой вниз.

Находившийся в городе опустился на колени и подполз ближе к столику.

– Ты что, не знал об их придумке? – мягко спросил его вошедший.

– Совершенно ничего. Я не был в порту, а когда примчался туда, попасть в порт и узнать, в чем дело, было уже нельзя.

– Но ведь ты получил немало аккадского золота на развитие здесь, в Ниппуре, шпионской сети. Разве не так? – по прежнему мягко спросил вошедший, – и у тебя должны были быть каналы для сообщений на все случаи жизни!

Голос говорившего становился если не громче, то угрожающе.

– Когда настало время реальных действий, ты ничего не смог сделать! Из-за тебя провалилось задуманное дорогостоящее дело! Где теперь искать амореев? Да и разве их теперь догонишь? Небось, будут теперь мчаться без оглядки, пока не увидят крыши своих хибар! Но они одной своей численностью могли бы раздавить караван и сразу сделать то, что мне нужно!

– Смилуйся! – взмолился стоявший на коленях человек, – я больше никогда так не сделаю!

Он рухнул навзничь, обхватив ноги сидящего вошедшего человека, пытаясь целовать их.

– Конечно, ты больше так не сделаешь!

С этими словами сидящий, не вставая, лишь слегка согнувшись, коротко взмахнул рукой. Острый трехгранный кинжал, оружие ночных убийц, легко пробил спину лежащего человека в районе сердца и зашел в тело почти по рукоятку. Тот дернулся в агонии и тут же застыл. Лишь несколько капель крови выступило на одежде вокруг клинка.

– Выбросьте эту падаль, – с презрением сказал вошедший хозяину дома, выдергивая кинжал и вытирая его об одежду

лежащего перед ним человека, – и запомните: хорошо сделанная работа хорошо и оплачивается, а плохо сделанной быть не должно. Расплата за нее будет такой же. Вы поняли меня?

Находившиеся в комнате люди снова рухнули на колени и склонили головы.

– Мы поняли тебя, это больше не повторится, – сказал один из них.

– Однако, если бы просто украсть ларец с завещанием? – поднимая голову, но продолжая стоять на коленях, спросил другой.

– Ларец пуст, – просто ответил вошедший, разглядывая фрукты в вазе.

– Как пуст? – с недоумением переспросил один из присутствующих людей.

– Вот так, просто пуст, и все. Если бы завещание было в нем, оно бы давно уже следовало к славному царю Аккада Нарамсину, да продлятся его года! Похоже, что Хутрап перепрятал его в первые же мгновения пути. Однако завещание где-то с ним и едет по назначению. Узнать бы, где он его прячет!

– Вот тебе раз! Что же нам теперь делать? – спросил один из стоявших на коленях.

– Теперь понятно, что получить завещание будет не так и просто, – вошедший перестал разглядывать фрукты и сделал знак встать с колен другим присутствующим, – простое

убийство посла ничего не даст. Тогда завещание вообще не будет найдено. А это равносильно провалу. Заставить караван вернуться также не удалось. Завтра он двинется дальше. Ну что ж, надо заставить Хутрапа самого раскрыть место, куда он прячет завещание. Правда, крепко мешают двое его охранников-жрецов. Несмотря на то, что еще молокососы, а хлопот доставляют изрядно. Здорово затрудняют поиски, неотлучно торчат в шатре посла. Надо найти способ устранить их... Сейчас один из вас должен будет добраться до Аккада и передать царю Нарамсину, да продлятся его года, вот этот свиток. В нем я прошу привлечь к делу аккадских колдунов. Земля должна гореть под ногами посольского каравана. Он должен погибнуть весь, без остатка. Но не просто погибнуть, а Хутрап должен быть поставлен в такие условия, что вынужден будет сам отдать завещание. И чем быстрее это будет сделано, тем более высокое вознаграждение я вам обещаю. А другой из вас должен отслеживать дальнейший его путь и всегда быть в курсе того, что в нем творится. С прибытием колдунов события, я надеюсь, ускорятся.

– Это посольство должно стать гибелью для всех, в нем участвующих, – произнес один из находящихся в комнате людей.

– Как ты сказал? Гибелью для всех, в нем участвующих? – живо повернулся к нему вошедший, – а что, неплохая мысль, и, кстати, совершенно правильная! Именно посольством в преисподнюю! Будь уверен, я запомню твои слова и по за-

вершению дела сумею отблагодарить тебя. А теперь все! Мне пора.

И вошедший, захватив с собой большой персик, вышел из комнаты и бесследно растворился в ночи.

15. Верблюжий рынок

Назавтра и послу, и особенно Набонасару, предстояло много хлопот. Хутрап с утра в сопровождении скандинава отправился к правителю Ниппура обговорить с ним кое-какие дела, связанные с посольством. Набонасар же, проследив, как разбираются на составные части плоты и корабли, во второй половине дня отправился на рынок. После ожесточенного торга он продал на дрова ивовые прутья, составлявшие основу плотов и кораблей, а также почти всю кожу и всех осликов, оставив при караване лишь кожу с полудесятка плотов, как и советовал скандинав. В ожидавшемся движении по суше нужны были все же не ослики, а верблюды, имеющие преимущество в данной ситуации. И для перевозки кожи на пять плотов надо было приобрести полтора десятка верблюдов. Поэтому Набонасар отправился в ту сторону, где слышался верблюжий рев. Солнце стояло уже довольно высоко. По и без того узким улицам, а тут еще и запруженным множеством разномастно одетых людей, снующих в разные стороны, несущих на головах поклажу, ведущих за собой нагруженных осликов и цепочки верблюдов, пройти было затруднительно. И если бы не большая физическая сила начальника охраны каравана, добраться до места ему было бы ох как непросто. Однако он шел, расталки-

вая народ на пути, буквально отшвыривая в сторону встречаемых, не уступающих дорогу. А когда отброшенные сильным толчком люди с проклятиями поворачивались, языки у них просто примерзали к зубам, когда они видели плотную большую фигуру со свирепым взглядом над иссиня-черной завитой бородой с вплетенными в нее золотыми нитями. Люди молча отворачивались и отступали, боясь вступать в спор с таким человеком.

Как бы то ни было, скоро Набонасар был уже на огромной площади, на которой шел торг верблюдами и лошадьми. Однако здесь не было беспорядка. Наоборот, именно здесь торговля силами старшины купцов была организована достаточно хорошо. Земля была размечена ленточками на большие квадраты. Каждый, желающий торговать верблюдами или лошадьми, мог, внося определенную плату, занять один или несколько квадратов. На каждом квадрате была установлена стационарная привязь. Между квадратами оставалось достаточно пространства для проводки купленных животных. А в центре площади было огороженное длинное пустое пространство, где за небольшую отдельную плату купивший скакуна мог проверить его ходовые качества. На одной из сторон площади было отведено место для товаров, связанных с верблюдами и лошадьми – специальных гребней, лент, упряжи, даже лекарств, предлагаемых некоторыми редкими конскими лекарями, чьи услуги, как правило, ценились очень высоко. Порядок на торговой площади под-

держивали люди старшины купцов, получившего на это специальное разрешение. И, действительно, порядок был строгий. Конский и верблюжий навоз тут же скупался и уносился шустрыми ребятами, имеющими с его продажи в качестве высушенного топлива или удобрений определенный барыш, земля, пропитанная навозом, каждый вечер срезалась и заменялась новой, поэтому никакой загаженности вокруг не было. Пойманных или уличенных в воровстве верблюдов или лошадей лиц тихо отводили к реке и безжалостно топили в ее водах. Все знали об этом, но все равно на площади нет-нет, но поднимался крик, когда кто-нибудь вдруг обнаруживал в чужих руках своего коня. Связано это было с тем, что торговать таким специфическим товаром разрешалось только на этой площади. Ослушника, осмелившегося предложить такой товар в другом месте, ожидала не просто казнь, а длительные мучения. Его, как правило, сажали на кол на возвышении у торговой площади, где он медленно и мучительно умирал, иногда в течение нескольких дней, а в это время глашатаи рассказывали о его преступлении. Издание закона о торговле верблюдами и лошадьми, жизненно необходимым товаром каждого не только кочевника и воина, но и крестьянина, долго и безуспешно добивался старшина купцов. А сколько им было передано золота в виде благодарности за помощь в продвижении закона – не перечесть! В конце концов старшина купцов едва не разорился, но закон был принят главой города.

Первое время были попытки игнорировать закон со стороны торгующих, особенно со стороны проходящих крестьян. Но первые же дергавшиеся на колах тела показали, что законы, изданные городским главой, надо уважать и соблюдать. За право на торговлю, впрочем, бралась совсем небольшая, необременительная плата. Но сделок было так много, что старшина купцов быстро не только вернул затраченные на взятки чиновникам средства, но с каждым днем становился все богаче и богаче. Теперь лишь отчаянные смельчаки, рискуя жизнью, могли подойти к кому-нибудь в городе с вопросом, не нужна ли ему лошадь или верблюд, да и те рисковали нарваться на подставных лиц, специально выискивающих таких отчаянных продавцов. Тогда участь таких смельчаков была решена, ибо где-то рядом с подставными лицами находилась вооруженная стража, как из-под земли появляющаяся в нужный момент.

У крупных торговцев лошади и верблюды находились под крышами шатров, а сами уважаемые купцы также сидели в шатрах, овеваемые опахалами, и потягивали из больших кружек слабое вино или из пиал зеленый чай, придающий голове ясность, а мыслям остроту.

В один из таких шатров, над которым развевался небольшой трехцветный флажок, и зашел Набонасар. Навстречу ему поднялся тучный хозяин шатра. Они церемонно поздоровались, присели и завели разговор, сначала о здоровье, о домашних делах, словно давно знали друг друга. Однако это

было не более, чем дань традициям. Затем один из собеседников обмолвился о приобретении полутора десятков верблюдов, другой заговорил о достоинствах имеющихся. Они долго сговаривались о цене, громко спорили. Наконец, хозяин достал большую пузатую бутылку и выставил слуг из шатра. Те, посмеиваясь, вышли. Им было понятно, что сейчас хозяин будет поить вином покупателя, чтобы надбавить цену. Что ж, приобретатель пятнадцати верблюдов послан богом Мардуком, это очень крупная сделка, такие дела быстро не делаются. Здесь их хозяину надо основательно поработать, а хорошее вино здорово поможет ему в этом.

Однако едва слуги и другие посетители ушли и Набонасар и хозяин шатра остались один на один, как начальник охраны каравана извлек из мешочка на поясе узенькую тонкую серебряную пластинку с зазубренным одним краем и протянул ее купцу. Тот вытащил такую же и соединил обе пластинки. Зазубренные края полностью дополнили друг друга. Обе пластинки стали одним целым. Хозяин шатра вернул половинку пластинки Набонасару.

– Готов выполнить любое твое распоряжение, – склонив голову, сказал Набонасар.

– Ты, конечно, и без сверки пластин узнал меня, – усмехаясь, сказал купец.

– Конечно. Как могу я не узнать Салманасара, старшего лимму (советника – здесь и далее перевод с северного диалекта аккадского языка) Дома города (совета), которым ру-

ководит ишшиаккум (титул правителя) Тиглатпаласар, правитель Алум Ашшур (община Ашшура)? Однако, что привело лично тебя сюда? И нас никто не может подслушать?

– Нет, за это не беспокойся. Мои слуги знают, что надо делать, если я отсылаю их. Сюда не проскользнет, чтобы подслушать, даже мышь. Да и кого будут интересовать подробности торговой сделки какого-то торговца из далекого Ашшура с начальником охраны каравана посольства могучего Вавилоня в Элам, тем более что ты уйдешь отсюда, ведя за собой полтора десятка верблюдов, а мне даже будут завидовать, что я сумел продать тебе их так много! Но, к делу. Нас, ассирийцев, пока еще очень мало. И мы должны держаться друг за друга и помогать друг другу. И наша маленькая страна не зря зовется Алум Ашшур. Она основана торговцами и ими же и управляется. Я верю, что когда-нибудь она превратится в великую и могучую Ассирию, и в этом будет и частичка моей заслуги. Но пока мы вынуждены, и это тебе прекрасно известно, лавировать между другими странами, стараясь не попасть между жерновами их политики. Только в этом пока залог существования нашей страны. Для этого мы вынуждены огромные средства тратить на разведку. Нам, как воздух, необходима информация о том, о чем думают властители соседних с нами стран. Исходя из этого, мы посылаем туда своих лучших и умнейших людей с тем, чтобы они заняли там высокое положение и снабжали нас необходимой информацией. Ты ведь с детства жил в Вавилоне, бла-

годаря чему и сумел так высоко продвинуться вверх в вавилонской военной иерархии.

– Совершенно правильно, – кивнул головой Набонасар, – я служу Вавилону, но никогда не забываю об интересах моей родины.

– Мы знаем это и высоко ценим, – сказал Салманасар, – недалек тот день, когда и у нас появится регулярная армия. Поэтому мы и передавали тебе наше желание видеть тебя у ее рулевого весла, стать ее создателем и главнокомандующим.

– Спасибо за доверие. Я получил предложение, – поклонился Набонасар, – и готов служить моей родине.

– Однако высшие интересы Алум Ашшур диктуют пока, чтобы ты оставался начальником охраны каравана и довел его до цели, – продолжал Салманасар, – именно поэтому я здесь, чтобы сообщить тебе об этом. Наши люди из Аккада сообщили о том, что за посольством идет нешуточная охота. Понятно, что не за самим посольством, а за завещанием царя Элама. Отголоски этой охоты мы только что видели в нападении на Ниппур. Нам же никак нельзя допустить, чтобы царем Элама стал тот, кто поддерживает Аккад. Если только так случится, то Нарамсин быстро наложит свою тяжелую руку и на Аншан, а затем нападет и на Вавилон. Не уберется и Ашшур Тогда ассирийцы долго еще не увидят свое государство свободным и сильным, если увидят вообще. В этом плане интересы Алум Ашшур полностью совпа-

дают с интересами Вавилона – мы оба не хотим возвышения Аккада. Для нас же в настоящий момент не важно, где тебе служить, важно, чему служить. Высшие интересы нашего государства диктуют, что тебе надо оставаться начальником охраны каравана. А мы, ассирийцы, всегда подчиняли себя именно служению родине. Разве не так?

– Совершенно справедливо, именно так. Я понимаю, о чем ты говоришь, и сделаю для доставки каравана до места назначения все, что от меня зависит.

– Ты все правильно понял, Набонасар. Именно это и желал бы услышать от тебя ишшиаккум Тиглатпаласар. Я в точности передам ему твои слова. И последнее. Я уверен, что в посольстве находятся аккадские шпионы. Им было бы выгодно устранить тебя с тем, чтобы поставить на это место своего человека. Будь осторожен. Ведь сюда ты пришел совсем один.

– Я был уверен, что отсюда исчезну и появлюсь под другим именем уже на родине.

– В общем-то ты прав. В других условиях твою одежду нашли бы плывущей по реке и решили, что тысячник Набонасар оступился, упал в воду и утонул. Нашлись бы и свидетели этого. А вскоре в Алум Ашшур появился бы новый главнокомандующий...

– Однако я не боюсь ходить в одиночку. Далеко не каждый устоит против моего меча.

– Конечно, я знаю это. Но все же... Ты нашел меня по

флажку, висящему над шатром, на котором вышиты ассирийские цвета. Если увидишь на одежде кого-нибудь из своего каравана такие же вышивки, знай, что этому человеку можно верить, он тоже принадлежит к ассирийской тайной службе и это знак об этом для тебя. Ишшиаккум Тиглатпаласар, с учетом сложившегося положения, выделил из наших пока еще скромных сил полсотни самых подготовленных юношей в полном вооружении. Они будут издали следить за вашим движением. Если тебе нужна будет их помощь, подними над своим шатром вот этот флажок.

Салманасар положил на столик небольшой сверток, который Набонасар спрятал за пазуху.

– Впрочем, они тоже будут с открытыми глазами, – прибавил Салманасар, – и получили указание действовать по обстоятельствам. А повел их твой двоюродный брат Адад. Ты видел его.

– Я? Я никогда не встречался с людьми из Алум Ашшур!

– Помнишь, как не так давно на твоих глазах случилась уличная драка, и одного из присутствующих отшвырнули прямо на тебя? Ты подхватил его, не дал упасть и ушибиться. Он затем благодарил тебя за помощь, а драчуны быстро разбежались.

– Я помню этого благородного смелого человека. У него воры хотели срезать кошель, он воспротивился этому.

– Там не было ни драки, ни попытки срезать кошель. Драку просто подстроили. А этот человек и есть Адад. Таким

образом, не привлекая ничьего внимания, как бы случайно, вас познакомили. Что делать? До поры до времени мы не могли сообщить тебе, кто это был. Мы пока вынуждены действовать тайно... Но вернемся к делу. Конечно, мы понимаем, что не должны действовать на чужой территории, и какой международный скандал поднимется, если станет известно о присутствии здесь нашего вооруженного отряда. Вплоть до того, что Алум Ашшур могут обвинить в агрессии со всеми вытекающими последствиями. И, конечно же, первым крик поднимет Аккад, обвиняя нас в агрессивных стремлениях. Однако значение вашего каравана для дальнейшей политики настолько высоко, что Дом города все же решился на отправку отряда...

16. Нападение

Обсуждение как дальнейших планов действий, так и путей движения каравана затянулась, и когда Набонасар вышел из шатра, солнце уже почти скрылось, а в воздухе разливалась живительная прохлада, принесенная ветром с Евфрата. Сумерки потихоньку овладевали землей, а в ущельях городских улиц было уже почти темно.

Слуги Салманасара давно уже увели к месту расположения посольства пятнадцать верблюдов. Набонасар, двигаясь по безлюдным улицам, был уже недалеко от расположения каравана и настолько задумался, что не сразу заметил шестерых человек, перегородивших ему дорогу. Они полукольцом стали на пути и не собирались пропускать его, не скрывая при этом своих лиц. Это было свидетельством того, что они не боялись, что Набонасар их может впоследствии опознать, а, значит, не собирались оставлять его живым. Под накинутыми наподобие плащей накидками угадывались кожаные кольчуги.

Удар меча от первого из них начальник охраны каравана отразил, хотел было сам перейти в атаку, но тут же вынужден был защищаться от двух мечей сразу, летящих к нему с разных сторон. Набонасар имел преимущество в вооружении в том, что его меч был целиком сделан из бронзы, а у напа-

давших лишь у двоих на деревянных мечях были закреплены бронзовые режущие кромки, но, однако, числом нападающие значительно превосходили его. Набонасар поднырнул под один меч, отпарировал другой и сразу же нанес колющий удар в горло одному из нападавших, тут же снова перейдя к обороне. Через некоторое время лязг металла прекратился. Стороны отступили в исходное положение. Между ними на земле в луже крови с остекленевшими глазами и разрубленным горлом лежал один из нападавших. Еще один из них бледный, как полотно, тихо стонал, сидя у стены дома, баюкая руку с отрубленными пальцами, завернутую в накидку, сквозь которую проступали красные пятна крови. Улица была неширокая, развернуться нападавшим особо было негде. Набонасар не дал им возможность зайти себе за спину. Конечно, если бы убийцы разделились хотя бы по трое и одна из троек просто пропустила его мимо себя и оказалась сзади, тем самым зажав Набонасара с двух сторон, ему было бы очень трудно. Можно было сделать еще проще – ударить мечом в спину вдогонку тогда, когда он уже прошел мимо. Как бы то ни было, убийцы сделали ошибку, и теперь расплачивались за это.

Четверо оставшихся невредимыми убийц больше не нападали, просто молча стояли, по-прежнему перекрывая дорогу.

– Просто отдыхают перед новым нападением, – решил Набонасар и, чтобы не дать им возможности передохнуть, ре-

шил было уже сам перейти в атаку. Однако в это время с другой стороны улицы в проход вбежали еще около десятка человек, одетых примерно так же, как и нападавшие.

Бежать Набонасару было некуда. И нападавших было слишком много на него одного, причем они зажали его с двух сторон. Он прижался к стене, защищая спину, понимая, что пришли его последние мгновения жизни. Долго продержаться он не мог, и помощи ждать было неоткуда.

Нападающие не торопились. Они снова полукольцом охватили начальника охраны каравана, переговариваясь между собой на непонятном для него языке. Затем подняли мечи...

И тут из-за дальнего угла послышался пронзительный свист и замелькал свет факела. Убийцы взглянули туда, переключая внимание в эту сторону. А десяток человек, выбежав из темноты из-за ближнего угла, стремительно атаковали нападавших, когда их внимание было отвлечено. Ближайшие трое из убийц были с ходу зарублены. Остальные вынуждены были обороняться, уже не имея численного преимущества, четкого командования и не понимая, откуда на них свалилась эта напасть. Еще двое из них рухнули на землю. И тогда убийцы повернулись и побежали прочь, спасая свои жизни. А спасители Набонасара, отвесив ему поклон, тут же молча исчезли, словно их и не было. Однако у кого на плече, у кого на поясе – у каждого из них была вышивка, повторяющая цвета флага, развевающего над шатром Салманасара.

Поспешил покинуть место боя и Набонасар, чтобы не встречаться с городскими стражниками и не иметь дополнительных хлопот в преддверие ухода каравана.

– Что случилось? – встревоженно спросил Хутрап, когда он наконец появился на пороге его комнаты., – откуда на тебе эти раны?

– Пустяки, – отмахнулся Набонасар, – просто пара мелких царапин, не более.

Он вкратце рассказал послу о том, как проходил торг, о приобретении им за небольшую плату необходимых для перевозки кож верблюдов, умолчав, конечно, об истинной цели своего похода на рынок и о встрече и разговоре в шатре продавца верблюдов.

– А на обратной дороге на меня напали неизвестные. Мне удалось отбиться, убив нескольких из них, – Набонасар не стал вдаваться в подробности, – возможно, просто хотели ограбить.

– Может быть, – согласился посол, – но, вернее всего, все эти нападения – звенья одной цепи. Я просто уверен в этом! Во всяком случае, бдительность ослаблять нельзя.

– Нельзя допустить также, чтобы к каравану подсоединились посторонние, – добавил слушавший их разговор скандинав, – и надо будет в дороге несколько раз резко изменить направление движения, чтобы скрыть следы каравана. Чем более скрытно мы будем двигаться, тем большая вероятность того, что наш след потеряют. Это поднимет наши шансы на

успех.

– В караване не будет ни одного постороннего человека, лишь те, кто вышел с нами из Вавилона. А они все достаточно проверенные люди, – заметил Набонасар.

– Я сегодня разговаривал с правителем города о судьбе бедной девочки, – сказал Хутрап, – он обещал, что отправит ее на воспитание в храм богини Иштар. Сейчас ее приведут сюда, и надо будет сообщить ей об этом.

Вскоре в помещение несмело зашла Энинрис и остановилась у порога, теребя руками подол платья и исподлобья поглядывая на находящихся в комнате людей.

– Заходи, не стесняйся, – подбодрил ее Хутрап.

Она зашла и остановилась посередине комнаты. Только теперь Набонасару впервые удалось в деталях рассмотреть ее внешность. Сказать, что она красавица – было не сказать ничего. У нее оказалась настолько выразительная изумительная внешность, что у видавшего виды тысячника сладко заныло сердце. Миндалевидные слегка подрисованные черные глаза, тонкий нос, чувственный рот – все дышало свежестью и юностью. Взглянув на Хутрапа, Набонасар понял, что и на того девушка произвела сильное впечатление. Они видели ее уже на протяжении нескольких дней, но не рассмотрели ее за это время. И немудрено – только теперь, попав в спокойную обстановку, она впервые немного приделалась, умылась и расчесалась. А если ее одеть в красивые одежды, украсить ожерельями и отдать в руки искусных делателей причесок –

она затмила бы собой всех красавиц, которых дотоле знал Набонасар. Это он понял сразу и даже потряс головой, чтобы прийти в себя.

– Ты прелестна, дитя мое, – сказал, наконец, Хутрап.

– Однако, никогда не видел более прекрасного создания! – тихо пробормотал Набонасар, – и сколько мужчин, готовых вцепиться в глотку друг другу, будут скоро добиваться ее руки! Опасная красота!

– Божественная красота! – не согласился с ним скандинав.

От этих слов Энинрис зарделась, потупила глаза и от этого стала еще краше.

– Вы так добры ко мне, – своим певучим голосом сказала она, – теперь, когда у меня никого на свете не осталось, вы заменили мне их...

Хутрап тяжело вздохнул.

– Я уже говорил тебе, что мы направляемся с посольской миссией очень далеко, в далекий эламский город Аншан. Слыхала когда-нибудь о таком?

Она отрицательно покачала головой.

– Путь будет далеким и очень трудным, поэтому в караване нет ни одной женщины. Я разговаривал о тебе сегодня с правителем города. Он позаботится о тебе. Завтра, после нашего отъезда, он отправит тебя в храм Ишхары, богини любви и созидания. Там воспитываются только девочки из обеспеченных семей. Тебя научат искусству любви. Ты умеешь писать и читать?

Энинрис отрицательно покачала головой.

– Вот видишь. Тебя ждет совсем другая жизнь. Перед тобой откроется весь мир. Ты сумеешь выйти замуж за одного из богатейших и влиятельнейших людей государства, или станешь жрицей Ишхары, что не менее почетно...

– Я не хочу замуж, – в ее словах звучали слезы, и глаза тоже начали наполняться ими, – возьмите меня с собой...

– Это невозможно, дитя мое, – снова повторил Хутрап, – успокойся, все будет хорошо! А теперь иди, завтра на все глянешь по-другому!

Энинрис, всхлипывая, ушла в отведенную ей комнату.

– Однако, какая красавица! Ты сделал для нее все, что мог в данной ситуации, – заметил Набонасар.

– По крайней мере, совесть моя чиста, – со вздохом сказал Хутрап, – однако, ты прав. Она редкостная красавица. Жрецы со временем, обучив ее, дорого возьмут за ее красоту и мастерство в искусстве любви. Скоро толпы женихов будут осаждать храм. Уж тут-то жрецы не продешевят!

17. Ревность

Утром следующего дня после очередного торжественного молебна в храме Энлиля, главного божества Ниппура, верблюдов снова навьючили поклажей и караван, ведомый проводником, охотником, знающим степь вдоль и поперек, присланным правителем города по просьбе Хутрапа, выступил в дорогу. Караван был по-прежнему большим, хотя и потерял уже десятую часть людей и животных – в водовороте, вызванном аморейским колдуном, бесследно сгнули три корабля с грузом, а также люди и животные, находившиеся на них. Среди них были и три верблюда, нагруженные дарами будущему царю Элама. Теперь верблюдов с дарами осталось семнадцать. Утонули и четыре из десяти арабских скакунов – конюхи не сумели удержать их, когда они, объятые ужасом, прыгнули с плота в воду и также были поглощены гигантской воронкой.

Перед выходом Хутрап поручил одной из прислужниц отвести Энинрис к правителю города. Служанка взяла девушку за руку и повела за собой. Та молча ушла за ней, глотая слезы.

...Караван медленно двигался по равнине, по которой здесь и там были разбросаны невысокие холмы со сглаженными вершинами. Верблюды походили на корабли, медлен-

но плывущие по красивому бледно-красному морю. Такое впечатление складывалось вследствие того, что стояла весна, и вся степь была покрыта цветами, мелкими дикими тюльпанами бледно-красного цвета, и напоминала собой живой колышущийся на ветру ковер.

Складывалось впечатление, что караван все время идет немного на подъем. В общем, так оно и было. До реки Тигр этот подъем должен был быть очень незначительным. А вот после переправы, вплоть до предгорий, этот подъем должен был существенно возрасти и накладывать отпечаток на движение каравана. Пока же общий подъем местности практически не мешал ни людям, ни животным.

Весна уже понемногу переходила в лето. К середине дня, когда сделали первый привал, солнце палило уже немилосердно. Еще дней десять такой жары – и растительность на холмах сначала завянет, затем пожухнет, а затем исчезнет вообще.

Как всегда на коротких остановках, цепочки верблюдов развязывать не стали. Корм, взятый с собой, также животным пока не давали – под ногами его пока еще было достаточно. Дальше должны были начаться песчаные и каменистые пустыни. Все имеющиеся запасы корма берегли для перехода через них.

Набонасар, пряча в бороде улыбку, подошел к Хутрапу.

– Пойдем, что-то покажу, – сказал он.

– Что-то ты сегодня такой улыбчивый, на себя не похо-

жий? – спросил посол, – и что ты мне покажешь?

– Сейчас увидишь.

Набонасар повел Хутрапа, за которым, как тени, следовали неразлучные Шамши и Бурна, к одной из цепочек верблюдов, меланхолично пережевывающих свою жвачку. Эти верблюды везли провизию в привязанных по бокам больших плетеных корзинах, закрытых плетеными же крышками. Набонасар направился к одному из верблюдов и пальцами постучал по корзине. К удивлению Хутрапа, крышка немного приподнялась и сквозь щель из-под нее на него взглянули темные глаза. Набонасар улыбнулся и отошел в сторону.

– А ну-ка, вылезай! – скомандовал Хутрап.

Крышка откинулась на ременной петле и в корзине поднялась смущенная девушка.

– Энинрис! Как ты сюда попала?

– Все равно я там не осталась бы! – запальчиво начала она.

– Набонасар! Всыпь ей двадцать плетей за непослушание! – разъярился Хутрап.

Начальник охраны каравана, притворно грозно хмуря брови, подошел к верблюду. Девушка тут же проворно скользнула вниз и захлопнула крышку. Хутрап и Набонасар рассмеялись.

– Ну что с ней сделаешь? – отсмеявшись, сказал посол, – да ладно, вылезай уже.

Крышка корзины приподнялась.

– Вылезай, вылезай! – подтвердил Хутрап, – надо бы тебя,

конечно же, выдрать, как следует, и отправить назад. Однако не с кем и не как. Ладно, решено, – решительно кивнул он головой, – будешь подавать мне еду, разжигать костер. В общем, у меня в шатре будешь за хозяйку. Договорились?

Энинрис радостно засмеялась и буквально выпорхнула из корзины.

– А конь мне будет? – спросила она.

– Верблюд будет. И розги впридачу! – снова засмеялся Хутрап.

Тут к послу и Набонасару обратился кто-то из каравана с вопросом. Они отвлеклись, а Энинрис, весело улыбаясь, змейкой проскользнула между Шамши и Бурной, обдав их чарующим взглядом, от которого кровь начинает бурлить в жилах.

С самых юных лет Шамши и Бурна воспитывались в школе жрецов, где из них готовили телохранителей для высшего жреческого сословия. В их жизни были только занятия. Занятия по владению оружием занимали практически все время. Как жрецов, их обучили еще и знанию письменности. К данному моменту они только подходили к двум десяткам зим, однако были уже опытными телохранителями. Они издали чуяли тех, кто может нести опасность – человека выдавали или брошенный искоса взгляд, или слишком резкие движения, или нервное поведение. А в искусстве бросать кинжалы в цель или орудовать двумя мечами сразу они и в школе были на первых ролях. Тренировки отнимали у них

практически все время, не оставляя ни мгновения свободного времени. И не мудрено, что обворожительная девушка, проскользнувшая мимо них с грацией гепарда, задевшая одного из них своей одеждой, а второго обдавшая ароматным дыханием, вызвала внутри них, никогда не знавших женской ласки и не подозревавших, что это такое, бурю эмоций. Как от одной искры огонь, взбираясь вверх и вширь по сухим листьям, быстро зажигает большой костер, так и кокетливый взгляд, брошенный юной красавицей, разжег неугасимый огонь в каждом из молодых людей. Внешне они оставались такими же спокойными, готовыми к действию, но в душе каждого из них запылал пожар.

Энинрис тут же начала хлопотать по хозяйству, время от времени прося подсобить ей кого-то из молодых жрецов. То перевязать веревку на верблюде, то перевесить какой-либо груз. И когда ее горячие пальчики мельком соприкасались с пальцами помощника, или ее горячая упругая грудь соприкасалась с его плечом, молодых людей начинала непроизвольно бить нервная дрожь, с которой они еле справлялись усилием воли. А вскоре эта троица, отпущенная послом, на конях отправилась в голову каравана. Энинрис, как оказалось, значительно лучше молодых жрецов сидела в седле. И не мудрено – с детства она на лошади объезжала отары овец. У них же в отношениях с лошадьми были явные пробелы. Она, посмеиваясь, то скрывалась от них далеко впереди, то появлялась откуда-то сбоку из-за ближайшего холма... Уже

к вечеру этого дня оба молодых человека помимо своей воли, сами того не понимая, были насмерть влюблены в красавицу, не обращавшую, впрочем, на них особого внимания. Но что делать им со своей любовью – в школе жрецов, где все было аскетически строго, об этом не говорили. Как не говорили и о том, что делать, если они оба одновременно полюбят одну девушку, как случилось с ними. А каждый из них видел соперника в другом. И прежде закадычные друзья и партнеры потихоньку начали ненавидеть друг друга.

Влюбленность молодых жрецов в те времена не была чем-то предосудительным. Наоборот, это приветствовалось. Жрецы высокого сословия имели и жен, и наложниц.

Ревность. Разве есть что-нибудь страшнее этой напасти? Она исподволь овладевает человеком, сначала проникая в сердце и далее распространяясь по всему телу по жилам вместе с током крови. Затем попадает в мозг и отравляет его. И человек теряет рассудок. Нет, он живет, поначалу ест, спит, работает, но перед глазами его непрерывно стоит образ его любимой в объятиях другого. И вот его жизнь отравлена, еда не еда, не идет сон, валится из рук работа. В конце концов он начинает выискивать способы устранения соперника, не гнушаясь ни подкупом, ни обманом, ни даже убийством.

Шамши и Бурна, вынужденные все время быть рядом, отчаянно ревновали девушку. Уже к вечеру они вообще перестали разговаривать друг с другом, внимание их рассеялось, свои обязанности они стали выполнять не так четко, как это

было раньше. Это не укрылось от глаз скандинава. Своими сомнениями он поделился с Хутрапом, также заметившим перемены в поведении молодых людей.

– Небось, влюбились оба в Энинрис, – сказал он, – как бы из этого не было беды.

– Ничего, – усмехнулся посол, – в молодые годы лишние переживания вреда не принесут. Перебесятся и остынут. От этого только ума прибавится.

А так как внешне ни Шамши, ни Бурна никак не проявляли своих переживаний, об этом разговоре все вскоре забыли. Другие события вышли на первый план.

Следующую короткую остановку сделали, когда город окончательно растаял вдали. Шатров не ставили. Энинрис, однако, тут же снова начала хлопотать, развела костер и поставила на него котел с водой. Когда вода закипела, она бросила в воду небольшое количество травы, которую время от времени собирала по дороге. Выдержав ее короткое время, она разлила настой в невысокие кружки без ручек и подала сидящим вокруг костра мужчинам. В это время ими обсуждалось предложение Набонасара об изменении направления движения каравана.

– От Ниппура мы шли строго на восход солнца, – говорил Набонасар, – и из города наши недруги могли проследить направление нашего движения. Отсюда я предлагаю изменить направление нашего движения – уйти немного вверх от линии нашего пути. Для нас это будет лишь незначительным

удлинением пути, для возможных преследователей – это потеря нашего следа.

– Как же, потеряешь наш след! – усмехнулся Хутрап, – вон он как виден!

И действительно, сотни верблюжьих ног прошли по степи, и их следы четко указывали, что здесь прошел внушительный караван.

– А что, это не лишено смысла, – одобрил скандинав, – что же касается следов каравана, то уже через день примятая трава поднимется и полностью скроет их. По крайней мере, это затруднит поиски для тех, кто будет этим заниматься.

– Ну что ж, так тому и быть, – решил посол, – идем немного вверх.

От настоя, поданного Энинрис, шел густой приятный аромат, и он пился очень легко, придавая воздушность телу. Кажалось, что движения стали легкими и свободными, обострился ум.

– Что ты добавила в чай? – поинтересовался посол, когда девушка весело пробежала мимо него, уже уложив опустевший котел на место в корзине на боку верблюда.

– Это трава, придающая силы, – сказала она, – в степи она встречалась нам несколько раз, и я взяла ее небольшой пучок.

– Я знаю эту траву, – неожиданно вступил в разговор дотолемолчавший Бурна, – у жрецов она тоже иногда используется. Если взять ее много, то наяву увидишь то, о чем меч-

таешь. И богатство, и красивых дев. Ее использовали у нас жрецы, чтобы увидеть будущее. Отвар давали пить одному из жрецов. Глаза его стекленели, иногда изо рта шла пена, но он говорил без умолку, рассказывая, что видел в это время. А видел он много чудесного... Но не всякому у нас можно было пробовать отвар. Старшие жрецы говорили, что трава эта губит любившего отвар из нее.

– Два-три стебелька на большой котел воды еще никому не принесли вреда, – улыбнулась Энинрис.

Когда караван удалился от места стоянки на порядочное расстояние, двигаясь уже на северо-восток, Хутрапа, не спеша двигавшегося на коне в середине каравана, догнал скандинава и отозвал его в сторону. Набонасара рядом с ним не было – он уехал в голову колонны.

– Что-то случилось? – спросил посол, глядя на сумрачное лицо скандинава.

Вместо ответа тот протянул ему небольшой лоскут белой ткани.

– Я нашел его на месте нашей стоянки. Конь провалился ногой в мышиную нору, и я остановился, чтобы осмотреть ногу, не повреждена ли она. И рядом увидел вот это. Его оставили наверху, так, чтобы было легко отыскать.

Хутрап внимательно осмотрел лоскут. Просто обрывок. Самый обычный. Но на его поверхности были сажей нарисованы еле заметные знаки – две строчки клинописных значков.

– Я не знаю, что здесь написано, – в ответ на красноречивый взгляд посла, сказал скандинав, – во всяком случае, это не похоже ни на один из местных языков. Ведь я знаю их почти все. Скорее всего, это какая-то тайнопись, которую могут прочитать только знающие ее. Однако, можно предположить, что это какой-то аккадский диалект. Вот эти значки у аккадцев обычно соответствуют направлению движения, я сталкивался с этим, когда вел караваны. Этот значок обозначает направление на закат солнца, а эти два – на восход. Но это также значит, что в караване есть тайные пособники аккадцев.

– Где ты нашел, в каком месте? – спросил Хутрап.

– Я также думал вычислить предателя по месту нахождения лоскута, – покачал головой скандинав, – ничего не получится. В этом месте находилась самая многочисленная группа верблюдов, и там перебивала половина каравана, если не весь он.

– Отнеси его на место и оставь там, где взял, – неожиданно приказал посл.

У скандинава удивленно-вопросительно брови начали приподниматься.

– Они все равно рано или поздно найдут нас, но при этом будут знать, что и нам известно о наличии их осведомителя у нас, – пояснил Хутрап, – пусть считают, что нам ничего не известно. А нам надо заняться поисками пробравшегося в караван предателя. И не говори ничего Набонасару. Он сго-

ряча начнет делать то, что не нужно в данной ситуации...

18. Ирак

Ближе к вечеру, когда в общем-то было еще рановато выбирать место для ночевки, караван был вынужден остановиться. Всадники, составляющие переднее боевое охранение, прислали гонца. Выслушав его, Набонасар тут же отдал приказ об остановке.

– Что случилось? – спросил Хутрап, едущий на жеребце, который в начале пути был спокойным, но в последний отрезок пути вдруг занервничал, стал вскидывать голову и тревожно храпеть. Послу приходилось время от времени одергивать его, а однажды даже пускать в ход плеть.

Удивительно, но все без исключения верблюды и лошади вели себя как-то тревожно, шли с явной неохотой. Если бы не настойчивость людей, погоняющих их, животные не сделали бы вперед ни шагу.

– Гонец сообщил, что спереди находится ирак.

– Они не ошиблись? – удивился Хутрап.

Набонасар пожал плечами и погнал коня вперед, обходя уже остановившийся караван. Следом за ним помчались Хутрап, скандинав и Шамши. Бурна же, взглянув на девушку, улыбнувшуюся ему, махнул Шамши рукой и остался помогать ей готовить ужин.

Вскоре всадники уже подъезжали к голове каравана. Де-

сяток солдат, составлявших его авангард, стоял на небольшом холме, глядя куда-то вниз. Заметив приближающееся руководство каравана, они предостерегающе закричали и замахали руками. Все, кроме Шамши, придержали лошадей, тот же, снедаемый поднимающейся в душе ревностью, во всю прыть вылетел на вершину холма и... едва не полетел в пропасть, внезапно разверзшуюся под ногами. В последний момент его конь успел-таки затормозить на ее самом краю.

– Куда летишь? – строго сказал ему седоусый солдат, подбегая и хватая за уздечку коня, испуганно косящего налитым кровью глазом и перебирающего ногами, – смотреть надо!

Перед глазами подъехавших людей во всей своей красе появился ирак – обрыв, образованный в осадочных породах (в далеком будущем название это даст имя стране, на территории которой природные образования – обрывы – не редкость).

Ирак был довольно высоким, с десятков человеческих ростов. Конечно, люди могли бы спуститься вниз с помощью веревок. Но что делать с животными? Спуск таким же образом нескольких сотен лошадей и верблюдов занял бы очень много времени.

– Ирак? Откуда он здесь взялся? Всем известно, на месте заката солнца их много, но никто никогда не видел их здесь, на его восходе! – заметил проводник, окидывая его взглядом, – мне приходилось видеть и преодолевать их, когда водил караваны. Обычно они извилисты, края осыпаются. Во-

дой сделаны промоины, целые русла, по которым и преоде-
левают их караваны. А здесь...

И впрямь, у наблюдателей сложилось представление, что степь словно разрезали ножом и одну ее часть, дальнюю, прижали вниз, получив таким образом ровный глубокий уступ. Причем сделали это не далее, чем вчера, ибо, когда скандинав подобрался к краю уступа и лежа глянул вниз, его поразил сам срез – корни тюльпанов и травы были совершенно свежими, не завядшими, а по месту обрыва были будто ровно срезаны гигантским ножом.

– Я был в этих местах не более, чем дней десять назад. Здесь ничего такого не было, – удивленно сказал проводник.

В задумчивости они вернулись назад. Шатер Хутрапа был уже установлен, горел костер, на котором стоял котел и варился ужин, а перед ним сидели Бурна и Энинрис, которая время от времени заразительно смеялась. При виде их у Шамши испортилось настроение. Он отказался от ужина, ушел и лег на траву позади шатра. Однако вскоре Бурна ушел, позванный Хутрапом обходить ставший на привал караван, и Энинрис позвала Шамши помочь убрать остатки ужина. И теперь уже вскоре вернувшийся Бурна, глядя на чем-то занимающихся Шамши и Энинрис, сидящих рядом и соприкасающихся плечами, глубоко уязвленный, ушел в степь и лег в траву лицом вниз.

– Утром пошлю человек по десять в обе стороны. Должна же где-нибудь быть осыпь, чтобы спуститься, – сказал Набо-

насар за ужином.

Вскоре ночная мгла укутала землю, а на небо вышла огромная луна, заливая желто-лимонным светом все вокруг.

Постепенно караван успокаивался, все вокруг затихало.

– Послушай, какая тишина вокруг, – сказал все еще сидящему у костра Набонасару скандинав.

– Да очень тихо и тепло. Настоящая почти летняя ночь. Скоро днем будет такая жара, что придется пережить ее где-нибудь в тени, – усмехнулся тот.

– Я не о том, – скандинав поправил меч, – каждую ночь нас сопровождал рев диких кабанов, лай шакалов и вопли гиен. Сейчас этого ничего нет. Вообще нет ни одного звука. Даже птиц не слышно. Полнейшая тишина, как перед бурей. Куда они все подевались? И животные наши днем волновались, как никогда. Ты и сейчас посмотри, они по-прежнему в волнении. С чего бы это?

И действительно, кони и верблюды жались к кострам, испуганно поглядывая в темноту и вздрагивая всем телом при каждом шорохе. Набонасар недоуменно пожал плечами, сел на стоявшего наготове коня, объехал весь караван и затем направился к постам, расположенным по вершинам ближайших холмов. Находящиеся в охранении солдаты ничего нового ему не сообщили, хотя все они отметили нервное поведение лошадей и верблюдов и отсутствие диких животных.

Начальник охраны каравана вернулся с объезда постов ближе к полуночи, бросил поводья лошади конюху, не спеша

прошел вперед и остановился у входа в шатер. Яркие звезды, словно множество брошенных вверх угольков, висели в небе. Легкий теплый ветер слегка колыхал полог, закрывающий вход. Даже комаров, обычно доставляющих много хлопот путешественникам, и то не было слышно. Костер у шатра посла все еще горел, ярким светом заливая все кругом. Шамши и Бурна сидели у него, о чем-то тихо переговариваясь и глядя на языки пламени. Энинрис нигде не было видно, видимо, она уже спала.

Место ночлега Набонасара, как и посла и скандинава, было в шатре. На землю был брошен тюфяк, битком набитый ароматными травами. Набонасар сладко зевнул, еще раз взглянул на небо, отметив по положению луны, что вот-вот наступит полночь, откинул полог шатра и сделал было шаг внутрь него.

Сзади послышались быстрые шаги. Он повернулся. К нему подбежал один из солдат.

- Проводник... – задыхаясь, сказал он.
- Что проводник? – переспросил Набонасар.
- Проводник убит.
- Где? Как?
- Наткнулись на него неподалеку.

Из шатра выскочили Хутрап и скандинав. Хутрап был в одной рубашке, но успел прикрепить к поясу свой меч, скандинав же был полностью одет и при оружии, словно ожидал, что что-то случится.

Они направились за солдатом, который привел их к небольшой кучке солдат с факелами, столпившихся у лежащего тела.

– Мы не стали его трогать, – сказал кто-то из них.

Скандинав перевернул проводника вверх лицом. И всех поразило его выражение. Даже смерть не изменила его. На мертвом лице застыла улыбка. Словно перед смертью он видел что-то необычайно приятное. Это было неожиданно и страшно.

– Ему было необычайно приятно встретиться с кем-то, а этот кто-то внезапно для него нанес смертельный удар в спину, – сказал скандинав.

Он снова перевернул тело проводника и ножом разрезал его куртку по тоненькому следу прокола на его спине, вокруг которого уже запеклась кровь.

– Интересно, – сказал он, – очень интересно...

Проводник был убит точным ударом в спину. Это не был след удара кинжала. Оружие убийцы оставило на коже небольшое треугольное отверстие. Оно легко прокололо спину и вошло прямо в сердце, остановив его. Проводник ничего не успел почувствовать. Он никак не ожидал предательского удара.

– Как будто его убили стеблем тростника, из которого изготавливают папирусные свитки, – поднимаясь, заключил скандинав, – он имеет треугольную форму, но ведь не настолько тверд, чтобы пробить и одежду, и тело. И я ни у кого,

во всяком случае, здесь, не видел такого воровского оружия.

Последующие опросы показали, что никто из каравана ничего, связанного с загадочным убийством, не видел и не слышал.

Отдав распоряжение похоронить проводника, Хутрап в сопровождении Набонасара и скандинава направился к своему шатру.

– Зачем надо было его убивать? – задумчиво спросил Набонасар, – какой в этом смысл?

– Возможно, они были знакомы. Помнишь выражение его лица? Он улыбался, словно встретил хорошего знакомого. А кого из каравана он может знать? По этим местам никто из каравана никогда не проезжал, кроме меня, – сказал Хутрап, – я, естественно, проходил где-то через эти земли, когда был направлен в Вавилон благородным Пели. Но, вернее всего, мой путь в Вавилон проходил где-то в стороне, и с нами нет никого из тех, с кем я был тогда.

– Может быть, это кто-то из солдат или слуг?

– Они все из царской охраны и обслуги, а Абиратташ, верховный жрец бога Мардука, ныне царь Дамик-Илишу, никогда не забирался так далеко, – ответил Набонасар, – это я знаю точно.

– Да-а, задал проводник задачу, – покрутил головой скандинав, – и как теперь прикажешь двигаться дальше без него?

Они уже были в шатре, а Хутрап успел снять рубашку, когда земля дрогнула под их ногами. Все замерли, глядя друг

на друга. Земля дрогнула еще раз. Затем еще.

– Поднимай караван! – неожиданно жестко сказал скандинав, – готовь его к движению!

– Зачем? – искренне удивился Набонасар, – легкое землетрясение, что здесь нового? Видишь, к тому же оно уже закончилось.

– Оно еще даже и не начиналось, – серьезно сказал скандинав, – здесь что-то не так, надо быть готовыми ко всему!

– Ты слышал, что он сказал? – обращаясь к Набонасару, вступил в разговор Хутрап, который натягивал рубашку, сидя на походной кровати, которую ему на ночь собирали, а утром снова разбирали на составные части, – действуй не медля!

Набонасар пожал плечами, не понимая, чем вызвано такое распоряжение, и вышел из шатра, но он был военным человеком и привык подчиняться приказам.

Вскоре лагерь пришел в движение. Люди, не понимая в чем дело, не спеша и ворча поднимались и начинали собирать поклажу.

Хутрап, одевшись и прицепив на пояс свой меч в узорчатых ножнах, вышел из шатра и остановился рядом со скандинавом. Здесь же рядом уже стояли Энинрис, Шамши и Бурна, тревожно поглядывая в сторону степи.

– Ты что-то чувствуешь? – спросил Хутрап скандинава и оглядел степь, залитую лунным светом. Там повсюду мелькали силуэты людей, пытавшихся поймать пасущихся лоша-

дей и верблюдов, – однако, я не вижу там ничего дурного или опасного...

– Ты не туда смотришь, – голос скандинава потерял спокойствие, – смотри назад!

Хутрап повернулся в сторону ирака. Край его светился бледно-розовым светом, как будто что-то снизу освещало его, пропуская свет через розовую материю. Розовый свет перешел в красный и ореол красного света начал приподниматься над краем обрыва. Все вокруг осветилось и стало красных тонов, как будто на землю пролился кроваво-красный дождь. Теперь этот ореол увидели все и, пораженные, замерли на месте. Даже лошади и верблюды остановились, косясь на источник света. Низкий гул раздался со стороны ирака, он быстро усилился. И вдруг земля затряслась. Она не просто дернулась вперед-назад, как это обычно бывает при землетрясениях. Она именно тряслась, ходуном ходила во всех направлениях, вперед и назад, вправо и влево, вверх и вниз. Абсолютно хаотично меняя направление смещения, вернее, их сочетание. То вдруг влево-вверх, тут же сменяемое на назад-вниз... Люди и животные попадали на землю. Никто не сумел устоять на ногах. Амплитуда колебаний была вроде бы небольшой, не более длины ступни, но сила и резкость рывков были запредельными. Энинрис отчаянно закричала. Шамши хотел схватить ее за руку, но сильный толчок снизу подбросил ее вверх. По земле, словно по воде, побежали волны высотой не менее, чем по колено, подбрасы-

вая вверх все, что было на поверхности. Так бывает в самые сильные землетрясения, которые изменяют сам лик земли – передвигают горы, засыпают долины, прокладывают новые русла рекам и засыпают старые. Лишь несколько человек из всего каравана видели нечто подобное в горной местности. Однако тряска внезапно прекратилась. Поверхность земли снова стала ровная, словно и не покрывали ее до этого земляные волны. Гул со стороны ирака перешел в скрежет. Никто не решался подниматься на ноги, ожидая нового витка землетрясения. Но его не было. Зато все явственно почувствовали, что земля под ними начала медленно опускаться вниз. Люди со страхом ждали, что будет дальше. Скрежет, похожий на тот, который издают две трущиеся друг о друг бронзовые поверхности, но только неизмеримо сильнее, оглушающий и закладывающий уши, не прекращался. Вот на месте излома появилась выступающая вверх стена земли, она росла вверх, а сторона, на которой находился караван, опускалась вниз. Обе стороны ирака на глазах менялись местами – ранее бывшая высокой, опускалась вниз, бывшая низкой, росла вверх. Вдруг скрежет прекратился и стало тихо. После пронзительных звуков это была какая-то оглушительная тишина – люди не могли поверить, что может быть так тихо. У некоторых сложилось впечатление, что они оглохли, хотя это было не так.

Теперь уже не обрыв, а высокая стена преграждала дальнейший путь каравану. Ровная, словно обрезанная ножом,

она, насколько хватало взгляда, тянулась вправо и влево от места нахождения растрепанного каравана. А срез стены быстро побледнел и освещал все вокруг уже не красным, а бледным желтым цветом. Люди с проклятиями начали подниматься с земли. Многие крепко ушиблись, подбрасываемые вверх волнами, бегущими по земле. Животные, особенно верблюды, пострадали значительно сильнее – у многих были просто сломаны ноги, и они ревели от боли.

Скандинаву, наконец, удалось подняться на ноги. Выросшая стена была за его спиной. В желтоватом свете, исходящем от стены, на который накладывался бледный свет луны, было видно, как люди медленно поднимались с земли, не веря, что остались живы. Совсем рядом он увидел расширенные глаза Энинрис, в которых вдруг замелькали отраженные светлые вспышки. Скандинав сразу же обернулся.

Яркие всполохи белого огня на плоскости стены привлекли внимание и других людей. Все смотрели теперь в эту сторону. Из верхней части поверхности стены сбегали вниз ручейки, которые, собираясь вместе, становились круглыми, как шары. В яркой вспышке отделяясь от ручейков, они катились вниз по вертикальной стене, набирая скорость и увеличиваясь в размерах. Шары отделялись и выше, и ниже, их появление не прекращалось ни на миг. Появление их было хаотичным. Вот две вспышки справа указали на то, что два шара покатались справа, вот вспышка слева указала на то, что шар покатился слева. Падая сверху, шары набирали ско-

рость. Достигая земли, они с силой ударились о нее, подпрыгивали и катились дальше, прямо на и без того напуганных людей и животных.

– Лошадей и верблюдов берегите! – закричал скандинав и, схватив под уздцы двух ближайших лошадей, стал пристально всматриваться в приближающиеся шары, оценивая их направление. Лошади испуганно храпели и перебирали ногами, но он железной рукой держал их, не давая броситься в сторону. Большие шары, почти в два раза превышающие рост человека, катились практически параллельно друг с другом. Благодаря тому, что отделялись от стены они в разное время и катились не очень быстро, была возможность, пропуская их мимо себя, уклоняться и от катящихся следом за ними шаров. Кто-то попытался столкнуть шар в сторону. С таким же успехом можно было пытаться сдвинуть в сторону скалу. Животных же со сломанными ногами, которые не могли сдвинуться в сторону, шары просто раздавили своей тяжестью, размазали по земле, прокатившись по ним сверху. Стена ирака изливалась источниками, состоящими из жидкого камня, которые, стекая, собирались в шары, твердели, падали вниз и катились под уклон, уничтожая все на своем пути.

– Держись возле меня! – крикнул скандинав Энинрис, которая еле успела отскочить от одного шара и чуть не попала под другой. Спас ее Бурна, выхвативший ее практически из-под шара. Услышала ли она его, скандинав заметить не

успел, так как вынужден был змейкой вилить сразу между пятью катящимися шарами.

Сам он, внимательно просматривая стену, замечал, когда шары начинали отрываться в том промежутке, где он находился, и заранее отводил лошадей в сторону. Световые вспышки уходили далеко за горизонт, и вся степь на всем протяжении справа, и слева подвергалась нашествию каменных шаров.

Они катились с грохотом, словно внутри были пустотелыми и там размещался какой-то угловатый предмет, грохочущий при переваливании с боку на бок. Но ближе к первым холмам, на расстоянии пяти полетов стрелы, на которых были расположены передовые дозоры, и с которых дозорные с ужасом смотрели на истребление лагеря, не в силах ничем помочь, уровень местности изменялся, и шары, потеряв свою инерцию, постепенно останавливались. Они с грохотом сталкивались друг с другом, но дальше катиться уже не могли. В той стороне скапливалось все больше шаров, они занимали все большую площадь. Наконец, каменные источники в стене ирака обмелели и пересохли совсем. Вспышки прекратились, больше ни один шар не образовался и не сорвался со стены.

Продолжалось все это не очень долго, но держало людей в таком напряжении, что казалось вечностью. Наконец все стали приходить в себя. Послышались голоса. Кто-то кого-то звал. Кто-то громко ругался.

– Ну, все, – вытерев пот со лба, сказал скандинав, взглянув на мокрого от пота Хутрапа, который не отдалялся далеко от него, – похоже, на сегодня закончилось...

Однако это были еще не все испытания сегодняшней ночи. Тишину разорвали звуки раскаляющегося камня. Они шли из темноты, куда укатились шары и докуда не доставал неяркий свет, по-прежнему льющийся из стены. И тут же тяжелый топот множества бегущих ног заглушил все звуки. Со стороны холмов на разгромленный лагерь мчались большие звери. К огромному туловищу на толстых ногах, присущему скорее бегемоту, была присоединена голова, напоминающая голову большой песчаной ящерицы, только с высоким килем посередине и несколькими рядами острых шипов на морде. Они светились белым цветом и бежали довольно быстро. Люди схватились за оружие. Однако первые же солдаты, в ужасе осмелившиеся нанести удары мечами, были безжалостно растерзаны шипами и растоптаны. А мечи отскочили от зверей, не причинив им ровно никакого вреда. Скандинав разглядел пробегающих мимо зверей, сотрясающих землю своей поступью. Они были действительно необычны, словно искусно сделанные каменные статуи пришли в движение. А разве статуи могут дышать или слышать? Ноздри, уши и рты у них были, как у живых зверей, но изваяны из твердого песчаника, как и каждая шерстинка на их белых каменных телах. Большие чудовищные звери мчались вперед, не дыша, не слыша и не видя – их раскрытые каменные глаза ничего

не выражали и были слепо устремлены вперед. Они бежали по прямой, наклонив головы, реагируя только на нападение. И тогда коснувшемуся их не было пощады. Вот первые звери уже достигли стены и головой вперед бросились на нее. Короткая вспышка белого света – и каменное создание исчезало, растворенное стеной без остатка.

Пришло понимание, что это за звери – каменные шары с грохотом распадались и, соединяясь по несколько штук сразу в каменное чудовище, возвращались в стену, их породившую. И снова люди, поняв, суть каменных чудовищ, начали уклоняться от них, таща за собой уцелевших лошадей и верблюдов. Только теперь надо было быть несравненно осторожнее – если от шара можно было даже оттолкнуться, то любое прикосновение к каменным чудовищам вызывало неминуемую их атаку и гибель. Спасало лишь то, что по нескольку шаров объединялись в одно чудовище, поэтому каменных исполинов было намного меньше, чем ранее шаров, и расстояние между ними было достаточным для того, чтобы отступить и дать им дорогу.

Но вот последнее порождение ирака во вспышке растаяло в стене, и она тут же перестала светиться. Теперь лишь свет луны и яркие звезды освещали то, что раньше было караваном. По степи, на которой по странной прихоти не осталось и следов от катившихся камней и тяжелых лап пронесшихся каменных чудовищ, как оглушенные, ходили люди, рассматривая нанесенный каравану ущерб. Постепенно все прихо-

дили в себя.

Скандинав начал собирать вокруг себя уцелевших солдат. Где-то вдали слышались крики Набонасара, делавшего то же самое. Затем к ним подключились сотники и десятники. Прибежали уцелевшие воины с дальних дозоров, которые не выдержали и примчались на помощь. Они тут же были снова отправлены обратно – как бы то ни было, а охранять лагерь надо было по-прежнему.

Люди развели костры и при их свете начали первым делом оказывать помощь раненым. Однако таких оказалось удивительно мало – всего с десятков человек. Из них серьезно раненых пятеро – трое попали под шары, двое под тяжелую поступь каменных зверей. Их шансы выжить оценили как очень маленькие, и действительно, к утру все они умерли. У пяти остальных были переломы рук, ног и ребер – результат неудачных действий, когда они ударили от слишком близко оказавшихся каменных исполинов. Опасности для их жизни переломы не представляли. Ушибы и мелкие ранения были у многих, но на них внимания никто не обращал.

Люди жались друг к другу у костров, с опаской поглядывая в сторону ирака, но там было все спокойно. Однако до утра никто так и не лег спать. С рассветом же стало возможно оценить результаты ночного происшествия.

Погибло – были раздавлены шарами и убиты каменными чудовищами – более полусотни человек, пятая часть от состава каравана. В основном погибли в первые моменты по-

явления шаров и затем каменных чудовищ, когда еще никто не знал, что это такое и что с этим можно сделать. Уцелело всего два десятка бактрианов и столько же дромадеров. Зато лошади оказались более умными – из них уцелела половина тех, что были в лагере. Вкупе с теми, что были в сторожевом охранении, их уцелело десятков семь. Погиб и один из породистых рысаков.

По большой территории были разбросаны трупы людей, лошадей и верблюдов, причем многие из них были просто размазаны по земле, валялись раздавленные тюки, обрывки ткани, хворост для костра. После приготовленного на скорую руку завтрака, который, если честно, никому не лез в горло, Набонасар по полдесятка человек на лошадях отправил в обе стороны от места разгромленной стоянки, приказав искать место, где можно будет перейти обрыв на его другую сторону. Скакать они должны были не более, чем до полудня, а затем в любом случае возвращаться назад, но не сюда, а севернее, куда будет перенесена стоянка. Это диктовалось тем, что погибших людей похоронят в братских могилах, рытьем которых уже занимались солдаты, а павших лошадей и верблюдов зарыть не представлялось возможным. Уж слишком много их было. Под палящим солнцем они быстро сделают это место непригодным для обитания, и следовало покинуть его до наступления жары.

Пока одни солдаты занимались похоронами товарищей, другие собирали все то, что уцелело от уничтожения и мог-

ло пригодиться в дальнейшем движении каравана. Был собран и по-новому упакован уцелевший хворост – пищу готовить надо было обязательно, а в безлесной местности другого топлива взять было негде. Затем перебрали раздавленную и порванную поклажу. Уцелевшие подарки для будущего царя Элама снова упаковали в тюки. Однако, если раньше подарки везли на двух десятках верблюдов, то теперь для их перевозки хватило и пяти. Все остальное оказалось растоптано, изорвано и переломано. Немного уцелело из кухонной утвари и личных вещей солдат, перевозимых на верблюдах. Из кухонной утвари посла Энинрис сумела отыскать только котел и несколько металлических кубков. Вся глиняная посуда была разбита. Шатер, по которому прокатился не один шар и промчалось несколько каменных чудовищ, был разорван, но она нашла, что его можно починить. Хуже было со стойками, подпирающими его: они были переломаны сразу в нескольких местах, но их удалось починить, сложив обломанные концы друг с другом и плотно прихватив веревкой к деревянной накладке. Пригодной кожи удалось собрать лишь на один плот. Вся остальная была настолько изорвана, что починить ее не было возможности. Обломки шкатулки, в котором раньше было завешание, Хутрап отыскал среди валявшихся на земле вещей и выбросил их. Самого завешания в ней не было, а куда оно делось, никто спрашивать не стал.

После полудня остатки каравана отправились вдоль гра-

ницы обрыва на север, уходя из злополучного места. Отойдя на значительное расстояние, Набонасар остановил людей. Предстояло ожидать разведчиков, отправившихся в обе стороны обрыва. Однако на сей раз остановку сделали не на краю ирака, а отступив от него, оставив между ним и лагерем гряду холмов. Ждать предстояло до вечера. Энинрис с помощью молодых жрецов, не получивших вчера ни царапины и спасших несколько верблюдов, за что получили особую благодарность Хутрапа, принялась за починку шатра. Все другие, кроме занятых в дозорах, отсыпались после вчерашней страшной ночи. Нервное возбуждение уже прошло, и людей неудержимо тянуло в сон.

Ближе к вечеру в разных местах запылали костры. Люди пришли в себя. Кое-где слышались шутки. Солдаты со смехом вспоминали эпизоды, когда они удирали от катящихся шаров, что бы тут же быть сбитыми другими шарами. Лагерь ожил. Починенный шатер посла был установлен и Энинрис хлопотала у костра, готовя ужин.

Хутрап и Набонасар сидели на коврике в шатре у чудом уцелевшего столика и тихо беседовали, когда к ним зашел скандинав, обходивший местность вокруг лагеря, и также присел, скрестив ноги.

– Обсуждаем, что делать дальше, – сказал ему посол, – караван вчера едва не погиб, а вперед мы не продвинулись, хотя и ушли от ирака.

– Никуда мы не ушли, – махнув рукой, сказал скандинав.

– Как понять твои слова? – удивился Набонасар.

– Я обошел лагерь и окрестные холмы, – пояснил скандинав, – везде то же самое, что и здесь.

– А что здесь? – удивился Хутрап.

– Колдовство. Разве не понятно, что ирак вызван колдовством? Причем колдовством большой силы. Иначе обрыв не был бы таким длинным. А разве вы не заметили, что за целый день так и не появилось ни одной птицы, ни одного даже самого паршивого шакала? Я больше чем уверен, что мы никуда не ушли из зоны колдовства, оно преследует нас. А, как известно, самая сила у колдовства – в полночь. Проклятые колдуны где-то прячутся, но я уверен, что они где-то неподалеку. Ну не могли они знать, где мы будем находиться. Однако как будто кто-то подсказывает им, и препятствие возникает прямо перед нами!

– Пожалуй, ты прав, – кивнул головой Хутрап, – похоже, за нас взялись всерьез. Дождемся разведчиков. А там видно будет. Если они найдут место, где можно будет перейти на ту сторону, пойдем туда. Если нет – будем возвращаться назад.

Разведчики вернулись перед самым заходом солнца. И вести они привезли неутешительные – в обе стороны ирак тянулся без всяких изъянов, нигде не прерываясь. Перейти его не было возможности.

– Ну что ж, теперь все ясно, – вздохнул Хутрап, – утром пойдем назад.

– Если переживем ночь, – горестно усмехнулся Набона-

сар.

На ночь коней не расседывали и ноги верблюдов не спутывали. Все держались наготове, ожидая полуночи. А незадолго до того, как она наступила, верблюдов заставили сесть, а лошадей положили на землю.

В полночь все повторилось, как и в прошедшую страшную ночь. Вздрыбленная стена земли сначала стала розовой, затем ярко-красной, залив вокруг кровавым светом. Сразу после этого последовали сильные рывки почвы под ногами и волны по земле, как по воде. Когда все это прекратилось, слышался гул, перешедший в скрежет, и ярко-красная стена стала оседать вниз, а люди почувствовали, что почва под их ногами медленно ползет вверх.

Скандинав, державший мелко дрожавшего от ужаса коня под уздцы, вдруг вскочил на него и ударил его плетью. Конь, повинуясь твердой руке, устремился вперед, к уходящей вниз стене.

– Куда ты? – крикнул вслед ему Хутрап, казалось, залитый кровью в красном свете, льющемся от ирака, но в страшном скрежете его крик, конечно, не был услышан.

Скандинав устремил коня к уходящей вниз стене. Конь перескочил гряду холмов, оставленную между стоянкой каравана и ираком, а дальше завертелся на месте, страшно испуганный, и, несмотря на удары плети, щедро отвешиваемые скандинавом, не шел дальше ни на шаг. Тогда скандинав спрыгнул с коня и бегом бросился к ираку. Когда он подбе-

жал близко, то лег на живот и подполз к самому его краю. Земля под ним уже не содрогалась и стояла тишина. Обе стороны ирака, как и прошлой ночью, поменялись местами – та, что была вверху, опустилась вниз, та, что была внизу, поднялась вверх. И теперь совсем рядом перед глазами глядящего сверху скандинава из стены побежали каменные ручьи, собирающиеся в шары, которые падали вниз и устремлялись куда-то вперед, а затем он стал свидетелем возвращения назад каменных зверей-исполинов. Они с такой силой бились при возвращении о земляную стену, перед тем, как слиться с ней в белой вспышке, что она содрогалась...

Когда все затихло, скандинав направился в сторону лагеря. Ближе к гряде холмов он окликнул нескольких всадников, оказавшимися одним из разъездов, посланных Хутрапом. Испуганный конь примчался к стоянке уже вскоре после того, как скандинав его оставил, и Хутрап и Набонасар не знали, что и думать. Как только все вокруг затихло, были отправлены несколько групп всадников на его поиски.

За время землетрясения никто не пострадал, хотя несколько человек и получили травмы, подброшенные земляными валами. Потеряли также с полдюжину верблюдов и столько же лошадей, которых не удалось удержать, чтобы они в испуге не встали при жестокой тряске. Они сломали ноги и были прирезаны, чтобы не мучились.

Глядя на веселого скандинава, слезающего с лошади, Хутрап и Набонасар в недоумении смотрели на него.

– С какой радости ты такой веселый? – спросил Набонасар.

– Все не так уж и плохо! – улыбаясь, отвечал тот, – завтра мы уйдем отсюда.

– Конечно, уйдем! – возмутился Хутрап, – только я не вижу причин, чтобы радоваться. Они все же победили, и придется возвращаться.

– Ничего не придется, дорогой посол, – весело сказал скандинав, – я подобрался к краю и видел, что было там, на той стороне.

– И что же там было особого? – спросил Набонасар, – небось, шары и чудища утюжили землю. Но нам-то что с этого?

– В этом-то и дело, что шары и каменные чудовища утюжили землю с той стороны!

– Ну и что?!

– Вчера утюжили с этой стороны, сегодня с противоположной, а завтра, получается, снова будут утюжить с этой!

– Мы это уже слышали.

– Да очень просто! Направление движения меняется каждую полночь. Колдуны, вызвавшие ирак, в своем стремлении уничтожить нас, на всякий случай изменяя стороны действия, обхитрили сами себя! Для того, чтобы уничтожить все по обеим сторонам ирака, они чередуют подъем стены – то одна вверху, то вторая. Но при их движении наступает момент, когда при опускании одной стороны и поднимании вто-

рой обе они находятся на одном уровне. Понимаете?

– То есть ты хочешь сказать, – осторожно вклинился Набонасар, что можно перейти с одной стороны на другую в это время?

– Молодец, соображаешь! – похвалил его скандинав, – совершенно верно! Когда обе стороны станут на одном уровне, можно, нет, нужно будет перейти на другую сторону. Но...

– Что еще за но? – также поняв суть предложения, спросил Хутрап, уже начинавший понимать эту идею.

– К моменту выравнивания обеих сторон ирака всем надо быть у самого его края. Это будет не так и просто, как кажется. Земля еще будет подрагивать, вокруг все будет в красном цвете. И будет стоять немыслимый скрежет. Животные могут не пойти.

– Пойдут, – уверенно сказал Набонасар, – мы подготовим все, что для этого нужно. Закроем заглушками уши, а на глаза наденем глухие повязки, чтобы не боялись.

– Хорошая мысль, – одобрил скандинав, – остается только одно – чтобы в этом ужасном землетрясении, которым начинается подвижка земли, как можно меньше животных сломали ноги. А времени уйти затем подальше у нас хватит – вся нечисть будет уютить завтра эту сторону, а мы уже будем на той...

Весть о том, каким образом можно перейти на другую сторону ирака, быстро облетела лагерь. Были сторонники предложения, были и сомневающиеся в исходе дела, но приказ

был отдан, а солдаты приказам привыкли повиноваться. Во всяком случае, стало известно, что делать и как делать. Это внесло определенное успокоение, и люди сегодня спали значительно более спокойно, чем две прошлые ночи.

Утром подъем был поздним. Спешить было некуда. Днем люди отдыхали и готовили заглушки для ушей и повязки на глаза животным. Ближе к вечеру лагерь был свернут, все необходимое погружено на верблюдов и лошадей. Караван еще при дневном свете подтянулся поближе к краю обрыва и вытянулся в длинную линию вдоль него. Костры не зажигали, ведь уже было известно, что стена должна была засветиться и дать достаточно света.

Ближе к полуночи все были уже на ногах. Животных подвели и заставили лечь шагов за десять до края ирака. Ближе к краю подводить, во-первых, боялись – ожидали сильного землетрясения и земляных волн, которые могут сбросить животных с большой высоты, и, во-вторых, перед началом движения сторон ирака, как заметили, было короткое время тишины и спокойствия. Именно за этот маленький промежуток и должны были люди подвести глухих и слепых животных к самому краю обрыва. Животных было не очень много по сравнению с людьми, и каждое из них держали по два человека. Это облегчало задачу. И всем был дан категорический приказ – если по каким-либо причинам не успевают перевести животных на другую сторону – бросать их и спасаться самим.

Как и в предыдущие дни, все началось с окрашивания поверхности стены в розовый, а затем красный цвет. Затем землетрясение сотрясло землю. Но у самого края ирака земля все же сотрясалась не столь сильно, как поодаль от него, и земляные волны не были столь быстры и высоки, как ожидалось. Затем земля перестала содрогаться, а в гуле и скрежете обе стороны ирака начали сближаться по высоте. Люди подняли животных на ноги, крепко схватили их под уздцы и приблизились вплотную к краю обрыва. Все стояли в один ряд, в шаге друг от друга. Часть ирака снизу плавно поднималась вверх, а та, на которой находились люди, опускалась вниз. Когда разница по высоте была менее роста человека, некоторые самые нетерпеливые, не задействованные в проводе животных, уже перепрыгнули на другую сторону и оттуда протягивали руки, перехватывая поводья. Когда разница по высоте была ниже колена, животных погнали вперед. Они упрямылись, со страхом двигали ногами. Их с силой тянули и толкали. Пару самых упрямых бактрианов, бывших неподалеку от посла, все же так и не удалось сдвинуть с места. Они дико ревели и не шли вперед. Люди бились до последнего, но времени отпущено было слишком мало, и их все же пришлось оставить. А затем, не снимая повязок, переведенных животных осторожно повели дальше от ирака, где уже все было залито желтоватым светом, перемежающимся белыми вспышками, когда отрывался очередной каменный шар.

Отведя подальше, животных освободили от ушных заглу-

шек и повязок на глазах и увели их еще дальше, к первым холмам. Там их освободили от поклажи и отпустили на выпас. Сами же люди, утомленные больше пережитыми страхами, чем физически, выставили несколько сторожевых постов и легли спать.

Рано утром Набонасар, обойдя лагерь, вернулся с докладом о результатах вчерашнего перехода. Хутрап махнул ему рукой, отводя в сторону. Начальник охраны каравана усмехнулся – совсем рядом, подложив под голову какой-то мешок, прямо на земле рядом еще спали Энинрис и оба жреца.

– Даже Шамши и Бурна не выдержали напряжения и еще спят, – заметил Хутрап, когда они отошли в сторону, – рассказывай.

– Во время перехода не удалось перейти двум верблюдам. Их пришлось оставить. Еще одна лошадь упала и придавила кого-то из солдат. Это видели те, кто находились неподалеку. Второй бросился на выручку, вытащил его, но стена была уже слишком высоко. Им бросили веревки. Они успели схватиться и повисли на них. До верха было совсем немного, но, к несчастью, именно здесь появилась каменная течь. Веревки словно обрезало, и они рухнули вниз. Вот и все наши потери – два верблюда, лошадь и два человека.

– Жаль людей, – вздохнул Хутрап, – но ничего не сделаешь. Могло быть значительно хуже.

– Это точно, – согласился Набонасар, – по правде говоря, я ожидал, что, по крайней мере, половины каравана мы се-

годня не досчитаемся.

– Я тоже, – кивнул головой Хутрап.

– Вот что, – добавил он, – до полудня отдыхаем, сразу после обеда уходим отсюда. Хватит с нас этого колдовства...

19. Расправа с колдунами

Однако близость ирака настолько нервировала людей, что до полудня ожидать не стали, и когда солнце поднялось в зенит, караван уже удалился на значительное расстояние от земного разлома. Снова вокруг расстился бледно-красный ковер тюльпанов.

– Смотрите! – воскликнул вдруг Шамши.

– Что там? – заволновались ехавшие рядом Энинрис и Бурна.

Поближе подъехал и заинтригованный Хутрап.

– Вон там! – показал рукой Шамши.

И тут все разглядели в траве спину убегающего шакала.

– Ой, шакалик, миленький, наконец-то! – радостно воскликнула Энинрис.

Никто с нее не смеялся, а, наоборот, все радовались вместе с ней. Встреча с шакалом свидетельствовала о том, что зона колдовства осталась позади. Вскоре уже был слышен стрекот цикад в траве, а затем послышалось пение птиц. Люди пошли веселей, и даже животные почувствовали, что опасность осталась позади и двигались не так напряженно, как ранее.

Без остановок шли до вечера, когда уже надо было делать остановку на ночь. Остановились на берегу небольшого ру-

чья, коими изобиловал этот участок степи. С приходом летней жары большинство ручьев пересыхали, но сейчас они то и дело журчали под ногами, не доставляя никаких хлопот каравану, наоборот, освежая и охлаждая под становившимся все более жарким солнцем.

Как всегда, на невысоких холмах выставили дозоры. Сегодняшней ночью люди наконец-то получили возможность хорошо и безопасно выспаться. Поэтому после ужина лагерь быстро затих. Однако в полночь у шатра посла застучали копыта. Встревоженный Набонасар выскочил наружу, но так же быстро вернулся и начал одеваться.

Чутко спавший скандинав поднял голову. Набонасар заметил это, махнул рукой и молча, оберегая сон Хутрапа и Энинрис, по-прежнему спавшей за тканевой перегородкой, выскочил из шатра. Скандинав последовал за ним. У входа у же стояли чуткие Шамши и Бурна.

– Там вдали что-то необычное, просят посмотреть, – шепотом сказал Набонасар, – как будто столб света поднимается вверх.

– Столб света, говоришь? – прищурился скандинав, – и где это?

Держащий коня дозорный указал рукой направление.

– Давайте с ним, – махнул рукой молодым жрецам скандинав, показывая на Набонасара, – здесь никому ничего не грозит, можете оставить шатер на время. Но ничего не делайте, пока я не приеду.

– Ты что, знаешь что-нибудь о том, что там происходит? – спросил начальник охраны каравана.

– Догадываюсь. Пора отдать должок, – загадочно ответил скандинав и скрылся в темноте, ведя за собой коня.

Лошади быстро вынесли Набонасара в сопровождении молодых жрецов и дозорного на вершину холма, где их поджидала еще пара дозорных.

– Вон там, – показал один из них рукой.

Но Набонасар и без него уже увидел высокий столб света, окрашенный в красный цвет, поднявшийся за ближней грядой холмов вверх и терявшийся в черном ночном небе. Тут же за его спиной раздался топот копыт, и за вершину поднялся скандинав, за спиной которого были два десятка всадников в полном вооружении. Скандинав бросил взгляд в сторону столба света и довольно хмыкнул.

– Я прогуляюсь туда, – сказал он, – скоро вернусь.

– Ты думаешь, что это...

– Не думаю, а знаю. Это точно колдуны, и сейчас колдуют, трясут ирак. А нас не ждут. И пока не разобрались, что нас там нет, я сейчас наведаюсь к ним в гости.

– Я с тобой! – вскинулся Набонасар.

– Нельзя караван оставлять без присмотра. Мало ли что? А вот молодые люди там могут пригодиться.

Набонасар вынужден был согласиться со скандинавом, хотя ему и не терпелось отправиться на вылазку.

Скандинав махнул рукой и с места пустил коня в галоп.

Хотя было и темно, но степь была ровная, как стол, даже без мышинных и сусличьих нор, так что опасаться, что ноги коней могут провалиться, не приходилось. Вслед за ним помчались оба жреца и два десятка всадников. Вскоре топот копыт стих вдалеке.

Кони быстро пронесли всадников мимо ряда невысоких холмов. У подножия одного из них скандинав натянул поводья.

– Дальше я пойду один – негромко сказал он, – вы же будьте наготове. На вершину холма не поднимайтесь. Вас могут заметить. Я скоро вернусь.

И бесшумно растворился в ночи.

Столб света отсюда, из-за холма, не был виден, и солдатам и обоим жрецам оставалось только прислушиваться к окружающим звукам и пристально вглядываться в темноту. Было тихо. Изредка откуда-то из-за спины кричали какие-то ночные птицы, иногда слышался лай шакалов. Однако спереди, там, где были колдуны, ни птичьего пения, ни рычания животных не было слышно.

– Живность чувствует опасность, исходящую от плохих людей, и уходит подальше, – тихо сказал кто-то из солдат, – слышите, с той стороны вообще нет ни одного звука.

Ожидать пришлось недолго. Скандинав словно вырос из темноты рядом с солдатами, изрядно напугав некоторых из них.

– Двое остаются здесь вместе с лошадьми, – сказал он, –

остальные за мной. И не разговаривать.

Быстро пройдя, почти пробежав, мимо холма, за которым остались лошади, они так же быстро обогнули еще один холм и совсем близко увидели уносящийся вверх столб красного света.

– Слева холм, осторожно ползком поднимайтесь на его вершину, – скомандовал скандинав.

Он сам тут же лег на живот и, не выпуская световой столб из виду, ужом заскользил к вершине холма. Скоро туда же собрались и все другие участники вылазки. Там уже лежали два человека. Они были в кожаной защите и при оружии. И у каждого голова была вывернута чрезвычайно сильно в сторону плеча.

– Аккадцы, здесь был их сторожевой пост, как я и предполагал, – тихо шепнул скандинав, – пришлось свернуть им шеи.

Отсюда, с вершины холма, хорошо было видно с полдесятка костров. У одного из них, ближайшего к холму, на котором скрывались наблюдатели, кружком сидели пять человек в надетых на голову масках, имитирующих головы страшных существ. Они то и дело поднимали руки вверх. Прямо над ними и над костром висел широкий столб света. Он то становился выше, то снова опадал в зависимости от взмахов рук колдунов. Похоже, что колдуны что-то пели – до вершины холма с наблюдавшими за этим действием людьми изредка ветерок доносил обрывки пения. Иногда, когда руки колду-

нов застывали вверху и долго не опускались, от столба света отрывалась верхняя часть и уносилась вверх. Именно ее и заметил сторожевой пост каравана. Отступив от этого костра, квадратом горело еще четыре, у каждого из которых сидели или лежали люди с оружием, человек по десять у каждого. Все в кожаных безрукавках и в остроконечных шапках, заменяющих шлем. Поодаль пасся табун лошадей.

Скандинав скользнул немного вниз по обратному от костров склону холма и похлопал по земле, привлекая к себе внимание. Все последовали за ним и сдвинули головы.

– Их раза в два больше нас, – тихо говорил скандинав, – поэтому главное наше оружие – внезапность. Не дадим им опомниться – перебьем их. Заметят нас – их слишком много. Это понятно?

Солдаты закивали головами.

– Шамши и Бурна, слышите?

Молодые жрецы усиленно закивали головами. Они немного волновались. Им приходилось уже участвовать в отдельных схватках. Но это были нападения отдельных убийц на охраняемое ими лицо. Здесь же ожидалось настоящее сражение с врагом, причем по числу существенно превосходящим.

– Ваша задача – колдуны. Ни один не должен уйти. Как только мы завяжем бой с вражескими солдатами, вы возьмете колдунов в ножи, а затем в мечи. Что бы не случилось, добивайте их. Понятно?

Молодые жрецы снова усиленно закивали головами.

– Мы разделимся на две группы и зайдем справа и слева. Сигналом к нападению будет вой гиены. Первый крик – сигнал готовности. По второму – нападение. Подбираемся как можно ближе. Сначала стрелы, затем мечи. Да поможет нам Мардук!

Спустя короткое время молодые жрецы уже лежали в траве в нескольких шагах от колдунов. Теперь они очень хорошо слышали их песню на незнакомом языке. Волны холода одна за другой катились от колдунов, распространяя одновременно с этим волны страха. Кровь стыла в жилах, и, если бы не специальная жреческая подготовка, оба молодых человека давно бы в ужасе бежали подальше отсюда. Но они лежали, прижимаясь друг к другу, и это помогало им выдерживать распространяющиеся от колдунов волны зла. Стало понятно, почему костры воинов располагались поодаль от колдунов.

Близкий крик гиены заставил молодых людей напрячься. Они сжали метательные ножи. Сидящие у костров люди повернули головы в сторону крика, затем взглянули на лошадей. Те не волновались, вели себя очень спокойно. Люди у костров успокоились и снова повернулись к кострам. А молодые жрецы переглянулись – они знали, что лошади неминуемо должны были забеспокоиться, почуяв чужаков. И удивились тому, что этого не случилось, хотя они уже знали, что солдаты вышли на исходную позицию. Воистину, спо-

способность скандинава сливаться с окружающей местностью превосходила мыслимые и немыслимые границы!

Но времени на размышления им отпущено было совсем мало. Снова крик гиены разорвал ночную мглу. И тут же воздух содрогнулся от дикого крика и десятки стрел разом свистнули в воздухе. Каждая нашла свою цель. Вопли раненных заглушили все звуки, внося еще большую сумятицу. Сразу же вслед за этим, не давая противнику опомниться, с двух сторон на него обрушились орудия солдаты.

Сразу же за вторым криком молодые жрецы метнули ножи. Сидящие спиной к ним два колдуна схватились за пробитое горло и рухнули, один вперед, угодив лицом в костер, притушив его, второй откинулся назад. Столб света тут же погас, и в наступившем полумраке зрение жрецов не сразу сумело вычленить противника. Но затем, уже с мечами в обеих руках, они бросились через костер на оставшихся в живых колдунов. Те уже стояли по-прежнему в ритуальных масках на головах, но уже держали мечи наготове. Урок, данный скандинавом, не прошел зря. Отразим одним мечом атаку противника, оба жреца вторым мечом снизу вверх, задев ноги колдунов, перенесли атаку на их животы. Животы оказались прикрытыми защитой, но ноги были открыты. Оба колдуна с ранами на ногах упали на землю, и через мгновение у каждого из них из разрезанного горла забились фонтаны крови.

Тем временем группа, ведомая скандинавом, опрокинула

своих противников и довершала их разгром. Второй группе пришлось значительно тяжелее – их противники быстрее пришли в себя и встретили напавших во всеоружии. К тому же на десяток нападавших их уцелело полтора десятка человек. Они даже попытались охватить полукольцом напавших солдат. В воздухе стоял грохот сталкивающихся мечей и неистовые выкрики сражающихся не на жизнь, а на смерть людей. Напавшие из второй группы вынуждены были обороняться и начали отступать. Они уже потеряли троих из группы, и положение их становилось отчаянным.

Молодые жрецы заметили это и бросились на нового противника, который был повернут к ним спиной. Обоюрукие, прекрасно подготовленные жрецы, да еще и с бронзовыми мечами, внесли сильнейшее смятение в силы противника. Двое из них были убиты сразу же. Еще двое с изуродованными ногами завывали, лежа на земле, еще через несколько мгновений. Соотношение сил сразу же резко изменилось. Когда же на помощь примчался скандинав с несколькими солдатами, помогать уже практически не надо было. Ни одного живого противника уже не осталось.

Солдаты вытирали пот со лба, очищали от крови лезвия мечей. Теперь стало возможно посчитать свои и чужие потери. В схватке погибло трое своих и еще двое были ранены. На поле боя насчитали сорок шесть убитых врагов, в числе которых было четверо с ритуальными масками на головах. Внезапность нападения и превосходство солдат в боевой вы-

учке сделали свое дело. А пленных не брали – обозленные сопротивлением солдаты перебили и всех тех, кто пытался просить пощады.

– Как четверо в масках? Ну-ка, пойдём, посмотрим, – сказал скандинав, когда ему доложили о результатах подсчета, – их должно быть пять!

Однако, их было всего четверо. Пятый исчез, бесследно испарился. Кто-то из солдат вспомнил, что он видел, как в завершающие моменты сражения из табуна в темноту шагом уходила лошадь, но она была без всадника, и он не придавал этому значения. Судя по всему, колдун прижался к ее боку и сумел удрать.

– Что я вам говорил? – отчитывал молодых жрецов скандинав, – вы должны были заниматься только колдунами!

– У солдат дела были совсем плохи... – оправдывался Шамши.

– Если бы не они, нас бы точно перебили, – вступился за жрецов один из солдат.

– А теперь оставшийся в живых колдун снова начнет пако-стить и может погубить еще уйму народа! – зло сказал скандинав, – идите прочь!

Молодые жрецы опустили головы и побрели в сторону.

– Ничего, колдун еще попадетсЯ, – догнав их, сказал один из солдат, – но если бы вы не помогли, нас бы точно уже не было. Так что спасибо за помощь!

И приободренные молодые жрецы уже веселей запрыгну-

ли на коней.

Набонасар нетерпеливо ходил невдалеке от шатра. Завидев подъезжающих всадников, он бросился навстречу. Скандинав коротко рассказал ему о результатах вылазки.

– К сожалению, один колдун точно ушел. Были ли с ним его охранники, пока неизвестно, – говорил скандинав, – утром проверим. Вернее всего, что они все легли там, у костров. Однако и один колдун может принести уйму неприятностей. По уму надо бы, конечно, организовать погоню и перехватить его.

– Да где его догонишь? – махнул рукой Набонасар, – небось, удирает во всю прыть домой и молится своему богу, что остался жив. А в степи следа его не найдешь. Бесполезное дело – погоня.

– Я понимаю, – с сожалением вздохнул скандинав, – а все-таки жалко, нужно было под корень вырубить эту колдовскую породу!

Особенно обрадовал Набонасара тот факт, что в качестве трофеев им достались четыре десятка невысоких степных лошадей, неприхотливых, приспособленных к дальним переходам. Вместе с ними общее число лошадей составило чуть более сотни голов – теперь можно было держать наготове для защиты каравана полноценную сотню всадников. Это была уже хорошая боевая сила.

20. Зыбучие пески

Хутрап об уничтожении колдунов узнал только утром. Он выругал Набонасара и скандинава и приказал впредь докладывать ему обо всем особенном, что касается каравана, независимо, день это или ночь, хотя в душе был очень доволен результатом предпринятых скандинавом ночных действий, понимая, что тот сделал то, что было необходимо, причем сделал наилучшим способом. И что, возможно, если бы сам Хутрап ночью сразу узнал о световом столбе, он приказал бы ожидать утра, чтобы не рисковать. А утром, вероятнее всего, след колдунов уже растаял бы в большой степи... Как не крути, а скандинав поступил правильно и мудро.

Утро принесло определенное успокоение. Колдуны перебиты, ничто уже не могло помешать дальнейшему спокойному движению каравана. Непрерывные мелкие стычки между Шамши и Бурной, связанные с девушкой, в расчет не принимались.

После завтрака караван двинулся в дальнейший путь. Теперь он был существенно меньше, чем на выходе из Вавилона – если лошадей было примерно столько же, сколько было в начале пути, то верблюдов осталась лишь пятая часть.

Как всегда, спереди караван прикрывал передовой дозор – десятка два солдат на лошадях. Еще столько же замыка-

ли колонну. Остальные всадники, разбитые на две равные группы, ехали по обеим сторонам каравана, составляя его боковое охранение. В связи с большими потерями в верблюдах и лошадях больше половины людей теперь вынуждены были идти пешком, поэтому в голове каравана пешком шли полсотни солдат. Остальные более-менее поровну были распределены между медленно и важно шествующими верблюдами. Рабов в живых осталось всего с полдесятка. Они по-прежнему делали всю самую трудную и грязную работу, но о них вообще никто не думал. Теперь уже не делались различия между скакунами дромадерами и тяжеловозами бактрианами – слишком мало их осталось, и все они были под завязку загружены тюками и корзинами. Лишь полдесятка чистокровных арабских скакунов свободно чувствовали себя, не обремененные никаким грузом – Хутрап категорически запретил нагружать их.

– Конь, работавший груженым ослом, недостойн носить седло царя! – это правило неукоснительно соблюдалось им.

Несколько уцелевших конюхов по-прежнему ухаживали за скакунами.

Караван шел строго на восход солнца, туда, где вот-вот должен был открыться левый рукав Евфрата. Передовой дозор, поднявшись на вершину очередного холма, остановился. Солдаты дозора, обернувшись в сторону каравана, призывно замахали руками, показывая вперед, обнимались и буквально прыгали по вершине.

– Река, – радостно объявили они Набонасару, когда он, бросив у подножия холма коня, с трудом поднялся на его вершину.

И действительно, впереди, через пару гряд невысоких холмов, видна была линия реки.

– Ну, наконец-то! – радостно воскликнул Хутрап, узнав про близость реки, – а то, казалось, мы никогда не дойдем до нее!

Караван ускорил шаг, даже верблюды, почуяв близкую воду, пошли быстрее.

Сразу же за последним холмом травянистая растительность сменилась на горячий песок, занимавший обширную площадь вплоть до самого берега. Впереди виднелся песчаный холм, словно перенесенный сюда ветрами из далекой пустыни.

Караван направился к реке. Люди и животные уже воочию видели быстро бегущую воду и наперегонки устремились к ней. Но вдруг песок буквально поплыл под их ногами, и они стали проваливаться вглубь него, как в трясину. Тревожно заржали лошади, заревели верблюды.

– Зыбучие пески! Скорее назад! – раздались крики.

Люди бросились назад, но пески уже не отпускали свою жертву, а жертвой был весь караван. Тем, кто находился сзади, всего ничего было до края песка, но и они не могли сделать ни шагу, постепенно погружаясь вглубь жидкой грязи.

Лошадь под Энинрис начала биться, с каждым рывком

уходя все глубже и глубже. Она пронзительно закричала. Скандинав, который находился неподалеку, лег на песок как на воду, и, в несколько сильных гребков буквально проплыв по нему, вырвал ее из седла и отбросил к медленно погружавшимся верблюдам.

– Становись им на спину! – крикнул он.

Со всех сторон слышны были проклятия, ругань. Люди пытались выбраться из неожиданного грязевого плена, но им это не удавалось. Еще никто не понял серьезность сложившегося положения, все восприняли это как временное недоразумение. Скандинаву это было уже понятно. Как и понятно то, что скоро начнется всеобщая паника, и тогда вообще никто не спасется.

Взгляд его скользнул по окрестности, и вдруг он на вершине песчаного холма увидел характерную фигуру.

– Проклятье, – зло выдохнул скандинав, глядя на пытавшихся выбраться из предательской грязевой трясины молодых жрецов, – вот как отражается нечетко выполненное распоряжение!

На вершине холма, подняв вверх руки, в маске птицы с длинным разинутым клювом на голове, стоял уцелевший колдун, которого упустили молодые жрецы, бросившись спасать десяток солдат. Десяток они спасли, но теперь погибали сотни, в том числе и спасенный десяток. Рядом с колдуном стояли четверо его сопровождающих, живыми выскользнувших из ночной битвы.

Колдун бормотал заклинания, и мокрый песок понемногу, медленно, но неотвратно поглощал то, что было на его поверхности.

Скандинав, бросив взгляд на находившихся рядом верблюдов, которые уже не могли перебирать ногами, и с огромным трудом подобрившись поближе, кинжалом разрезал поклажу на одном из них. Она посыпалась в грязь. Дотянувшись рукой до небольшого походного столика, скандинав отломил крышку и мечом разрубил ее на две части. Тут же сильными ударами кинжала сделал в каждой части несколько небольших отверстий. Торопясь, протянул в них веревку, до этого связывавшую поклажу на верблюде. Затем запрыгнул на спину какому-то ближайшему верблюду, отреагировавшему на это диким ревом, быстро прикрутил веревками доски к ногам и снова спрыгнул в грязь. Теперь скандинав стоял на досках, словно на с детства знакомых ему лыжах. И он побежал на них в сторону колдуна, высоко поднимая колени. Мокрая густая грязь не успевал расступиться под широкими досками, и не успевала засосать быстро передвигающегося по ней человека. Со стороны это выглядело смешно. Не будь все в отчаянном положении, на долю скандинава выпало бы немало смешков. Но было не до смеха. Речь шла о жизни и смерти.

И колдун, и его сопровождающие сразу же обнаружили бегущего к ним человека. Сначала его неуклюжие движения вызывали у них смех. По мере его приближения смех

сменился на тревогу. А затем солдаты колдуна столпились на вершине, не спускаясь, однако, вниз, и, размахивая мечами, что-то с угрозой кричали. Очевидно, песок не был вязким только на небольшом расстоянии вокруг колдуна. Это отметил про себя скандинав, не прекращая бег. Пот заливал глаза, ноги постепенно наливались свинцом, доски стали неимоверно тяжелыми от налипшей грязи, но останавливаться было нельзя. Если остановиться для отдыха, то, несмотря на большую площадь опоры, доски неминуемо начнут погружаться, и тогда вырвать их из грязевого плена не удастся никакими силами. А это означало гибель. Это скандинав знал хорошо. Конечно, найдись хотя бы у одного из четверых, стоящих на вершине холма, лук, шансов достигнуть вершины у скандинава не было бы. Но колдун и его сопровождение удирали ночью так стремительно, что было бы удивительно, что у них сохранились хотя бы мечи. И в самом деле, мечи были у троих из них, четвертый размахивал лишь коротким кинжалом.

Колдун, продолжая колдовать, все же одним глазом поглядывал на приближение нелепо ступающего человека, который постепенно вырастал в высокого могучего воина. Страх постепенно начинал охватывать колдуна. Приближение противника мешало ему сосредоточиться. Он, опустив руки, что-то закричал четверым сопровождавшим его воинам. Те не ответили ему, сосредоточив внимание на приближающемся скандинаве.

В это время густая грязь под ногами гибнущих людей и животных перестала проваливаться, и многим из них удалось хотя бы немного вытянуться из ее плена вверх.

Колдун опять вскинул руки вверх, продолжая творить заклинания, и снова на берегу началась незримая борьба со смертью.

Тем временем скандинав, почувствовав под ногами твердую землю, прибавил ход, и хотя песок под ногами быстро снова стал вязким и мягким, небольшая передышка пошла ему на пользу. Он был уже на склоне холма и невдалеке видел выстроившихся в ряд солдат колдуна с мечами и кинжалом наготове. И скандинав, и солдаты понимали, что тот, кто находится на твердой земле, имеет преимущество, тем более, что скандинав один, а его противников четверо. Несмотря на его мощь и физическую силу, если солдатам удастся удержать его на рыхлом песке, долго сражаться он не сумеет. Солдаты и рассчитывали на это. В руках скандинава не было видно никакого оружия.

Не сбавляя темп, скандинав бежал по склону холма вверх. Когда до противников оставался буквально прыжок, он вдруг наклонился и снизу вверх метнул вперед широкую доску, сорванную с одной ноги. От неожиданности солдаты бросились в стороны. Один из них упал, сбитый сильным ударом с ног. И тут же вслед за доской на вершину холма ворвался скандинав, воспользовавшись мгновенным замешательством противника и одним прыжком перепрыгнув на твер-

дую почву. Поняв свою ошибку, с двух сторон на него налетели было солдаты, но сверкнувшее на солнце огромное лезвие меча, который скандинав вырвал из-за спины, тут же охладило их пыл. Один из нападавших пронзительно закричал, схватившись рукой за обрубок руки, которой он до этого держал меч, другой отпрянул назад и этим спасся от губительного разящего удара сверху. Правда, обрадоваться чудесному спасению он все же не успел, потому что меч тут же, не останавливаясь, с той же убийственной силой устремился вверх, сначала подрезав ему ноги, а затем его острый конец играючи разрезал кожаные доспехи вместе с животом. С отчаянием обреченного, размахивая мечом, к скандинаву бросился третий солдат. Через мгновение его голова раскололась на две половины, и он, обливаясь кровью, рухнул на песок. Четвертый, бросив бесполезный кинжал, упал лицом вниз, сложив руки над головой, моля о пощаде.

Скандинав быстро повернулся. Колдуна на вершине не было. Он во всю прыть погонял коня, удирая со всех ног вдоль берега, который вновь стал первоначально твердым. Тогда, недолго думая, скандинав кубарем скатился с холма, вскочил на одного из четырех коней, принадлежащих до того сопровождающим колдуна солдатам, схватил уздцы еще одной лошади и пустился вскачь следом за колдуном.

Погоня по берегу длилась недолго, не дальше десятка полетов стрелы. Сначала колдун предполагал, что легко уйдет от преследователя, тем более, что тот существенно более тя-

желый и лошади труднее нести его. Но быстро понял, для чего его противник схватил еще одну лошадь, которая скачет рядом с ним. Когда он увидел, что преследователь с легкостью перепрыгнул на другую, свежую лошадь, в то время, как и без того уставший конь, бывший под колдуном, уже начал замедлять скорость, то понял, что так ему не уйти, и направил его к воде. Быстрое течение подхватило коня и понесло. Колдун повернулся к берегу, чтобы прокричать проклятье преследователю, и увидел, что тот неподвижно и спокойно сидит на коне прямо у уреза воды, даже не заведя его в реку. И только в этот момент колдун понял, какую оплошность он совершил, бросившись удирать против течения реки. Теперь оно сносило его к преследователю, и ничего с этим нельзя было сделать. Колдун погнался было коня поперек реки, но течение отшвырнуло их назад. А до ожидавшего преследователя было все ближе и ближе. Тогда колдун бросил коня и, оттолкнувшись от него ногами, попробовал сам отплыть подальше от берега. Течение подхватило и закружило его. Захлебываясь, он повернул голову к берегу. Кинжал, брошенный сильной рукой, вошел ему прямо в глаз. Колдун взмахнул руками, перевернулся и исчез под водой.

Скандинав повернул коня и взглянул в сторону еще барахтавшегося в песке каравана. Песок уже не тянул предательски вниз, но все же требовалось время, чтобы выбраться из его объятий. Смерть собрала свою жатву и насытилась, опасность миновала.

Когда скандинав подъехал к песчаному холму и поднялся на его верхушку, там уже стояли Хутрап, Набонасар и оба молодых жреца. Энинрис горько плакала, прижимаясь к плечу Бурны. Шамши завистливо поглядывал на соперника. Перед ними в луже крови лежал сдавшийся скандинаву солдат колдуна.

– Проклятье! – выругался скандинав, – я так рассчитывал узнать у него, кто их послал и кто им указывал нашу дорогу! Как это случилось?

Набонасар кивнул на Энинрис.

– Я только успел задать ему вопрос, как тут с безумными глазами подбежала она, выхватила у меня меч и полоснула его прямо по горлу, – рассказал он, – я и опомниться не успел.

– Не выдержала напряжения. Она же чуть не погибла! – понимающе сказал Хутрап, – но все же жаль. Пожалуй, мы многое могли бы узнать от него. Он сам сказал, что много знает...

21. Подготовка к переправе. Убийство табунщика

Караван долго еще подтягивался и собирался на берегу реки. Вернее, не караван, а то, что от него осталось. Передовой дозор в полном составе и все солдаты, бывшие спереди, бесследно исчезли в бездонных песках. Была потеряна треть лошадей. Каким-то чудом уцелели все верблюды. В общем-то, удивительного в этом было немного – известно, что верблюды, в отличие от лошадей, приспособлены к преодолению песчаных пустынь. В песок они почти не проваливаются. Вот и сейчас они погружались существенно медленнее. Хотя и успели опуститься настолько, что над песком торчали только головы, шеи и горбы. Пришлось хорошо потрудиться, чтобы откопать их. Со смертью колдуна зыбучий песок стал просто сухим песком, без капли влаги в нем, и налипшая грязь осыпалась мелкими сухими песчинками, даже очищаться от нее не понадобилось.

Хутрап понимал, что пережившим сильное потрясение людям и животным надо дать отдых. Но все согласились, что надо уйти подальше от места, где утонули в песках многие солдаты из каравана. Караван медленно потянулся по берегу реки. Пройдя расстояние, равное полсотни полетов стре-

лы, дозорные обнаружили место, как нельзя лучше подходящее для устройства лагеря. Песчаный берег, которого теперь, помимо своей воли, опасались все, был неширокий, не более полета стрелы. Далее степь была укрыта знакомым и безопасным бледно-красным ковром диких тюльпанов. В берег вдавался мелкий почти круглый затон, сотни три шагов в поперечнике, промытый в песчаной почве водами реки. Возможно, реке помощь в этом когда-то оказали подземные источники, размывающие песок. Теперь вода в затоне почти не двигалась. Его берега густо поросли тростником, а сбоку прилепилась небольшая роща, включающая ивы и тополя.

У рощи и разбили лагерь. Изнуренные схваткой с грязью люди буквально падали с ног. Не лучше чувствовали себя и животные. Поначалу их даже не стали разгружать, просто отпустили, и они сразу же кинулись к затону. Люди и животные попеременно плескались в воде, постепенно приходя в себя. Вот где-то зазвучал смех, слышались отдельные голоса.

Немного освежившись, люди вывели животных на берег и сняли с них поклажу, после чего те снова ринулись в воду. Началось обустройство лагеря.

Энинрис, как заправская домоправительница, командовала установкой шатра, разведением костра и приготовлением обеда, в чем ей помогали оба молодых жреца и пара уцелевших рабов.

Набонасар выделил несколько десятков солдат, одна часть которых после обеда отправились в рощу заготавливать иво-

вые прутья для изготовления плота, а другая часть в затон нарезать тростник. Предстояло изготовить переправочное средство – плот, кожа для которого перевозилась тремя бактрианами и, к счастью, уцелела. Предстояло переправить полторы сотни людей, четыре десятка верблюдов и семь с половиной десятков лошадей. Плот же можно было сделать только один. За рейс через реку он мог переправить полтора десятка верблюдов или два десятка лошадей плюс два десятка человек. То есть при полной загрузке плота ему надо было не менее семи раз переплыть реку. Ширина рукава Евфрата в этом месте была небольшая – не более трех полетов стрелы, но вот течение... Его скорость раза в полтора превышала скорость течения воды в главном русле. Причем русло изобиловало внезапно появляющимися водоворотами. Предстояло не просто сплавляться по воде, а целенаправленно направляться на противоположный берег.

Нужное количество прутьев с необходимым запасом на ремонт нарезали довольно быстро. И вскоре у затона началось строительство, собирание, плетение – как не назовешь, все будет правильно. Часть людей собирала, вернее, сплетала огромный каркас. Другая готовила верхнюю площадку, которая должна была, не разваливаясь, выдержать большую нагрузку. Причем эта нагрузка была живой, то есть перебирала ногами, оказывая сильное местное давление (например, ноги лошадей или верблюдов), то есть какое-то слабенькое тонкое перекрытие в данном случае было непригодно. Поэто-

му из толстых прутьев ивняка делали щиты, которые укладывали не только по площади, но и друг на друга в несколько слоев, прихватывая их друг к другу другими стеблями тростника. Готовую верхнюю площадку затем должны были обтянуть кожей, уже разложенной на берегу. Кожаные мешки, перевозимые в сложенном виде, надули и закрепляли по низу каркаса. В завершение плот должен был быть переплетен несколькими длинными веревками, которые и придавали ему необходимую осевую прочность. Без них громоздкая конструкция могла бы просто развалиться в воде. В задней части плота было подготовлено место для длинных двух рулевых весел, которые должны были придать нужное направление. Рулевые весла ввиду сложности изготовления также везлись на верблюдах вместе с кожей. Они были разделены на несколько частей, которые складывались друг с другом и необходимую жесткость получали после навивки на сложенные части веревки, накрепко стягивающей их.

К вечеру строительство плота было закончено. Облепив его, как муравьи лист, люди стянули конструкцию в затон на воду, откуда и планировалось завтра начинать переправу. Здесь же и опробовали, заведя на плот два десятка лошадей и столько же человек. Плот прекрасно справился с нагрузкой. Оставалось дожидаться утра и начинать переправу.

С последними лучами солнца воздух задрожал от тысяч машущих крыльев. Огромная стая больших бело-розовых птиц с розовыми ногами опустилась на берег затона.

– Фламинго! – восхищенно выдохнула Энинрис.

Величественные птицы расхаживали по воде вдоль берега, ничуть не боясь находящихся здесь же лошадей, то и дело опуская загнутые вниз клювы и ловко вытаскивая мелкую рыбешку. Казалось, весь затон покрылся розовыми цветами.

Ночь пришла ясная, звездная. От реки дул легкий освежающий ветерок. В шатре осталась спать лишь Энинрис, все остальные устроились под открытым небом.

Ночь прошла спокойно, ничто не потревожило сон. Лишь в середине ночи вдруг встрепенулся табун лошадей, зашумел, но быстро успокоился. И чем-то потревоженная часть птичьей стаи вдруг поднялась в воздух, но, сделав круг, снова опустилась на землю.

Утром люди стали свидетелями отлета розовых птиц. Стая взлетела, сделала над затоном круг, словно прощаясь с приютившим ее местом, и еще долго можно было наблюдать на фоне чистого голубого неба уменьшающееся розовое пятно. Проводив птиц глазами, многие вздохнули – птицы улетали в сторону их далеких домов.

Мужчины уже успели умыться, когда из шатра вышла еще заспанная Энинрис.

– А где фламинго? – спросила она, глядя на затон, в котором лишь верхушки тростника покачивались на слабеньком ветру.

– Тебя не дождались! – засмеялся Хутрап, глядя на нее.

– Жаль! – искренне огорчилась она, – у моего дома они

практически не появлялись...

В это время тревожные крики слышались со стороны табуна лошадей. Все повернули головы в ту сторону. Кто-то стоял у лошадей и призывно махал руками, что-то крича. Когда до людей дошел смысл его слов, все, не сговариваясь, бросились бежать в ту сторону.

Столпившиеся солдаты пропустили в центр своего круга Хутрапа, Набонасара и скандинава. Там на спине лежал мертвый табунщик, который заступил на дежурство после полуночи и должен был дежурить до утра. На мертвом лице застыла улыбка, словно перед смертью он видел что-то необычайно приятное.

– Точь-в-точь, как и у не так давно убитого проводника, – заметил Набонасар.

Он перевернул табунщика спиной вверх и разрезал окровавленную рубашку. На спине напротив сердца было аккуратное треугольное входное отверстие. Он, как и проводник, был убит ударом трехгранным лезвием в спину, убит тогда, когда это никак не ожидал.

Большой табун более чем в семьдесят лошадей был на месте, лошади щипали траву, но не все. Два десятка лошадей беспокойно поднимали головы, не трогаясь с места. У них были надрезаны сухожилия на одной из ног.

Люди молча стояли, понимая, что этих лошадей придется прирезать – они не могли сделать ни шагу и погибли бы от голода, объев траву, до которой могли дотянуться.

– Проклятье! – сквозь зубы прошипел Набонасар, – узнаю, кто это сделал, буду резать на мелкие части!

Энинрис всплеснула руками – среди поврежденных была и достаточно смирная лошадь, на которой она обычно ехала. Она подбежала к ней, обняла за морду и залилась слезами. Хутрап махнул рукой, и молодые жрецы увели ее к шатру.

Тут же попытались определить, кто мог совершить убийство и испортить лошадей. Перебрали каждого из полутора сотен человек, где он был ночью, что делал, может быть, вставал и куда-то выходил. Заподозрить никого было нельзя. Практически каждый был на виду. Скандинав вспомнил даже про молодых жрецов и про девушку. Но оба жреца спали неподалеку от него, а Энинрис вообще никогда ночью не выходила из шатра и, к тому же, ничего не понимала в лошадях, кроме как ездить на них. А два десятка скакунов были обездвижены очень умело – в темноте, одним ударом были надрезаны сухожилия, не выше, не ниже, да еще так, что сами лошади не заржали от боли.

– Может, кто-нибудь из отряда колдуна уцелел и тихо преследует караван? – высказал предположение кто-то из солдат.

Это была единственная правдоподобная версия, которую все приняли за основу к действию. Набонасар разослал в разные стороны несколько небольших отрядов, человек по пять в каждом. В каждый из них были включены те, кто хорошо разбирается в следах и может прочесть по траве то, что бы-

ло даже несколько дней назад. Отряды исследовали окрестности стоянки, но ничего не нашли, ни одного следа давностью менее трех дней, за исключением следа самого каравана.

Опустив голову, дав команду умертвить обездвиженных лошадей, Набонасар возвращался к шатру.

– А у меня не идет из головы выражение его лица, – задумчиво сказал идущий рядом скандинав, – второй раз мы уже видим такое же.

– У меня тоже, – признался Набонасар.

– Обычно человек счастлив, когда ему сообщают исключительно приятную весть, – заговорил идущий до этого молча Хутрап, – в данном случае такую приятную весть получили оба – и проводник, и табунщик. Что могло связывать их обеих, какая весть была бы для них приятной?

– Они не знали раньше друг друга, проводник и табунщик, – с сожалением сказал Набонасар, – я за это ручаюсь.

– Но ведь что-то заманило их, заставило с улыбкой повернуться спиной к убийце? – задумчиво говорил скандинав, – как известно, люди глупеют влюбившись или встретив деву, обещающую тут же открыть им ворота наслаждения.

– Но у нас не в кого влюбляться, кроме как в Энинрис, да и та под охраной таких двух молодцов, которым бы друг с другом спокойно разобраться, – заметил Хутрап, – к тому же она от шатра ни ногой, а других дев у нас просто нет! Здесь что-то другое. Может, снова колдовство?

– Да, темная история, – помолчав, сказал Набонасар, – Что же нам предпринять?

– Просто усилить бдительность, – подытожил Хутрап, – хуже всего будет, если каждый начнет подозревать каждого. Тогда мы просто не сможем стронуться с места, а все перебьют друг друга. Пусть все думают, что это сделал кто-то со стороны. Так будет лучше. А, может быть, и в самом деле это так и есть?

22. Переправа через левый рукав Евфрата

Но надо было двигаться дальше. И после завтрака началась подготовка к переправе на другой берег Евфрата. Надо было снова упаковать разобранные тюки и подготовить животных к перевозке. При всей кажущейся простоте это была сложная операция. Главным, определяющим фактором здесь была скорость течения реки, а она была, как это уже отмечалось, немаленькая. И река была довольно бурной, покрытой невысокими волнами и водоворотами.

Было понятно, что нагруженный плот, глубоко сидящий в воде, прежде чем он пристанет к противоположному берегу, неминуемо течением унесет далеко вперед. Затем уже пустой, высоко сидящий легкий плот отнесет вперед еще дальше при обратной переправе за новой порцией груза. Исходя из этих рассуждений, Набонасар разделил караван на шесть частей. Первыми должны были переправиться два десятка лошадей и с ними столько же человек. Они составили бы охранение на противоположном берегу и должны были затем передвигаться вперед синхронно вместе с плотом. По тому, как переправится первая партия, станет понятна примерная диспозиция всех других партий – каждая последую-

щая часть каравана должна была отдалиться от предыдущей на расстояние, на которое плот передвинется при возвращении на этот берег. Это позволяло сэкономить уйму времени, а каждый раз тянуть большой плот вдоль берега обратно к затону не было никакого смысла.

Вторая и третья партии состояли из полутора десятков верблюдов и двух десятков человек каждая. В состав четвертой партии были включены оставшийся десяток верблюдов и три десятка человек. Полтора десятка лошадей, среди которых были все пять арабских скакунов, составляли состав пятой партии, а с учетом того, что лошади легче верблюдов и у плота появляется некоторый запас плавучести, с ними должны были переправляться три с половиной десятка человек. Последними должны были переправляться до последнего момента остающиеся на правом берегу дозорные и рабы, помогающие заводить животных на плот.

На процесс переправы всего каравана, по оптимистическим оценкам Набонасара, должно было уйти времени не более, чем полдня.

Когда нагруженный еле выступающий над водой плот общими усилиями вытолкали из затона и его подхватило течение, людям, оставшимся на берегу, стало по-настоящему страшно – вода несла большой плот, как ореховую скорлупку. Все его части ходили ходуном вверх-вниз. Видно было, каких титанических усилий стоило четверем гребцам на рулевых веслах ворочать ими. Однако мало-помалу плот при-

близился к противоположному берегу. Вскоре он уткнулся в него, и люди попрыгали в воду, удерживая плот на месте. Времени все это заняло совсем немного, или это только показалось наблюдающим за плотом с берега людям? Они об­легченно перевели дух.

– Что вы все здесь столпились? – раздался хриплый от на­пряжения голос Набонасара, – они скоро будут у нашего бе­рега, а никто и с места не сдвинулся!

Только теперь все заметили, что толпой стоят на берегу, с зами­рением сердца следя за плотом, а уже надо было бы двигаться каждой группе к своему месту встречи с плотом. Караван двинулся по берегу реки вперед. Тем временем плот оттолкнули от берега, и он снова за­плясал по волнам. На сей раз легкий плот унесло значительно дальше, чем рассчиты­вал Набонасар. Он тут же внес коррективы в расстановку групп. Они сильнее начали растягиваться вдоль берега.

Одна за другой части каравана переправлялись на другой берег. Плот показал себя с превосходной стороны. Он был сделан так, что его составные части имели некоторую сво­боду перемещения, поэтому мог изгибаться, его отдельный части могли приподниматься и опускаться независимо друг от друга. Конечно, основу крепости конструкции составляла перевившая его веревка.

Энинрис с некоторой боязнью смотрела на пляску поверх­ности плота, и, когда пришла очередь переправляться пятой, предпоследней партии, она была уже настолько испугана, что

ее посадили в центре плота и сказали, чтобы она крепко держалась за веревки. Однако плавание прошло достаточно спокойно, и вскоре она, с облегчением вздохнув, была уже на другом берегу, куда подтянулись все, переправившиеся ранее.

Плот снова отчалил и быстро достиг противоположный берег. Оставалось дожидаться последней партии переправляющихся. Как только плот коснулся берега, рабы уцепились за него и не позволили дальше двигаться. Один из них зажег факел и начал размахивать им, давая дозорным сигнал собираться к плоту. По мере их прибытия лошадей заводили на помост и привязывали к специально установленным жердям. Когда все дозорные были на плоту и их лошади заняли свои места, рабы оттолкнули плот от берега и сами на ходу запрыгнули на него. Рулевые налегли на весла.

– Отлично, – подытожил довольный Набонасар, отворачиваясь от реки, – нам удалось переправиться довольно быстро и легко, сейчас только солнце становится в зенит. Вот что значит хорошая работа!

Кто-то ахнул у него за спиной. Энинрис тихо вскрикнула. Набонасар удивленно взглянул в ее сторону. Она округлившимися глазами смотрела на реку. Он перевел взгляд туда же. Плот еще плыл, увлекаемый течением, но уже разваливался на глазах. Люди пытались соединить его расходящиеся части вместе, видно было, как они пытаются удержать их. Лошади испуганно шарахались из стороны в сторону. Но вот

настил под их ногами провалился, и они посыпались в воду. Тяжелое мокрое кожаное покрытие плота теперь стало причиной его гибели. Оно тянуло вниз остатки плота. Только теперь до ушей Набонасара дошли крики погибающих людей и ржание лошадей. Люди на берегу замерли в ужасе. Помочь ничем они не могли. Мячики людских голов и конские спины и головы один за другим скрывались в многочисленных мелких водоворотах среди множества тонких веток, совсем недавно составляющих крепкий на первый взгляд плот. Спустя несколько мгновений на поверхности реки лишь кое-где видны были мелкие обломки плота, которые разваливались, дробились на глазах.

– Ужасно! – только и сумел сказать наблюдавший гибель плота Хутрап.

– Почему он развалился? Не понимаю! – белыми губами тихо сказал Набонасар, – я сам проверил веревки перед тем, как мы переправились. Они были крепко натянуты!

Потрясенные гибелью товарищей, люди молча смотрели на мчащиеся мимо них быстрые воды.

Никакой надежды на то, что спасется хотя бы кто-нибудь из плывущих на плоте, не было. Однако, несмотря на это, Набонасар все же отправил десять человек на лошадях вдоль берега – в надежде на чудо. Тем временем люди поправляли поклажу на верблюдах да бесцельно сидели на земле.

Увы, чудо не случилось. Посланные вернулись ни с чем. Река не отдала не только ни одного тела, но даже ни одной

ветки нигде не прибило к берегу. Ожидать было некого. И караван, скорбя по погибшим, двинулся на восток. Где-то впереди было озеро, про которое при обсуждении маршрута рассказывали много чудных вещей. По прикидкам, до него был день пути.

23. Деревня в тумане

Вечернюю остановку сделали на берегу небольшого ручья. На сей раз на ночевку Набонасар расположил караван по кругу вокруг шатра Хутрапа. Было назначено не только внешнее охранение, но и несколько постов внутри лагеря. Конечно, это причиняло определенные неудобства, но Набонасар, не желающий мириться с ночными убийствами, не хотел даже слушать возражения против этого.

Ночью усилившийся ветерок принес немного прохлады, легкий туман за клубился вокруг, но быстро рассеялся, и снова над путниками было ясное звездное небо.

Ночь прошла удивительно спокойно, как никогда. Даже вездесущие комары, бич всего живого, и те каким-то чудом присмирели, не лезли во все щели и не изводили людей и животных своим пронзительным писком и болезненными укусами.

Утро пришло вместе с солнечными лучами. Ночной прохладный воздух быстро прогрелся, но сбоку, неподалеку от каравана, повисла легкая туманная дымка. Солнце должно было растопить ее, но этого не случилось. Наоборот, чем жарче пригревало солнце, тем менее прозрачным становился туман.

Пока в лагере готовился завтрак, скандинав, заинтересов-

вавшись этим странным явлением, направился в его сторону. Первые туманные клубы уже скоро поползли у него под ногами, поднимаясь все выше с каждым шагом. Еще через три-четыре десятка шагов свои ноги скандинав видел уже сквозь легкую дымку. Ему казалось, что взгляд проходит, искажаясь, через быстро бегущую воду. Еще через полсотни шагов туман разом сгустился и скрыл под собою все предметы. Скандинав с трудом сумел разглядеть кончики пальцев, поднесенные к глазам. Первым его порывом было повернуться и направиться в обратную сторону. Однако внезапно он поскользнулся на чем-то и рухнул на землю. Когда же скандинав вскочил, то вдруг пришло понимание того, что он не знает, в каком направлении надо выходить из тумана. Он попробовал делать по десятку шагов в разные стороны, затем по несколько десятков. Туман по-прежнему не выпускал из цепких объятий. И тогда он пошел вперед, туда, куда был повернут лицом. Это было единственное решение, которое можно было принять в данной ситуации. Чувство времени вскоре оставило скандинава. Только по постепенно накапливающейся усталости он понял, что идет уже много времени. Ни единого звука не доносилось со стороны. Он сам несколько раз пытался кричать, но звуки вязли в тумане, и он прекратил попытки дозваться до кого-либо. Единственное, что он чувствовал, это то, что местность вдруг получила уклон вниз, и что он идет в этом направлении. Это свидетельствовало о том, что он не ходит кругами, и давало надежду на то,

что движение вперед рано или поздно выведет из тумана.

Туман кончился как-то вдруг, словно кто-то сорвал пелену с глаз. Было уже темно. Звезды как ни в чем не бывало сияли на небе. Большая луна щедро поливала землю бледно-желтыми лучами. В ее свете все казалось каким-то неземным, лимонно-желтым. И близкие деревья, и дома, покрытые остроконечными шапками крыш. Даже не верилось, что он проблуждал в тумане целый день.

И только теперь до скандинава дошел смысл увиденного. Деревья и дома? Значит, он вышел к какой-то деревне. И не тот ли это оазис в центре тумана, про который говорили при обсуждении маршрута каравана?

Ни одного огонька не было видно. Однако, и тишины не было. В деревне что-то непрерывно хлопало, стучало. Но кто в деревне – друзья или враги? Это предстояло выяснить в самое ближайшее время. И это время наступило быстрее, чем он ожидал.

За спиной раздался шорох. Скандинав обернулся, жалея, что у него с собой всего-то один кинжал на поясе. Свой длинный меч он не взял с собой, направляясь к туману. Ведь он не собирался напропалую лезть в предательскую дымку. Однако словно что-то заставило его сделать это. Полоса тумана, из которой он так внезапно не вышел, а буквально выпал, за короткое время отступила на десятки полетов стрелы. А в десятке шагов, облитые лунным светом, стояли полдесятка человек, глядя на него.

Возраста не более, чем у него самого, высокие, ростом с самого скандинава, но невероятно худые, в коротких штанах, не скрывающих тощие ноги, и однотонных серых рубашках навыпуск без рукавов, открывающих тонкие длинные руки, в которых они держали примитивное оружие – нечто вроде копий, палки с грубо заостренными концами. Они настороженно и одновременно удивленно смотрели на свалившегося им на голову могучего незнакомца. Их глаза отливали зеленым светом и были очень большими. Лица были правильными, не лишенными привлекательности – прямой нос, тонкие губы, прямые темные длинные волосы, высокий лоб. Огромные глаза отнюдь не портили их.

Некоторое время обе стороны рассматривали друг друга, при этом местные жители обменивались друг с другом короткими фразами грудными голосами на незнакомом языке. Видно было, что они ошарашены встречей со скандинавом куда как больше, чем он встречей с ними.

Затем один из них, мгновение поколебавшись, передав свое примитивное копьё остальным людям, сделал несколько шагов вперед и обратился к скандинаву с короткой речью. Произносилась она самым миролюбивым тоном. После чего он подошел вплотную и провел руками по мощной груди и мускулам скандинава. Затем последовала еще одна фраза, обращенная к его спутникам, голосом, в котором скользило восхищение. Остальные его спутники осторожно приблизились и также уважительно, легонько касаясь, провели рука-

ми по мускулам скандинава.

– Кто вы? – в свою очередь спросил он. Конечно, они не поняли его слов, но явно уловили смысл того, что он говорил.

– Кавр, – стукнул себя по груди тот, кто первым подходил к скандинаву. Затем он легонько стукнул скандинава по груди.

– Альрик, – также стукнув себя по груди, поняв его, ответил скандинав.

– Кавр, – местный житель указал на себя, – Альрик, – указал он на скандинава.

– Да, – согласился скандинав, – ну вот и познакомились, – добавил он.

Местные жители вслушивались в его голос, как будто хотели извлечь из него что-то дополнительное для себя. Затем их лица, бледные в лунном свете, словно озарило. Они быстро заговорили между собой, перебивая друг друга, то и дело показывая пальцами то на скандинава, то куда-то в сторону., как будто споря. Наконец, Кавр легонько стукнул Альрика по руке и поманил его за собой. Четверо других людей быстро ушли по направлению к деревне.

Кавр не торопясь повел скандинава следом за ними. На окраине деревни их встретила толпа народа. В свете луны в глаза бросилось то, что все они, как и первые встретившиеся пять человек, были невероятно худыми. Здесь же, несмотря на ночное время, под ногами вертелась стайка таких же ху-

дых детей. И у всех жителей были огромные глаза, отсвечивающие зеленоватым светом.

И тут скандинав понял, почему дети бегают по ночам и отчего у всех большие глаза. Жители ведут ночной образ жизни! Это было внове для него. Возможно, что-то случилось с глазами их далеких предков, и они перестали выходить днем из домов. Постепенно, с течением времени, световосприятие их потомков изменилось настолько, что дневной свет и вовсе стал для них непереносим. Зато развилось ночное зрение, способствующее сильному увеличению размера глаз.

Спереди толпы стоял высокий старик с длинной бородой и длинными волосами, ниспадающими на плечи, и лицом, испещренным многочисленными морщинами. Рядом с ним стояла молодая стройная девушка. Скандинав взглянул на нее. Его поразили правильные линии молодого лица, обрамленного длинными такими же, как и у первых встреченных им здесь людей, темными волосами. И большие глаза совершенно не портили впечатление. Она также взглянула в его глаза, и словно встрепенулась. Старик заметил это и что-то резко сказал ей. Она не удостоила его ответом.

Кавр подвел скандинава к старику и сделал шаг назад, оставив их напротив друг друга. Луна светила прямо в лицо старика, и скандинав видел на нем отражение игры сложной гаммы чувств – от враждебности до недоверия. Руки его непрерывно теребили оголовье посоха. Заметив, что за ним наблюдают, старик вдруг успокоился и что-то произнес скри-

пучим голосом.

– Я приветствую вождя народа, живущего в деревне. Я забрел сюда случайно и не думаю задерживаться здесь. Прошу лишь показать обратную дорогу. Я не причиню вам дополнительных хлопот, – спокойно сказал скандинав, глядя прямо в огромные глаза старика.

Молодая девушка, стоявший рядом со стариком, при звуке голоса скандинава встрепенулась и, когда тот замолчал, что-то быстро громко заговорила, обращаясь к старику, но ее слушала и большая толпа, собравшаяся у них за спиной.

Старик слушал ее, не отводя взгляд от лица скандинава. Затем бросил короткую фразу.

– Тебя приглашают зайти в дом вождя, – с трудом подбирая слова, на ломаном, но понятном языке приятным грудным голосом сказала девушка.

Кавр что-то спросил вождя, тот односложно ответил, отворачиваясь. Но Кавр настойчиво повторил вопрос. Вождь повернулся к нему и выпрямился. Теперь стало видно, что вождь даже выше скандинава. Он, твердо чеканя слова, что-то говорил Кавру, который враждебно смотрел на него. Толпа тем временем, слушая их перебранку, безмолвствовала. Вождь, повернувшись к толпе, что-то горячо заговорил, закончив речь вопросительной интонацией. Толпа что-то прокричала в ответ. Но было заметно, что отвечали не все.

Следовательно, в деревне имеется вождь, и имеются недовольные им, отметил про себя скандинав. В чем заключают-

ся их разногласия, он, естественно, понять не сумел. Однако на всякий случай решил запомнить это. Как знать, о чем они спорили? Не о том ли, убить его или оставить в живых?

Толпа расступилась. Вождь, не оборачиваясь, направился в деревню. Девушка жестом пригласила скандинава следовать за ним. Проходя мимо людей, скандинав, насколько это можно было сделать при тусклом лунном свете, пытался оценить их. Женщин было примерно треть от собравшейся толпы. И среди них не было ни одной даже средних лет. В отличие от разновозрастных мужчин, все они были молоды. На вид самой старшей было не более двадцати пяти зим. На взгляд скандинава, женщин худоба даже красила, но вот мужчинам явно не хватало силенок вследствие маленькой массы тела. То ли они страшно недоедают, то ли деревню поразила какая-то болезнь. В этом еще предстояло разобраться. Среди толпы людей он не встретил ни одного явно враждебного взгляда. Наоборот, открытые лица мужчин выражали одобрение и даже зависть, когда они рассматривали рельефную мускулатуру скандинава. Женские лица выражали восхищение и заинтересованность. Только несколько явных стариков качали головами, что-то говоря окружающим их людям. Но на них не обращали особого внимания.

Это не укрылось от скандинава. Он шел сквозь толпу, чувствуя на себе множество взглядов. И ступал твердо и спокойно. Но вот толпа осталась позади, только дети бежали сбоку, что-то шепчущая и показывая на него пальцами, пока шедшая

рядом выступающая в качестве переводчика девушка, то и дело бросающая на него заинтересованные, как скандинаву показалось, взгляды, не прикрикнула на них.

Пока вождь вел неожиданного гостя, тот пытался рассмотреть деревню, окружающие дома. Но в лунном свете все же видно было плохо. Вокруг домов были во множестве разбросаны финиковые пальмы, и силуэты домов уходили далеко в тень окружающих их деревьев. Понятно было только, что деревня достаточно большая. Однако в домах, которые попадали в бледно-желтые лучи, испускаемые луной, напрочь отсутствовали окна, подтверждая догадку скандинава о ночном образе жизни их обитателей. Нигде не было видно ни одной трубы и напрочь отсутствовал запах дыма. И еще одна особенность деревни бросилась в глаза – это полное отсутствие заборов.

Вождь направился к дому, стоящему в самом центре деревни. Скрипнув, отворилась дверь. Скандинав следом за вождем зашел в большую комнату. Входную дверь оставили открытой, очевидно, специально для него, иначе ему вообще ничего невозможно было бы различить. В доме было еще несколько комнат. Об их убранстве можно было только догадываться. Свет в них не проникал.

Вождь жестом указал на высокий табурет, стоявший перед столом. Сам сел напротив. С торца стола присела переводчица.

В комнату из темноты неслышно вошла еще одна женщи-

на, несущая большую глиняную посудину с какой-то ароматной едой. Она поставила перед каждым глиняные миски и что-то наподобие деревянной ложки.

В качестве еды оказались проросшие злаки какого-то растения, продавленные и перетертые, приправленные ароматными травами. Они оказались съедобны, и даже принесли ощущение насыщенности. К ним подано было что-то напоминающее кислое пиво в большой глиняной фляге.

– Перед тобой вождь народа воды, как мы себя называем, его зовут Барг, – заговорила девушка, глядя на скандинава большими глазами, – я Ильэ, понимающая ваш язык. Вождь спрашивает, кто ты и зачем пришел к нам?

– Меня зовут Альрик. Я заблудился в тумане и совершенно случайно вышел на вашу деревню. Я сопровождаю посла, возвращающегося в Элам, – честно ответил скандинав, – мне ничего от вас не нужно, только укажите мне дорогу обратно.

– К нам попадали некоторые из вашего мира, – переводила Ильэ слова вождя, – от них мы научились немного понимать ваш язык. Но все они оказались непригодны для жизни здесь – много злобы и жадности было в их крови... Ты уже заметил, видимо, что мы, в отличие от тебя, не выносим дневного света. А дневной свет откроет для тебя, что мы также украшаем наши жилища. Вот такими камешками.

И Барг высыпал на стол горсть больших камней. Скандинав взял один из них и поднес к глазам. Это был прекрасный драгоценный камень такой величины, какие редко встреча-

ются и у царей.

– Ни один из забредших к нам людей твоего мира не сумел устоять перед искушением украсть несколько таких камней, хотя мы и предупреждали их о последствиях этого. Блеск камней, видимо, лишал их разума.

– Я не нуждаюсь в ваших камнях, – скандинав бросил камень обратно в кучу, – я хочу просто уйти к себе. Меня ждут.

– Тебе придется немного погостить у нас, недолго, – вставая, подытожил Барг, – ты выглядишь усталым, к тому же вы привыкли спать по ночам так же, как мы при свете солнца. Она покажет тебе, где можно будет лечь спать.

И вождь кивнул на Ильэ, сказав ей несколько фраз. Та позвала скандинава за собой в одну из комнат. В ней оказалась кровать с мягким матрасом, накрытая каким-то покрывалом. В комнатушке находился также табурет, на который скандинав бросил свою одежду. Ильэ вышла, притворив за собой дверь.

За стеной слышались голоса, деревня жила своей обычной ночной жизнью. Глаза скандинава сомкнулись, и он быстро уснул.

Тихий скрип вывел его из сонного состояния. Скандинав проснулся, словно от толчка, и, как всегда, мгновенно перешел от сна к бодрствованию. Он напрягся, готовый вскочить. Дверь в его комнату отворилась, и в дверном проеме на фоне более светлой большой комнаты возник женский силуэт. Он приблизился к постели, наклонился над лицом скан-

динава, и в лицо ему заглянули большие отливающие зеленым светом глаза. Он притянул ее к себе обеими руками. Она уперлась ему руками в грудь, почувствовала напряжение мышц, поняла его опасения и тихо рассмеялась. Тело ее оказалось прохладным, но с каждым мгновением разогревалось все больше и больше, словно в нем включилось внутреннее отопление. Длинные мягкие волосы имели странный легкий запах морских водорослей. Она тихо застонала. Время для них остановилось...

...Женщина легко выскользнула из комнаты и бесследно исчезла, словно ее и не было. Ничто больше не напоминало об ее присутствии. Кто она была – этого скандинав не мог сказать. Однако он надеялся, что узнает ее по небольшому шраму под правым ухом, которого он неоднократно касался губами, или что она проявит себя каким-либо образом. Большеглазая незнакомка подарила ему волшебную ночь, и он знал, что воспоминания о ней еще долгие годы будут тревожить его сердце...

Скандинав встал и распахнул дверь комнатухи. Сквозь щель выходной двери пробивался тоненький солнечный луч. В отличие от ночи, когда уличные звуки свидетельствовали о наличии бурной жизни, сейчас вокруг было тихо. Быстро одевшись, он распахнул выходную дверь. Комната наполнилась солнечным светом и засияла множеством красивых разноцветных огней, отбрасываемых драгоценными камнями, искусно вставленными в стены и вшитыми в плетеное по-

крывало стола. Судя по всему, истинную цену драгоценных камней жители не знали, а просто украшали ими свои жилища, как и говорил вчера вождь. Судя по положению солнца, день уже перешел на свою вторую половину. И скандинав подумал о том, как трудно было большеглазой красавице при ужасном для местных жителей ярком освещении добираться до своего дома.

На столе стояла миска, накрытая сверху крышкой, в которой он обнаружил еду такую же, как и подавали вчера. И рядом стояла глиняная бутылка с пивом. Похоже было, что разнообразия стола у местных жителей не наблюдалось.

Снаружи дома отыскалась бочка с чистой водой, к которой сбоку прислонен был небольшой ковш. Скандинав умылся, позавтракал, что одновременно являлось и обедом, и вышел из дома. Снаружи не было ни одного жителя – они спали, наглухо закрывшись в своих домах.

Теперь он сумел хорошо рассмотреть деревню. Она была большая – навскидку более сотни домов. Значит, и жителей несколько сотен человек. Как сумели они прожить так, что никто до сих пор не обнаружил их? Но ведь есть среди жителей тот, кто понимает его и с кем можно общаться. Значит, сюда изредка проникали люди из внешнего, назвал его так для себя скандинав, мира. Но, возвращаясь назад, они непременно рассказали бы о существовании деревни со странными ночными жителями. А ни одного такого рассказа скандинав никогда не слышал. Куда они делись, неужели из

деревни нет обратного пути? Или они убивают всех людей, волей судьбы забредших сюда?

Жители не выставляли постов охраны. Это значило, что они не боялись нападения со стороны ни людей, ни животных. И действительно, здесь не слышалось обычного тьяканья шакалов и пронзительных криков гиен. Здесь не было комариного визга. И не видно и не слышно было ни одной птицы. Словно местность была заколдована наподобие той, что уже встречалась на пути каравана.

Скандинав вышел за околицу. Никто не препятствовал ему в этом. Сразу за крайними домами начинались поля, засеянные какой-то незнакомой ему культурой. Из земли ровными рядами вылезли небольшие зеленые ростки. А за полями все было закрыто легкой туманной дымкой.

Он направился в ее сторону. Выйдя за пределы полей, он быстро окунулся в туман, но не сбавил шаг. Вскоре перед глазами висела лишь молочная пелена, скрывшая все окрестные предметы. Скандинав долго шел вперед. Но вот ему показалось, что сбоку посветлело, обозначился разрыв в пелене. Он быстро направился в ту сторону. И... вышел из тумана практически в том же месте у полей, в котором и заходил в него. Стало понятно, что самостоятельные попытки выбраться отсюда без помощи местных жителей обречены на провал. Но вот только согласится ли вождь помочь ему?

Взглянув на солнце, скандинав удивленно покачал головой. Ему казалось, что он не много времени бродил в ту-

манном молоке. Однако солнце было уже низко над горизонтом, в завершающей стадии дневного пути. Получалось, что он, незаметно для себя, почти полдня безрезультатно провёл в блужданиях в тумане. Однако он совершенно не чувствовал себя уставшим. И голода особого не было. Солнце вот-вот должно было скрыться за горизонтом, а с уходом его последних лучей должна была проснуться деревня. Оставалось ждать совсем недолго. И скандинав присел на пригорке за околицей, решив здесь ожидать дальнейших событий. Его силуэт четко выделялся на фоне неба, и обладающим хорошим ночным зрением местным жителям не составит труда разглядеть его.

Едва услужливые слуги, сумерки, начали окутывать землю темным саваном, готовя приход истинной властительницы темноты и своей госпожи, ночи, две фигуры, одна повыше, другая пониже, прикрывая лица руками, защищая глаза от еще яркого для них света, направились от деревни в сторону пригорка.

В одной из них скандинав без труда узнал Кавра, второй же была Ильэ, знавшая его язык, переводчица.

– Нам надо поговорить, – сразу же, не убирая руки с глаз, сказала она, – только давай спустимся немного вниз, за пригорок, чтобы никто не увидел нас из деревни. Мы специально вышли рано, чтобы никто не смог помешать разговору.

Она прошла мимо, спускаясь с пригорка, и скандинав отчетливо увидел небольшой шрам под ее правым ухом. Он

схватил ее за прохладную руку и повернул к себе.

– Мне было очень хорошо с тобой, – тихо сказал скандинав.

Она улыбнулась, убрала вторую руку с глаз, взглянула на него в узенькую щелочку сквозь густые ресницы и приложила ее к его губам.

– Молчи и просто слушай, – тихо сказала она, – Кавр мой брат. Мы не зря пришли к тебе. Но давай спустимся вниз.

И она, взяв скандинава за руку, быстро сбежала с пригорка, ведя его за собой, туда, где стоял ее брат, все еще закрывая глаза. Скандинав опустился на землю, наблюдая за ней. Ильэ что-то сказала брату, и они оба тоже сели, скрестив ноги. Некоторое время они сидели молча. Скандинав по-прежнему не выпускал ее прохладную руку из своей.

– Какой же ты горячий! – сказала она, – Я и не знала, что можно быть таким, и что это настолько хорошо!

– Ты необыкновенная девушка, – сказал скандинав, – я не встречал таких, как ты. Оставь свою деревню, идем со мной. Ты узнаешь много нового и неизведанного. И моя любовь всегда будет с тобой.

Она медленно убрала свою руку и тяжело вздохнула. Снова повисла длительная пауза.

Тем временем окончательно стемнело, и снова только луна была единственным источником, изливающим неяркий свет на далекую полосу тумана, пригорок и их троих, сидящих маленьким кружком на земле. Кавр и Ильэ открыли гла-

за.

– Это невозможно, – наконец тихо произнесла она, глядя в землю огромными глазами.

Кавр подозрительно переводил взгляд со скандинава на Ильэ, словно чувствуя, что между ними что-то происходит.

– Он ничего не знает, – опережая вопрос, готовый сорваться с губ скандинава, сказала она.

– Но почему невозможно? – удивился он.

И тут Кавр заговорил. Он говорил горячо и длинно. Скандинав пытался что-нибудь понять, но у него ничего не получилось. Он беспомощно взглянул на девушку. Она печально улыбнулась.

– Кавр решил, что тебе, такому большому и сильному, можно открыть нашу тайну. К тому же он чувствует мое отношение к тебе и надеется на твою помощь. Но только смеет ли мы перекладывать свою ношу на твои плечи? Я очень боюсь за тебя!

– Рассказывай, все рассказывай, без утайки! – скандинав снова взял ее руку в свою.

И она заговорила.

24. Народ воды

– Наши люди называет себя народом воды, ты уже слышал об этом. Это не просто название. Много времени тому назад – сколько, не знает никто, глубоко в воде жили наши предки. Дышали они морской водой, но на некоторое время могли подниматься и над ее поверхностью. Красивые дома были у всех. Над зелеными пастбищами паслись стаи рыб, используемых в пищу. Разнообразными водорослями были засеяны поля. У каждого дома росли цветы. Мы знаем это из преданий, оставшихся с тех времен. Большие рыбы впрягались в повозки и тащили их, перевозя урожай. И вокруг было много таких городков и поселков. Люди свободно посещали друг друга, знакомились, любили друг друга, рожали детей. Все было прекрасно. Там, в глубине вод, люди отличаются по внешнему виду от тех, что ты видишь здесь. Но и понятия красоты здесь и там также различны.

– Одна деревня выделялась тем, что девушки вырастали в ней исключительно красивыми, уж неизвестно по какой причине. Может быть, какие-то особые подземные источники били там, влияя на живших вокруг них людей? Этого никто не знал. Однако со всех концов приезжали в деревню свататься к местным красавицам, и редко кто получал отказ. Люди не хотели отдавать своих дочерей в жены только свар-

ливым, жестоким претендентам на их руку. А иногда сами девушки отказывали безобразным женихам.

– Однажды в деревню приехал выбирать себе невесту один человек. Был он не из простых людей. Где-то далеко был проселок, в котором жители занимались колдовством. Они могли как навести порчу, так и излечить от болезни. Хорошее в них в равной степени сочеталось с плохим. Но они особо никому не вредили, и отношение к ним было равное, такое же, как и ко всем. Но редко кто соглашался выходить замуж за этих людей и затем перебираться в ту деревню. Дело в том, что у ее жителей рожались исключительно одни мальчики, и, мягко сказано, ни один из них не отличался красотой. Как правило, они были низкорослы, горбаты, с искаженными чертами лица. Однако находились женщины, то ли по жалости выходявшие замуж за тех жителей, то ли по любви – ведь живое сердце непредсказуемо, и что одному безобразно, другому может казаться неземной красотой.

– И, как я уже сказала, приехал выбирать себе невесту один человек из деревни колдунов. Говорят, что и среди уродов колдовской деревни он отличался особым безобразием. Однако, он направился прямо к дому, где была красивейшая девушка всей деревни. Про нее давно говорили, что подобной красоты невозможно отыскать во всем мире. Люди воды не знали зависти, и про все говорили открыто. Вот и прошел слух о ней из конца в конец окрестных земель, и дошел до ушей жителей колдовской деревни.

– И пришел человек из деревни колдунов в дом красавицы и попросил у ее матери ее руку. Однако при взгляде на него мать девушки пришли в ужас. Она за свою жизнь не видела таких уродов. Однако в вежливых фразах она объяснила ему, что девушка еще молода и ей рано выходить замуж. Вот следующей весной она будет совершеннолетней, и тогда можно будет говорить о замужестве. Но, сказала она, без согласия самих девушек такие дела не решаются. В это время в дом вошла и сама девушка. Человек из колдовской деревни просто онемел – до чего она была хороша. Он обратился к девушке со своим предложением. Она, с трудом удерживаясь, от чувства отвращения, которое вызывал тот человек, однако также вежливо, но твердо дала ему отказ. А на его замечание о том, что он приедет следующей весной, когда она станет совершеннолетней, свататься снова, она заметила, что это будет зря потраченное время.

– Он никуда не уехал из деревни и поселился на отшибе, неподалеку от нее. И до следующей весны то где-то пропадал на многие дни, то неотступно следовал за красавицей. Она же не обращала на него никакого внимания. А незадолго до ее совершеннолетия к ней посватался красивый молодой человек из семьи правителя этих земель. После их часто можно было видеть вместе, а издали за ними наблюдали глаза уроды, становившиеся все злее и злее.

– На день ее совершеннолетия была назначена и свадьба. На нее съехалась уйма народа.

Столы ломились от приготовленных кушаний, пиво, которое мастерски готовили местные умельцы, лилось рекой. В пире участвовали и взрослые и дети, которым накрыли разные столы. Все были очень рады за молодых. Ближе к вечеру, когда народ развеселился настолько, что перестал особо смотреть за детьми, предоставив их самим себе, к детским столам подошел уродливый человек, который долго жил неподалеку от деревни и к которому они уже привыкли, и спросил, не желают ли они не только увидеть удивительные места, в которых они никогда еще не были, но и получить при этом в подарок красивые камешки. И он протянул детям несколько красивых красных, синих и зеленых камешков. Только, предупредил он, идти за ним надо тихо и незаметно, а то родители не отпустят.

– Надо сказать, что понятия дня и ночи сильно отличались там от тех, что есть здесь. На глубину, где находились деревни, лучи солнца почти не проникали. Там всегда было по твоим понятиям темно. Поэтому у нашего народа, в отличие от тебя, большие глаза. Но когда солнце скрывалось, вообще ничего не было видно. Это и была ночь.

– Детей было много, а камешков мало, и дети, тихонько выбравшись из-за столов, отправились за этим человеком. Он отвел их в сторону и усадил в большие повозки, которые рыбы быстро помчали куда-то вдаль. Дети не успели испугаться, как повозки оказались в большой пещере, стены которой составлены были из искрящихся разноцветных ка-

мешков. Здесь человек высадил детей из повозок и пешком повел за собой. Пещера поднималась все выше и выше, и еще много чудных необычных вещей видели они на пути. Там были и подземные реки, и необычные прозрачные сосульки, свисающие с потолка и поднимающиеся с пола, и многое другое. Затем человек вывел детей на поверхность земли у высоких деревьев. Стояла уже ясная лунная ночь.

– Дети, – обратился он к ним, – вам понравилось?

Он мог и не спрашивать, ибо карманы у всех были под завязку набиты красивыми камешками, и всем не терпелось рассмотреть их.

– А хотели бы вы, чтобы к вам сюда пришли и ваши родители?

Дети дружно радостно согласно закричали.

– Тогда двое из вас могут отправиться за ними со мной, – сказал человек, – расскажите родителям, что вы видели.

– Дорога вниз, к повозкам, не показалась детям длинной, и скоро они были уже у родной деревни, где встревоженные родители уже разыскивали их. Дети бросились к ним навстречу. Захлебываясь, они живописали то, что видели по дороге, про пещеры, цветные камешки и многое другое. Они схватили родителей за руки и потащили их к скромно стоявшему в стороне человеку.

– Это он все придумал, – радостно говорили они, перебивая друг друга, – и он может доставить всех вас туда же.

– Я приготовил скромный свадебный подарок, – объявил

человек, – и туда могут поехать все желающие. Однако, я бы хотел, чтобы невеста поехала туда раньше жениха. Она приготовит ему маленький подарок.

– Множество повозок с людьми тронулось в путь, и немного их вместе с женихом осталось в деревне ожидать, когда и за ними снова придут повозки. Большие рыбы быстро домчали свой груз до пещер. Дальше предстояло идти пешком. Люди охали и ахали, видя вокруг неопишную красоту, и когда очутились на поверхности земли, где к ним с радостными криками бросились и их дети, то все, очень довольные, повернулись к приведшему их человеку. Он же стоял позади у входа в большой колодец, по крутым ступенькам которого все выходили наружу, и из-под лба смотрел на людей сверкающими глазами.

– Вези сюда остальных гостей и моего мужа, – весело крикнула ему невеста.

– Я никого и никуда не повезу, – раздалось в ответ, – и вы никто не уйдете отсюда.

До людей не сразу дошел смысл того, что он сказал, но когда дошел, разговоры смолкли и все повернулись в сторону уродливого человека.

– Я не для того потратил уйму времени и сил, чтобы уйти отсюда с пустыми руками. А мне нужна только ты, – и он указал пальцем на невесту.

– В обмен на тебя я выпущу всех отсюда, – продолжал он.

– Люди бросились к уроду, стремясь схватить его, но он,

быстро спустившись по ступеням, бросился бежать по направлению к пещерам. Люди почти настигли его, когда он вбежал под своды пещеры, усеянной прозрачными камнями, свисающими сверху и поднимающимися снизу, и пробежал первый ряд их. И тотчас же нижние камни превратились в уродливых существ и набросились на преследующих урода людей. Первые, оказавшиеся на их пути, были безжалостно растерзаны. Люди в ужасе кинулись назад и выбежали из пещеры. Когда самые смелые снова заглянули в нее, то увидели, что у входа лежало несколько растерзанных тел, уродливые существа снова стали камнями, мирно расположенными на полу, а немного в глубине лежало растерзанное тело самого колдуна. Получив отказ от приглянувшейся девушки, своим колдовством он долгое время готовил пещеру и каменных уродов для того, чтобы похитить ее. Он правильно рассчитал, что, спасая детей, жители непременно отдадут ему красавицу, когда поймут, бросившись за ним, что выбраться отсюда сквозь строй каменных чудовищ невозможно. Но не учел, что сам также явится объектом для нападения порожденных им же чудовищных созданий, если окажется возле них. И сам пал первой их жертвой.

– Камень оживал, как только люди переходили границу, отделяющую пещеру от другого мира. Люди быстро поняли это, потеряв еще несколько человек в схватках с каменными исполинами. Им пришлось помимо своей воли приспособливаться к жизни в новых условиях. Бывшую невесту, так

неожиданно потерявшую жениха, однако, никто не обвинял в том, что случилось. Все понимали, что в этом нет ее вины и, наоборот, жалели ее.

– Уродливый колдун, готовя свое дело, окружил большую площадь поверхности земли туманом, сквозь который никто не мог пробраться. Отправившийся в него неизменно возвращался обратно. Долгое время люди жили очень трудно. Было мало еды. Ее и сейчас недостаточно. Многие погибли от голода и неизвестных болезней. Однако люди выжили. С течением времени они построили дома, деревня даже немного расширилась. Один из мужчин, оказавшийся здесь без жены, но с детьми, взял бывшую невесту в жены, и она приняла его детей, как своих. У них были и свои дети, потомками которых и являемся мы с Кавром. Здесь очень редко идут дожди. Источником воды является небольшой ручеек, от которого зависит жизнь деревни. Дома же нужны скорее для того, чтобы было где скрыться от яркого непереносимого солнечного света. Здесь бывает две поры года – одна из них засушливая, жаркая, другая более прохладная, с редким дождем. По их сменам люди и ведут исчисление времени. Кавр родился два с половиной десятка, а я два десятка дождливых сезонов назад.

– Изредка в деревню, заплутав в тумане, приходили странные люди, так же, как пришел и ты. Они не понимали нашего языка, но буквально сходили с ума, увидев камешки, которыми играют дети. Ты первый пришелец на моей памяти, на

кого камни не оказали влияния. Они набирали камни и пытались бежать. Но неизменно возвращались обратно, туда, откуда уходили. Им никто не препятствовал. Они набивали мешки разноцветными камешками, которых много за околицей – целые россыпи, и снова делали попытку за попыткой, пока не сходили с ума. Тогда они бросали камни и, обхватив головы, убегали в туман, чтобы никогда не вернуться обратно. Общаясь с ними, я и научилась говорить на вашем языке.

– Однако местные условия в корне отличались от тех, что были в нашей родной стихии. И это наложило свой отпечаток. Проклятый колдун что-то изменил в окружающем нас небольшом мире. Воздух земли крайне вреден людям воды. Никто не доживает до преклонных лет. Все уходит в пору расцвета. Женщины здесь живут не более, чем два – два с половиной десятка дождливых сезонов. Мне осталось всего несколько дождливых сезонов до той поры, пока... А мужчины... Вождь насколько старо выглядит, но ему всего не более сорока дождливых сезонов. И он протянет еще два-три сезона. И так все жители, мужчины. А про женщин ты уже знаешь.

– Люди много раз пытались пробиться сквозь каменных чудовищ, но всякий раз вынуждены были откатываться назад, теряя товарищей. Пытались подкапываться в попытках обойти пещеру с чудовищами стороной. Однако под слоем грунта повсюду здесь несокрушимый камень. И тогда старейшинами было принято решение прекратить попыт-

ки прорваться. Эти попытки унесли много народа. Деревня лишь на первый взгляд кажется многолюдной. На самом деле треть домов в ней пустует. Женщин осталось слишком мало, а срок их жизни невелик. Количество детей катастрофически уменьшается. Уже несколько поколений действует запрет. Нарушившего его ждет суровое наказание, вплоть до того, что его связанного бросают в пещеру, где чудовища убивают его. И старейшины, и мы все понимаем, для чего введен запрет. И даже вроде бы количество людей немного увеличилось. Однако, если приглядеться, очень многие из ныне живущих приближаются к своему пределу. Это сразу уменьшит население ниже всяких границ.

– Но также есть и еще одно немаловажное обстоятельство. Тот ручеек, питающий деревню водой. В позапрошлый и прошлый дождливые сезоны здесь не было ни одного дождя. Три сезона назад он был шириной в три шага. Сейчас еле достигает полшага. Мы не можем сделать запас воды, не имеем возможности. Если и в этот сезон не будет дождя, деревня вымрет страшной смертью.

Девушка замолчала. Кавр, не проронивший во время ее рассказа ни слова, глядел на бесстрастную луну, неспешно продолжающую свой путь по звездному небу.

Скандинав же думал о трагической судьбе народа, волей судьбы оказавшемся на краю гибели, о прекрасной Ильэ, случайно встреченной им на пути, чья судьба неотделима от судьбы ее народа, и о том, может ли он помочь им хотя бы

чем-нибудь.

Девушка же, вздохнув, продолжила:

– Сейчас деревня расколота на два лагеря. Предводителем одного из них, правящего, является Барг, вождь народа воды. Он очень осторожный и не желает, чтобы жители деревни погибали в то время, как население и без того стремительно сокращается. Он поддерживает запрет на допуск в пещеру каменных чудовищ. По его инициативе колодец, ведущий к пещере, закрыт и возле него стоит постоянный пост, никого под страхом смерти не подпускающий к нему. Предводителем другого, молодежного лагеря, является мой брат Кавр. Он хочет снова попробовать пробиться сквозь каменных чудовищ и попросить помощь с той стороны.

Кавр, услышав свое имя, повернул голову в ее сторону и что-то сказал ей. Она удивленно переспросила его, затем начала с ним спорить. Кавр отвечал так решительно, словно она говорила ему что-то, что он ни за что не мог выполнить.

– О чем он говорил? – спросил скандинав.

– Он сказал, что молодежь сегодня, сейчас, соберется, прорвет пост и уйдет в пещеры. Я собиралась идти с ними, но он категорически не пускает меня.

– Когда, говоришь, сейчас? – переспросил скандинав, вставая и разминая начавшие затекать от долгого сидения мышцы.

– Ну что ж, значит, пойдем сейчас! – добавил он, глядя на Кавра.

Ильэ, словно пружиной подбросило после его слов. Она вскочила, обвила руками скандинава и прижалась к нему.

– Не пущу! – кричала она, – они безумные, идут на верную смерть, а ты чужой здесь, тебе не надо погибать вместе с ними!

Из ее огромных влажных глаз сыпались слезы.

Кавр молча смотрел на них, понимающе качая головой, затем повернулся и пошел прочь.

Скандинав заглянул в ее глаза, на ресницах которых набухали новые слезинки.

– Ты же только что спорила с братом, хотела сама идти туда, – усмехнувшись, сказал он.

Он прижал ее к себе, затем резко отстранился и, не оглядываясь, в несколько шагов догнав Кавра, зашагал рядом с ним.

Девушка, оставшись одна, проводила их долгим взглядом, затем упала на колени и подняла лицо и руки вверх.

– Что мне делать? Кто скажет, что мне делать? – унесся в небо стон, исторгнутый девушкой, стоящей на коленях, простирающей руки в мольбе к звездам, – я вошла в лучшую пору жизни, и у меня появился мужчина! Мой мужчина! Он не такой, как все, большой, сильный, и это прекрасно! Он не такой, как все, он из другого, чуждого мне мира, и это ужасно! Если он погибнет, я умру вместе с ним! Если он победит, я тоже умру, оставшись здесь, с ним!

Это не мой мир, у меня не осталось срока жизни в нем!

Если я покину его и уйду в свой мир, куда нет ему доступа, то умру без его любви. Зачем мне тогда жить, для чего? Смерть со всех сторон окружила меня! Как мне жить дальше? Как поступить?

Но лишь холодная безмолвная луна была свидетельницей ее горя, и ей обычно доверяют не горести, а только тайны любви. И она никому не дает ответ, но сердечные тайны, доверенные ей, умеет хранить в совершенстве. Не зря влюбленные всех веков и народов обращали на нее свой взор. Как много можно было бы узнать, если бы луна хоть немного приоткрыла свои хранилища, куда она складывает сердечные тайны людей! Сколько прекрасных слов потоком излилось бы тогда на землю! Какие чудесные книги были бы написаны!..

25. Гибель Ильэ

Два десятка юношей, вооруженных заостренными кольями и грубыми топорами, сделанными из какого-то цветного камня, ожидали Кавра за деревней, в глубине финиковой рощи. Они оживились, когда увидели, что рядом с ним находится мощная фигура скандинава. Кавр что-то сказал ожидавшим его юношам, и они побежали, лавируя между деревьями. Что было легко прекрасно видящим при лунном свете людям воды, то вызывало затруднения у скандинава. Он попытался поддержать их быстрый темп, но быстро понял, что рискует вовсе остаться без глаз, и сбавил скорость. Сметливый Кавр, сообразив, в чем дело, дал команду сбавить скорость бега, а затем и вовсе перейти на шаг.

Вскоре под ногами что-то зашуршало и засверкало, и скандинав с удивлением увидел, что теперь дорога проходит по россыпям камней, игравших даже в лунном свете, словно они были драгоценными ограненными камнями. Он на ходу поднял несколько камешков. Пара из них была зеленого цвета, один темно-синего, который при недостатке освещения казался почти черным, и несколько красных. Теперь скандинаву стало понятно, отчего теряли голову забредшие сюда люди. Здесь под ногами были воистину несметные сокровища! Сам он также знал цену драгоценностям и в другое

время, возможно, также не устоял бы перед искушением. Но для него выполнение дела, за которое взялся, всегда стояло на первом месте, и скандинав без жалости отбросил камни в сторону.

Тем временем деревья раздвинулись, и группа молодых людей вышла на большую поляну. В середине ее находилось низкое, до пояса, большое и круглое, шагов в тридцать в поперечнике, деревянное строение. Перед ним стоял пост охраны – с десятков людей, выставивших вперед заостренные копья. Между ними и прибежавшими молодыми людьми возникла перепалка. Один из молодых людей бросился было вперед, но еле успел увернуться от удара острием копья, который нанес один из сторожей.

Видя, что обе стороны настроены решительно, скандинав вышел вперед. Сторожа, увидев его, подались назад, однако один из них все же попытался нанести удар копьем. В воздухе мелькнула сталь кинжала, и отрубленный конец копья отлетел в сторону. Сразу же наступила тишина. Кто-то из молодых людей поднял обрубок, рассмотрел его и, что-то восхищенно сказав, передал его следующему молодому человеку. Обрубок пошел по рукам. Сторожа, в свою очередь, также рассматривали обрубленное древко, время от времени поглядывая на кинжал, который скандинав тут же спрятал в ножны. После короткой паузы сторожа, обменявшись парой фраз, первыми подскочили к деревянному строению и налегали на стволы деревьев, как ручки выступающие у него с обе-

их сторон. К ним подскочили молодые люди и встали рядом. Обе группы перемешались и делали одно дело. Кавр восхищенно взглянул на скандинава – видимо, он ожидал серьезное сопротивление и никак не ожидал, что сторожа, уверовав в силу оружия и мощь скандинава, присоединится к его группе.

Тем временем, поддавшись объединенным усилиям трех десятков людей, деревянное строение, оказавшееся огромной тяжелой крышкой, по деревянным салазкам отъехало далеко назад, открыв круглую большую дырку в земле, вход в подземелье. Скандинав заглянул в отверстие.

Оно было верхней частью длинного широкого тоннеля, под наклоном уходящего в глубь земли. Вниз вели широкие достаточно удобные ступеньки. Кавр первым подошел к краю отверстия и начал спускаться вниз. За ним начали спуск все остальные. В тоннеле не было полной темноты. Свет луны, преломляясь в многочисленных цветных камнях, которыми были усеяны стены, позволял скандинаву достаточно хорошо видеть, и, видимо, не мешал и людям воды.

После продолжительного, но необременительного спуска наклонный тоннель стал горизонтальным. В нем также было достаточно освещения – камни по стенам его играли своим внутренним светом, получая его от луны по цепочке камней сверху. Здесь тоннель был еще шире, чем наклонный – шагов в двадцать, но по высоте раза в два ниже – шагов в десяток, не выше. И также весь выложен разноцветными камеш-

ками. Скандинав пожалел, что его глаза не в силах рассмотреть все его великолепие, ибо стены и потолок были выложены разными узорами цветных камней. Однако для него в сумраке подземелья практически все было серым, естественный цвет камней лишь угадывался по отдельным признакам. Он попробовал провести по стене концом кинжала. На стене не осталось даже царапины, а кончик кинжала заметно затупился.

Группа быстро продвигалась вперед. Скандинав заметил, что лица его спутников напряглись. Он выдвинулся было вперед, но Кавр, по-прежнему идущий впереди, что-то сказал идущим следом за ним людям, и скандинава решительно за одежду притормозили и ясно показали, чтобы он не высывался. Идти по тоннелю пришлось недолго. Вскоре Кавр остановился, а с ним остановились и все остальные. Скандинав хотел было протиснуться вперед, ему попытались воспрепятствовать сделать это, но он мощными руками отодвинул стоявших людей и, пройдя вперед, остановился рядом с Кавром. Все остальные по команде отошли немного назад. Спереди остались только они вдвоем.

Перед ними была пещера высотой такой же, как и коридор, в котором находились люди. В ней бы было совсем темно, если бы не одна особенность. С ее потолка свешивались вниз сталактиты, созданные из какого-то совершенно прозрачного материала, длиной в рост человека. И они светились переливающимся бело-лунным мягким светом. Их бы-

ло много, несколько десятков. Они были в беспорядке разбросаны по всему потолку широкой и длинной, шагов в полсотни глубиной, пещеры. А снизу вверх острые пики выставили сталагмиты из такого же материала. Они также светились во всем своем объеме так же, как и сталактиты.

В двух десятках шагов от входа в глубине пещеры на полу лежали разбросанные кости и черепа людей. Их было много, десятки, может быть, сотни. Многие из них были раздавлены, словно по ним ударили тяжелыми молотами. А далее, к другому концу зала, практически в шаге до отверстия тоннеля, входящего в пещеру с той ее стороны, за прозрачными святащимися внутренним светом сталагмитами лежали кости и череп, принадлежавшие до того одному человеку, тому, кто построил все это великолепие, но поселил в нем своих будущих убийц – уродливого колдуна. Ему единственному удалось пройти пещеру насквозь, но не хватило всего одного шага, чтобы выйти из нее живым.

Кавр сделал шаг вперед. Однако скандинав решительно схватил его за пояс и вернул назад. Прикрикнув на него, он указал ему на людей, которые стояли немного позади и подтолкнул его туда. Кавр видя, что скандинав настроен очень решительно, подчинился и сделал пару шагов назад. Он, как и сопровождающие его молодые люди, никогда не был в пещере и не знал, что здесь можно делать, а что нельзя. И, скорее всего, если бы он ранее попал сюда, то сегодня на его месте был бы кто-то другой, а его кости лежали бы спереди

впережку с костями других смельчаков. Отчаяние заставило его прийти сюда и страстное желание спасти свою сестру, срок жизни которой катастрофически таял, но так же и других людей. Однако он чувствовал в скандинаве то, что не было ни у кого из людей воды – неукротимую жажду жизни, силу духа и просто огромную физическую силу, которая напроць отсутствовала у него самого и у людей воды. Поэтому Кавр с легкостью подчинился молчаливому распоряжению скандинава, ставшего новым вожаком.

Тем временем скандинав сделал несколько осторожных шагов вперед. Ничего не случилось. И тогда он понял, что линия между жизнью и смертью проходит где-то по границе, с которой начинают лежать кости погибших людей воды. Первым делом скандинав твердо решил узнать, что за создания будут противодействовать им. Горячий Кавр здесь совершенно не годился. Люди воды не были воинами, он понял это в первый миг встречи с ними, взглянув на их вооружение и тела. Их можно было использовать только как отвлекающий отряд, не более. И сейчас ему приходилось рассчитывать только на себя.

Совершенно непонятно было, откуда берутся чудовища, про которые говорила Ильэ. И поэтому трудно было определить, откуда ожидать нападения. Понемногу скандинав подобрался практически к первым лежащим на полу костям. Обострившимися чувствами он вдруг понял, что следующее его движение может стать последним в его жизни, и резко

остановился. Он стал внимательно осматривать все вокруг, пытаясь понять, что заставило его ощутить опасность, и обнаружить, откуда исходит угроза. Все было по-прежнему, вроде бы ничего не изменилось в окружающем пространстве.

Изменилось! Он обнаружил едва заметное изменение, уловленное им скорее на уровне подсознания. Свешивающиеся с потолка сталактиты уже не переливались бело-лунным мягким светом, как тогда, когда они еще только приблизились к пещере. Он был по-прежнему бело-лунным, но не было в нем мягкости, возможно, добавились какие-то синеватые оттенки. Трудно сказать. Но он твердо знал, что сталактиты изменили цвет. Следовательно, оттуда, сверху, и исходит угроза.

Скандинав сделал шаг вперед, но вместо того, чтобы остановиться, оттолкнулся выставленной вперед ногой и отпрянул назад. Большие, в рост человека, безобразные чудовища, с головами, напоминающими жабы, с глазами навыкате, полными больших зубов широкими ртами, туловищем гиены, мощными верхними лапами с большими когтями и маленькими нижними, на которых они располагались наподобие того, как стоят люди, возникли буквально в шаге, пытаясь дотянуться до него кривыми когтями. Материалом, из которого были созданы их тела, был все тот же прозрачный камень, светившийся теперь светом, в котором преобладали синие лучи. Он рубанул по ближайшему чудовищу кинжалом. С таким же успехом можно было рубить скалу. Но в

следующее мгновение когтистая лапа все же ударила по его щеке, оставив на ней несколько начавших набухать кровью рубцов. Скандинав отпрянул назад, но нога его скользнула по оказавшейся мягкой почве, и он упал. Но упал не вперед, а, сгруппировавшись, назад, и откатился от бесновавшихся чудовищ, которые, однако, не смели перейти какую-то невидимую границу.

Кавр, увидев его падение, решил, что чудовища убили скандинава, и с отчаянием обреченного бросился вперед. За ним, размахивая копьями и топорами, побежали другие люди. Скандинав, быстро вскочив, отшвырнул Кавра и ближайших к нему людей назад. Но сбоку три человека все же попытались вступить в сражение с каменными порождениями, и теперь лежали, зажимая страшные раны, полученные от мимолетного столкновения с ними, а чудовища пытались прорвать незримую стену и дотянуться до них.

Скандинав, оттянув их подальше от чудовищ, угрожающе закричал на людей и заставил их отступить дальше от места схватки. На некоторых из них видны были следы, оставленные когтями каменных чудовищ – глубокие кровоточащие царапины и рваные раны. Люди подхватили раненых на руки и вынесли их в тоннель, где начали перевязывать раны.

Поднеся кулак к носу Кавра, этим недвусмысленным жестом дав понять, чтобы он не вздумал больше командовать, скандинав осторожно подступил поближе к пытавшимся дотянуться до него чудовищам и начал внимательно их рас-

смаатривать, стараясь отыскать у них в телах место, которое можно было бы поразить. Однако таких мест не оказалось. Он попытался найти тех, кого успел ударить кинжалом перед тем, как его сбили с ног. Но ни на одной твари не было даже царапины. Ситуация была такой же, как и несколько дней назад, когда вышедшие из ирака огромные каменные чудовища бежали через разгромленный лагерь, стремясь вернуться в породившую их стену. Ничем повредить им было нельзя, можно было только не попадаться на пути. Здесь же нужно было проникнуть через строй таких же неуязвимых чудовищ, что сделать было решительно невозможно.

Скандинав снова подобрался поближе к каменным чудовищам. Они угрожающе приподняли лапы. Только сейчас скандинав заметил, что висящие на потолке сталактиты так и остались висеть на месте, но на полу не осталось ни одного сталагмита – они все превратились в чудовищ, ожидавших у незримой черты.

Повинуясь внезапному наитию, он схватил небольшой цветной камень, выбитый им же из мягкой земли при падении, и с силой метнул его в ближайшую каменную фигуру. Камень, скользя по плечу чудовища, отлетел вверх и вонзился в одну из свисающих с потолка прозрачных сосуллек. Она рассыпалась, упав вниз множеством прозрачных камешков. Но одновременно с этим одна из каменных фигур также рассыпалась, превратившись в бесформенную грудку таких же прозрачных камешков. И тогда скандинав, не задумыва-

ясь, метнул второй камень в следующую прозрачную сосульку. И она рассыпалась на камешки, а вместе с ней и еще одно каменное страшилище.

Люди воды, столпившиеся в тоннеле у входа в пещеру, не верили своим глазам – только что рассыпалось одно чудовище, следом за ним второе! Поняв, что к чему, они ринулись вперед. И скоро град камней обрушился на большие прозрачные сосульки, висящие под потолком. Одна за другой рассыпались они на части, а вместе с ними разваливались и чудовища, порождения уroda-колдуна.

Разбить сталактиты оказалось не так то и просто. Требовалось попасть в них, бросив камень сильно и резко. Многие быстро запыхались, без устали, но и безрезультатно бросая камни. Рядом со скандинавом кто-то тяжело дышал, бросая их, но часто даже не попадая в каменные сосульки. Он глянул в сторону бросавшего. Это была Ильэ. Она заметила его взгляд и виновато улыбнулась, мол, я стараюсь, но у меня ничего не получается.

– Зачем ты здесь? – крикнул он ей, стараясь перекричать непрерывный грохот ударов бросаемых камней, – выйди в тоннель, мы сами управимся!

Она согласно кивнула головой, но, вместо того, чтобы уйти, приблизилась к нему еще ближе и с новой силой начала метать камни. Он махнул рукой и продолжил сбивать сосульки, рассудив, что теперь, когда тайна каменных чудовищ раскрыта, ей уже ничто не угрожает. Надо ли говорить, что

из всех бывших в пещере людей, только у него был бросок такой силы, чтобы разбить сталактит с одного удара, и что большую часть их уничтожил именно он?

Труднее всего оказалось попасть в самую дальнюю сосульку. До нее сложно было добросить. А люди уже устали. И тогда, воспользовавшись тем, что пещера была широкой, скандинав отправил людей подальше, к тоннелю, а впереди, кроме себя, оставил одного только сохранившего больше всех сил Кавра. Да еще Ильэ ни за что не захотела отодвигаться назад.

Скандинав и Кавр разошлись к противоположным стенам пещеры. Кавр делал шаг вперед, и единственное оставшееся каменное чудовище с грохотом мчалось в его сторону. В последний момент тот отпрыгивал назад, туда, где оно не могло его достать. Однако, пока Кавр отвлекал порождение колдуна на себя, скандинав делал стремительный бросок вперед, успевал метнуть один-два камня, и тут же убегал за линию досягаемости чудовища, которое, не догнав его, тут же снова мчалось перехватывать уже выдвигающегося вперед Кавра. Только где-то на пятый или шестой раз метко брошенный камень разнес и сталактит, и вместе с ним чудовище на мелкие кусочки.

Скандинав, тяжело дыша, остановился между несколькими кучками прозрачных камней, бывших когда-то висящими сосульками. К нему, сияя, бросилась Ильэ. Несколько человек умчались по тоннелю назад, сообщить жителям дерев-

ни, что путь к спасению свободен. Вокруг радостно прыгали люди отряда Кавра. Сам он взобрался на какую-то кучу камней и, размахивая неведомо откуда взявшимся топором, что-то горячо и быстро говорил. Вокруг него стали группироваться люди. И скандинав тоже направился к нему. Кавр, продолжая говорить, по-прежнему воинственно размахивал топором. Вдруг топор вырвался из его руки и, взметнувшись вверх, врезался в низкий потолок где-то над головой скандинава. Раздался хруст. Ильэ с разбегу толкнула скандинава в грудь настолько сильно, что он сделал шаг назад, но не удержался на ногах и упал, а на место, где он только что стоял, на котором находилась теперь она, с потолка рухнул огромный угловатый валун. Раньше на месте его удерживали каменные сосульки, связанные друг с другом силой колдовства. Теперь же ничто больше не удерживало его на месте, и он был готов упасть от любого внешнего импульса. И получил толчок от топора, так несчастливо вырвавшегося из руки Кавра. Своей тяжестью камень раздробил Ильэ плечо, раздавил часть груди и навалился на ноги.

Кавр вскрикнул и бросился к ней. Раньше его к ней подскочил скандинав, а затем и другие люди. Общими усилиями они попытались сдвинуть камень. Но он был настолько большим и тяжелым, что у них ничего не получилось. Ноги Ильэ внизу, под камнем, были раздавлены его тяжестью. Мучения время от времени передергивали ее лицо, когда людям удалось хоть немного сдвинуть камень с места.

Откинуть его можно было только с помощью бревен, используемых как рычаги. Это быстро поняли все, и несколько человек убежали в тоннель, чтобы найти их.

Люди столпились вокруг лежащей на полу с закрытыми глазами Ильэ. Под голову ей подложили сложенную куртку. Кавр стоял над ней и слезы катились по его лицу.

Но вот она открыла глаза и обвела взглядом окружающих ее людей. Скандинав опустился рядом с ней на колени и взял ее за уцелевшую руку. Ее лицо вдруг стало удивительно спокойным, и она негромко заговорила, делая длинные паузы:

– Женщины моего народа сами выбирают своих мужчин. Один раз – и навсегда... Я полюбила тебя с первого взгляда – и на всю оставшуюся жизнь. Не твоя вина, что всему лучшему периоду жизни отпущено было лишь два дня – вчерашний и сегодняшний. Но они были, и никто никогда не сможет отнять их у меня...

– Мне ни с кем и никогда не было так хорошо, как с тобой вчера. Я, хотя бы и перед смертью, узнала, что такое любить, любить так, как в вашем мире, счастье, никогда прежде не доступное никому в нашем мире... Ты дал мне почувствовать тепло, то, что никто из моего народа никогда не знал и никогда уже не узнает, ибо он уходит обратно в воду, свою стихию, туда, где родились его предки и куда мой народ должен вернуться. А вода всегда прохладна... Я и теперь чувствую тепло твоей руки. Оно придает мне силы на то, чтобы сказать тебе все это...

– Я не успела ни сказать тебе о своей любви, ни станцевать для тебя танец признания. Он много значит в нашем мире, но может ничего не значить в твоём. Возможно, ты бы отверг меня, ведь ваш мир иной. Или принял бы. Не знаю... Я стояла бы перед страшным ожиданием твоего выбора. Но судьба сжалилась надо мной. И послала камень...

– Эта глыба решила за меня то, что я не сумела сделать сама. Я не могла оставить тебя и уйти с моим народом – я бы умерла там без тебя. Я навсегда осталась бы здесь, в этом мире, с тобой. Но срок жизни для нас, женщин водяных людей, в вашем мире крайне невелик. И здесь меня также ожидала бы смерть... Камень сделал выбор за меня. И срок моей жизни закончится через несколько мгновений...

– Молчи, не мешай мне, я чувствую, знаю это, и хочу успеть высказать тебе все до конца... Ты подарил народу воды долгую жизнь, а мне высшую ценность, которую никто никогда не в силах будет отнять – знание истинной любви. Возьми мой прощальный подарок. Один раз в жизни женщина моего народа может сделать такой подарок своему мужчине. Ты мой единственный мужчина и навсегда останешься им для меня...

Она положила его руку себе на грудь, и он ощутил нечто вроде медальона, висящего на шнурке у нее на шее. Скандинав осторожно снял его. Тонкий плоский прозрачный камень висел на шнурке, пропущенном в небольшие отверстия в его двух углах. Он повесил его себе на шею.

– Если тебе потребуется помощь народа воды – просто брось его в воду. Весь народ воды явится, чтобы помочь тебе. В этом и заключается великий смысл подарка – женщина может помочь своему мужчине в самый трудный момент его жизни силами всего народа. Правда, помощь такая может придти только один раз в жизни. И большинство мужчин у нас так никогда и не воспользовались подарком, – слабо улыбнулась она и закрыла глаза.

Ильэ говорила все тише. И ему теперь приходилось наклоняться к ее губам, чтобы разобрать то, что она хотела сказать. Изредка изо угла рта ее показывалась струйка крови, и тогда она замолкала, справляясь с собой. Мертвая тишина царила вокруг. Люди стояли молча, никто не произнес ни звука. Внезапно она снова открыла глаза.

– И последнее, важное для тебя. Мой народ уйдет к себе, и здесь завтра будет большая вода. Но ты успеешь перейти напрямую, если поспешишь. Прощай, мой единственный!

Слова, произносимые ею, до дна выпили весь оставшийся запас жизненных сил. Голова ее откинулась назад и в огромных глазах, которыми она, не отрываясь смотрела на него, медленно угасло внутреннее свечение. Он выпустил ее руку и поднялся на ноги.

В тоннеле раздался шум, и сюда подбежали люди, несущие большие толстые бревна. А следом за ними стали один за другим прибегать и другие жители деревни. Вскоре вся деревня, включая и детей, собралась у тела Ильэ, которое с

помощью бревен, орудуя ими как рычагами, освободили от тяжести валуна.

Кавр, завернув ее тело в ткань, поднял его и направился в широкий тоннель, к которому теперь можно было безопасно пройти. Тоннель привел к еще одной пещере, половину пола которой занимала вода. Кавр положил тело Ильэ у воды и отошел в сторону. Скандинава легонько подтолкнули вперед, подсказывая, что пришел его час прощаться с ней. Он взял ее очень легкое тело на руки и осторожно, стараясь не плеснуть, погрузил его в воду. Оно медленно скрылось в глубине. Один за другим к скандинаву подходили люди, обнимали и прижимались к нему. Затем они направлялись к воде и погружались в нее вместе с детьми. Они тоже медленно уходили на глубину, и их тела на его глазах изменялись – они еще больше вытягивались в длину, превращаясь в нечто, напоминающее то ли ветвистое дерево, то ли корни какого-то растения, и исчезали в пучине.

Последними к скандинаву подошли Барг и Кавр. Они также обняли его и, взявшись за руки, ушли в глубину, изменяя свой человеческий облик. Деревня опустела. Народ воды вернулся в свою стихию, унеся с собой ту, что любила его больше собственной жизни.

Скандинав, немного постояв, направился было к выходу, но журчание сзади заставило его оглянуться. Вода начала понемногу подниматься в озерце, заливая пол позади него. И тогда до него дошел смысл прощальных сказанных ею слов –

вода поднимется и затопит деревню, скрыв ее от постороннего взгляда. Ильэ, умирая, думала о том, как спасти его...

Скандинав понимал, что это счастье – встретить такую любовь на жизненном пути. Любовь, отдающую всю себя без остатка. И пусть счастье продлилось всего несколько дней, оно все же было в его жизни. И он понимал, что и в дальнейшем будет искать такую же любовь, огромную, всепоглощающую, такую, чтоб погрузиться в нее с головой и отдать всего себя, так, как это сделала Ильэ, девушка народа воды...

Солнце уже всходило над горизонтом. Скандинав быстро вышел из тоннеля вверх, не оглядываясь, пересек деревню и направился в близкую на глазах тающую полосу тумана.

Когда он, помятый, с кровавыми полосами на щеке, вышел из тумана, караван был еще на месте и никуда не ушел.

– Значит, искали и надеялись, что найдут меня, потому и не ушли, – подумал скандинав и быстро направился к шатру.

– Да что с тобой? Ты что, упал где-то в тумане? – удивленно воскликнул стоявший рядом с шатром Набонасар.

Скандинава словно обухом ударили.

– А долго я отсутствовал? – спросил он.

– Нисколько, – удивившись его словам, ответил Набонасар, – ты только что зашел в туман и сразу же вышел из него. Однако вид у тебя такой, словно ты где-то бродил дня три, не меньше.

Скандинав, отвернувшись, смотрел вдаль невидящими глазами. Где-то там, за туманом, в котором время текло со-

вершенно по другому, осталась деревня людей воды, где он прожил долгих несколько дней, встретив чудесную девушку, единственную на земле, и тут же потеряв ее. Здесь же прошел всего один миг...

– Ты что, заболел? – участливо спросил его Набонасар, – на тебе лица нет!

– Поднимай караван, – не глядя на него, сказал скандинав, – у нас мало времени. Надо успеть уйти отсюда.

Услышав последнюю фразу, из шатра выглянул Хутрап. Бросив взгляд на скандинава, он понял, что тот неспроста отдает такую команду.

– Ты что-то знаешь, что не знаем мы? – спросил он.

– Завтра здесь будет озеро, – ответил тот, – нам надо успеть уйти. Времени на завтрак и отдых нет.

Хутрап кивнул Набонасару, и лагерь быстро пришел в движение. Тем временем туман растаял, испаренный начавшим пригревать солнцем. А вскоре вереницы верблюдов и лошадей отправились в путь, ведомые скандинавом, то и дело поглядывающим на открывающуюся далеко сбоку на горизонте группу деревьев.

За день не было сделано ни одной остановки. Скандинав отмалчивался, когда его просили рассказать, откуда он знает про озеро и откуда у него появились свежие шрамы на лице, похожие на след огромных когтей, присущих скорее льву. Но ведь львы здесь не живут.

Солнце начало клониться к закату, когда откуда-то сбоку

стал нарастать низкий гул. Он постепенно заполнил собой воздух, окреп, и вдруг разорвался раскатами грома. А в том месте, где виднелись деревья, высоко вверх взметнулся толстый водяной столб, заметный даже на большом расстоянии, на котором находился караван. Он бил, не переставая. Поток воды поднимались вверх и низвергались на землю. А на небе висела красивая радуга, крайне редко виданная в этих краях.

Лишь когда караван преодолел первые встречные холмы, скандинав прекратил дневную гонку и остановил его на ночлег. Ночью сторожевые посты слышали только гудение бьющего вверх водяного столба. Ближе к утру гул стих. И утром же, едва начало светать, один из караульных примчался к шатру с сообщением. Все вскочили и бросились к ближайшему посту.

Там, где вчера прошел караван, сегодня водой была покрыта большая площадь. На месте естественной впадины образовалось озеро.

...Вода быстро нашла выход, в одном месте прорвала естественную дамбу и, извиваясь меж холмов, устремилась по сделанному ею же руслу, став еще одним правым притоком Тигра. Через некоторое время русло стало глубже, и значительная часть воды из озера ушла. Оно существенно уменьшилось в размерах. Но существует и в наши дни. И, возможно, когда-нибудь кто-то смелый опустится в глубину и там обнаружит и россыпи драгоценных камней, и вход в тоннель

и пещеры. И, преодолев их, сможет познакомиться со странным народом, называющим себя людьми воды и живущим глубоко в ее толще. И от него узнать правдивую историю любви девушки их народа и сына земли, ставшую легендой и передающуюся из поколение в поколение...

26. Ларак

Вечером у костра скандинав рассказал о своей встрече с народом воды. Все присутствующие с интересом рассматривали медальон, прощальный подарок Ильэ, передавая его из рук в руки. Однако, едва Энинрис хотела взять его, то вскрикнула и отдернула руку. А у нее на пальце, которым она коснулась медальона, моментально вздулся волдырь, как от ожога. Медальон снова внимательно обследовали, но ничего такого, что могло бы причинить такую травму, не обнаружили.

– Мне показалось, что внизу под ним была пчела, – сказала Энинрис, – видимо, это она ужалила и тут же улетела.

С ней согласились и утвердительно закивали головами, хотя обладавший острым зрением и все замечающий Шамши и готов был поклясться, что никакой пчелы там не было. Раздраженная Энинрис так зло посмотрела на него, что он замолчал и отошел в сторону.

Конечно, скандинав рассказал далеко не все, умолчав про некоторые детали своего нахождения в тумане, касающегося лично его. Однако его рассказ был выслушан и воспринят присутствующими, как некая чудесная сказка. Все в нем было настолько нереально, что поверить в то, что это все было на самом деле, можно было с огромным трудом. И если бы

ни столб воды, давший жизнь озеру, ни откуда-то взявшийся медальон на шнуре из материала, который не делают на земле, и ни странный вид самого скандинава, вошедшего в туман чисто выбритым, а через считанные мгновения вышедшего из него с трехдневной щетиной, то никто бы не поверил в реальность происшедших с ним событий.

Весь следующий день караван двигался на восток с некоторым отклонением к северу. Впереди лежала еще одна священная река – Тигр. Русло ее было раза в три-четыре уже, чем у Евфрата, зато скорость течения в два раза больше, и в связи с этим переправа хотя и существенно уменьшившегося по сравнению с первоначальным, но все еще громоздкого каравана была делом не из легких. Путь лежал в сторону небольшого города Ларака, расположенного на правом берегу Тигра. Там Хутрап намеревался осуществить переправу, чтобы затем через несколько переходов выйти к подножию гор, границе с Эламом.

Неподалеку от города, пока еще скрытого от глаз невысокими холмами, каравану встретился чабан, пасущий на их склонах отару овец. Опираясь на толстую палку с загнутым концом, с обветренным морщинистым лицом, он спокойно смотрел на проходящих мимо людей и верблюдов.

Хутрап, Набонасар и скандинав подъехали к нему и остановились рядом.

– И вам где-то досталось? – кивнул старик головой на проходящих мимо солдат, некоторые из которых белели повяз-

ками после дорожных схваток и приключений.

– Почему ты сказал «и вам»? – сразу же насторожился скандинав, – что, здесь кого-то тоже ранили?

– Вы направляетесь в Ларак? – вопросом на вопрос ответил старик, и после утвердительного кивка Хутрапа, угадав в нем самого главного, обращался уже к нему.

– Ваш караван не похож на обычный торговый, – сказал он.

Подъехавшие к нему всадники переглянулись.

– Как ты угадал, старик? – спросил Набонасар.

– Что тут угадывать? – усмехнулся чабан, – слишком много солдат и мало груза для продажи. Я немало повидал караванов на своем веку, и ходил с ними не раз. И теперь вижу красавцев-коней, достойных ходить разве что под царским седлом. Следовательно, вы послы, и везете подарки какому-то из царей. И на вашем месте я бы обошел Ларак стороной.

– Это почему, ну-ка, поясни! – потребовал Хутрап.

– Два дня назад был я в городе, отвозил туда сыр на продажу. Чудные дела творятся там. Правитель города закрылся в своем дворце и носа оттуда не кажет. На улицах происходят постоянные стычки. Городская стража не вмешивается, охраняет сама себя. Кто с кем дерется и за что – я не понял. Вот только находиться там опасно – голову потерять там легче, чем купить шапку, чтобы покрыть ее. Я едва сумел продать сыр, а деньги у меня отобрали на выходе из города. Хо-

рошо, что я догадался взять с собой только небольшую часть, а все остальное оставил у сына. Он живет в городе.

– А чем сын занимается? – спросил Набонасар.

– У него в городе семья, он плотник, строит корабли для купцов, которые сплавляются вниз по реке.

– И что, находятся такие смельчаки? – удивился Набонасар, ведь там Лагаш на реке стоит.

– Во всяком случае, без работы пока не оставался.

– Послушай, старик, – обратился к нему Хутрап, тебя нам сама богиня Пиненкир послала! Видишь ли, мы идем далеко, в Элам, везем подарки царю. Ты это правильно подметил. Мне надо переправить караван на другую сторону Тигра. Не мог бы твой сын помочь в этом? Я заплачу и тебе за труды, если ты сведешь меня с ним, и его не обижу.

– Можно то это можно, – почесывая затылок, сказал старик, – вот только я же сказал, что ныне дело это небезопасное...

– Вот, возьми задаток, – Хутрап бросил старику слиток, который тот поймал и даже попробовал на зуб, – в городе получишь еще два таких. А поведешь всего двоих, меня и вон того молодца, – и Хутрап указал на скандинава, – по рукам?

– Ну, ладно, – вздохнул чабан, – уговорил. Не ты уговорил, а твои слитки. Так и быть.

Он повернулся к холму и крикнул что-то. Тут же прибежал мальчишка лет десяти.

– Внучок мой, – с гордостью сказал чабан, – понятливый,

придет время, заменит меня. Он с отарой побудет, пока я вас в город сопровожу.

Он сказал мальчишке несколько фраз, которых то внимательно выслушал.

– Ну, с этим все, – подытожил старик, – я готов. А вот ты нет, – он обратился к Хутрапу, – уж больно ты приметный в своей одежде.

И действительно, Хутрап был в дорогой расшитой золотом рубашке, подпоясанной таким же расшитым поясом, на котором висел его меч с толстой рукояткой и огромным драгоценным камнем в ее конце.

Хутрап быстро здесь же переделся в простую дорожную рубашку. И меч свой заменил более коротким кинжалом, скрыв его под длинной наброшенной сверху безрукавкой.

– Неизвестно, сколько мы в городе пробудем, – сказал он Набонасару, – во всяком случае, готовь ночевку здесь. Но внимание к себе старайся не привлекать. Пока светло, огонь не разводи – дым будет виден. Ночью же вас скроют холмы.

– Я понял, все сделаю, не беспокойся, – Набонасар кивнул головой и добавил, – может, возьмешь с собой жрецов? Кто знает, что там творится...

– И меня возьмите, – подобралась с другого боку Энинрис, – никогда в городе не была, так интересно!

– Еще чего! – возмутился Хутрап, – тебя там только не хватало! Да и опасно это может быть.

– А что, в этом что-то есть, – заметил Набонасар, – старик

везет в город выдавать замуж внучку в сопровождении родственников. Почему бы и нет?

– Тоже мне, выдавать замуж! – презрительно фыркнула Энинрис.

Однако щеки ее зарделись маковым цветом.

– Ишь ты, не понравилось! – сдержанно засмеялся Хутрап, – однако, почему краснеешь? Ну, не обижайся, я пошутил. Ладно, берем и тебя с собой. И твоих молодых людей. Сама скажи им, чтобы собирались.

Энинрис по-детски захлопала в ладоши и вприпрыжку побежала к молодым жрецам, все это время остававшимся рядом с верблюдами.

Улыбаясь, присутствующие смотрели ей вслед.

– Молодая еще, однако глаза какие-то взрослые, – сказал старик, – как будто большую жизнь прожила.

– Ей крепко досталось, – заметил Набонасар, – семья погибла, она единственная спаслась.

– Да, такое нынче время, – согласился старик, – ты думаешь, он молодой, а он уже видел то, что другому за всю жизнь не углядеть, ты думаешь, что он старей, а это его жизнь так побила, согнула и потрепала...

А Энинрис уже вела сюда молодых жрецов, одетых в серую простую дорожную длинную одежду, готовых броситься вслед за ней в огонь и в воду. Ни мечей, ни кинжалов у жрецов не было видно.

По знаку Хутрапа старику подвели коня, на которого он

довольно легко взобрался и тронул поводья. И небольшая группа направилась в сторону города.

Старик уверенно держался в седле. Так же уверенно держалась в седле Энинрис. Остальные были воинами, и к седлу им было не привыкать. И молодые жрецы теперь уже твердо сидели на конях. Кони шли ходко, и за грядой холмов впереди показались стены города, вокруг которых в беспорядке набросаны были кучки финиковых пальм. Вскоре всадники выехали на укатанную дорогу, ведущую одним концом куда-то в степь за холмы, а другим упирающуюся в городские ворота. По сторонам дороги находились распаханые и засеянные поля. На некоторых из них работали люди. Они опасливо посматривали на проезжающих мимо всадников, готовые или убежать, или защищаться. Однако, завидев среди всадников девушку, успокаивались, понимая, что это не какая-нибудь выехавшая грабить шайка бандитов. Изредка встречались отдельные строения, располагающиеся в центре групп из двух-трех десятков все тех же финиковых пальм.

Городские ворота были широко раскрыты. Однако интенсивного движения через них не наблюдалось. Пока группа всадников приближалась к ним, лишь несколько человек, ведущих овец, прошли в город, да несколько вышли из него.

– Обычно в воротах стоят сборщики налогов, которым платишь за разрешение на вход в город, а если принес что-либо на продажу, то берут налог за разрешение торговать на площади, – пояснил старик, – за разрешение на торговлю

можно заплатить и на самой площади, но это стоит дороже, чем когда платишь при входе в город. Уж не знаю, почему это так ввели. Однако сейчас в воротах никого нет...

И действительно, вход в город был свободным. никто не задержал въехавших, никто ничего не спросил. Старик уверенно ехал впереди, лавируя по узким улицам города, и вывел к большой и совершенно пустой пристани.

– Там, дальше, – указал он рукой, – течет Тигр. А это на этом месте было небольшое озерцо, соединенное с рекой протокой. Вокруг озерца и стали селиться люди. Так возник город. А стены вокруг него появились не так давно, десятка два зим тому назад. Они и сейчас достраиваются, те, что прикрывают выход из протоки в реку. В озере вода чистая, а в Тигре мутная, желтая, несет песок и ил. Как цвет воды поменялся – все, ты уже в реке. И скорость течения большая, пешком не догонишь...

– А вон и дом сына – он показал на большой дом на два уровня, стоявший в ряду других таких же домов, едва только они свернули в одну из узких городских улиц неподалеку от порта.

Старик забарабанил по крепким большим воротам. Вскоре из-за них послышались шаги и чей-то голос спросил:

– Кого это принесло, на ночь глядя?

– Это ты, Ухуб? Что, родного отца пускать не хочешь?

Послышался лязг отпираемого запора, и одна створка ворот широко распахнулась. В проеме стоял крепкий высо-

кий мужчина зим сорока от роду. В одной руке он держал длинный нож, в другой копье. В глубине двора настороженно ждали еще несколько вооруженных человек.

– Это ты, отец? Что тебя принесло в тревожное время? – спросил он, оглядывая приехавших с отцом всадников и задержавши взгляд на Энинрис, – и где ты раздобыл такую красавицу?

– Ухуб! – раздался из двери дома предостерегающий женский голос, – нечего на красавиц заглядываться!

Ухуб развел руками, а приехавшие вместе с его отцом покатались со смеху.

В дверях стояла опрятно одетая женщина, дородная, с властным лицом.

– Жена, – пояснил его отец, – не дает ему спуску...

– Сначала гостейпусти, затем задавай вопросы, – снова послышался властный голос.

– И вправду, чего это я, – сконфуженно сказал Ухуб.

Он посторонился, пропуская всадников во двор, затем закрыл окованные бронзовыми полосами ворота и замкнул их на крепкий запор. Находящиеся во дворе люди убрали оружие и разошлись по своим делам, не особо интересуясь приехавшими гостями. Лишь двое слуг подошли к ним и, приняв лошадей, повели в расположенную здесь же, в другом конце большого двора, конюшню.

– Кто это с тобой? – спросил Ухуб отца.

– Узнаешь, все узнаешь. Пошли в дом, – ответил старик,

и вслед за сделавшим приглашающий жест рукой сыном все направились к дому.

Жена Ухуба тут же завладела Энинрис и увела ее на женскую половину дома, чтобы там расспросить о том, что встретилось по дороге. Однако вскоре они – одна как гостья, вторая как хозяйка – уже сидели вместе со всеми.

А мужчины сразу устроились за большим столом, на котором выросла гора всевозможной снеди, подаваемой двумя разбитными служанками. Судя по всему, сын старика чабана был не из бедного сословия. Да он и сам не скрывал этого.

– Я ему не раз говорил – перебирайся ко мне в город, – рассказывал Ухуб про своего отца, – а он все никак не соберется.

– А кто пасти отару будет? – не сдавался старик, – и внук при деле, пасти помогает.

Судя по всему, этот вопрос ставился доме постоянно. Каждый придерживался своего мнения, и полемика велась с переменным успехом. Во всяком случае, старик был пока при своей отаре, не сдаваясь сыну, тянущему его в город. Да и сын особо не настаивал. Он встревожился лишь, когда узнал, что у отца отобрали деньги, которые он оставил при себе, уходя от сына в прошлое свое посещение.

– Да, неладно стало всего дней десять назад, – начал рассказывать Ухуб, – вдруг начали исчезать купцы, а в город понаехали какие-то молодцы непонятного происхождения. Ходили по городу группами, что-то высматривали. Был слу-

чай, когда задрались с местными, так у каждого в руках меч оказался. Их становилось все больше и больше. Ты был здесь дней пять назад? – спросил он у старика, – точно, так и есть, а вечером за день до этого они сцепились с городской стражей, вздумавшей проверять повозки, которые для них что-то привезли. Была большая рубка, убили с десятков стражников. Ты был на завтра после этого, а еще через день эти прибывшие уже в открытую ходили с мечами и искали повод сцепиться со стражниками. Тогда те ушли в казармы, и уже сколько дней оттуда носа не кажут. Правитель города закрылся у себя в укрепленном дворце и тоже сидит тихо, словно ждет чего-то. Ты говоришь, в воротах нет никого? – спросил он отца, – вчера они же своих стражников поставили было и сами налоги со входящих собирать начали. А сегодня их уже нет. Странно все это.

– Мы ведь не просто так к тебе приехали, а по делу, – когда все насытились и стол был убран, начал деловой разговор Хутрап, – твой отец сказал, что ты строишь корабли.

– Во всяком случае, участвую в строительстве, – осторожно ушел от прямого ответа Ухуб, – а что, вам надо корабль?

– Мне надо переправить на другой берег Тигра караван, не особенно привлекая к этому внимание. Поэтому я и не обращаюсь к правителю города.

– А к нему сейчас бесполезно обращаться, – усмехнулся Ухуб, – он нынче в городе ничего не решает.

– А кто решает?

– А кто его знает... Во всяком случае, не правитель. Может быть, эти, пришлые. Хотя и не больно похоже, чтобы они к власти рвались. Как-то быстро все получилось, два дня – и практически безвластие. Однако, и правитель пока на месте. Одним словом – непонятки. Нам-то что делать, жителям города, в какую сторону клониться? Никто ничего не знает... А караван-то большой?

– Не маленький, – ответил Хутрап, – людей человек сотни полторы, десятка четыре верблюдов да столько же лошадей. Я заплачú, не обижу. Да, кстати...

Он достал три слитка и положил перед стариком:

– Это то, что я оставался должен.

Старик удовлетворенно кивнул, забрал их и засунул куда-то себе в пояс.

– Я подумаю, – сказал Ухуб, встал из-за стола и ушел куда-то на женскую половину.

За ним последовал его отец. Вскоре вышла жена Ухуба и пригласила к себе Энинрис, затем сам старик позвал молодых жрецов и скандинава выйти к лошадям, а когда Хутрап остался в комнате один, к нему вышел Ухуб и опустился на табурет напротив него.

– Надо переговорить один на один, – сказал он.

– То-то я смотрю, что моих людей растащили по сторонам, – усмехнулся Хутрап, – и понимаю, что это неспроста.

– Ты видел, в порту нет ни одного корабля. Эти пришлые закрыли порт и угнали куда-то все корабли, которые сами не

успели уйти. Никому не дают переправляться на тот берег. Приходится опасаться. А мне кажется, как, кстати, и моей жене, что кое-кого из твоей свиты мы здесь уже видели. Поэтому я и хотел переговорить с тобой так, чтобы это не дошло ни до чьих ушей.

– Кого вы видели? – насторожился Хутрап, – несколько лун назад только я здесь переправлялся через Тигр с того берега на этот. Никто из них здесь никогда не бывал. Так кого вы видели?

– Конечно, это выглядит странно, – замялся Ухуб, – но если переодеть и нарисовать твою девушку, то она очень похожа на ту, что была здесь поллуны назад. И жене моей так же показалось. Она приезжала на верфь с правителем города, он ей что-то рассказывал.

– Мы ее вытащили из горящего дома вдали отсюда, вся ее семья погибла, она чудом уцелела, – ответил Хутрап, – так что видеть ее ты никак не мог. А мало ли похожих людей на свете?

– Понимаю, – согласился Ухуб, – значит, так. Есть корабли, спрятаны неподалеку от города. Они надежны, подготовлены для плавания в быстрой реке. Мы их строили для морского плавания, так что для твоих целей вполне подойдут. Южнее города, там, где холмы подходят к самому берегу, выделяется из них самый высокий холм, а вдоль берега расположены обширные заросли тростника. В нем есть проход к реке и затон, где спрятаны корабли. Вам надо переместиться

туда. И цена большой не будет.

– Хорошо, тогда затягивать это дело не будем. Утром мы обогнем город стороной и где-нибудь к полдню выйдем на место.

– Договорились. Там вас встретят и проводят к кораблям.

Ухуб разлил в кружки вино, кувшин которого стоял на столе, и протянул одну из них Хутрапу. Они разом пригубили вино, закрепляя сделку. Тем временем в комнату вернулись жрецы со скандинавом. Сюда же вышла и Энинрис в наброшенной на плечи подаренной женой Ухуба накидке, и присутствующие отметили, что в ней она выглядит еще краше.

– Пока светло, я бы все-таки хотел попасть к правителю города, расспросить его, что к чему, – сказал Хутрап, обращаясь к Ухубу, – а дела мы отложим на завтра.

– Это можно, – ответил тот, – идти недалеко, вот только передвигаться по улицам ныне небезопасно...

– Ничего, – усмехнулся Хутрап, – с такой охраной, как у меня, не страшно.

Ухуб только пожал плечами.

Однако жизнь заставила внести коррективы в планы Хутрапа.

27. Переговоры с правителем Ларака

Оставив в доме Энинрис, у которой в конце концов разболелась голова, судя по всему, от местного вина (не самого лучшего качества, как отметил про себя Хутрап), под охраной преданного ей Шамши, небольшая группа, состоящая из самого Хутрапа, сопровождаемого скандинавом и Бурной, ведомая Ухубом, отправилась по улицам города в направлении укрепленного дворца его правителя. Несколько раз им навстречу попадались группы мужчин явно не местного происхождения, на что указывала их одежда и вооружение, однако вид четырех идущих навстречу горожан не вызывал у них желание подходить к ним поближе, ибо гигант скандинав и в одиночку тяжелым не обещавшим добра взглядом мог бы разогнать эти группы. Без приключений добравшись до ворот в стене, окружавшей дворец правителя города, Хутрап постучал во врезанную в них дверь. Небольшое забранное частой решеткой прямоугольное окошко в двери открылось и оттуда на стоящих перед дверью людей уставилось чье-то грозное лицо.

– Что стучите? – спросил стоящий по ту сторону ворот человек, – правитель отдыхает, велел не беспокоить!

– Передай ему, что у ворот посол Элама Хутрап, – рыкнул скандинав, – и пошевелись, иначе, клянусь Мардуком, я разнесу ворота в щепки, а тебе сломаю хребет!

Стоящий по ту сторону забора глянул на скандинава, оценил его фигуру, ухмыльнулся и захлопнул окошко. Правда, ожидать долго не пришлось. Вскоре с той стороны ворот слышались голоса и дверь приоткрылась, впуская ожидавших во двор. С десяток солдат, построившись полукольцом, настороженно смотрели на вошедших, держась за рукоятки мечей. Таким же строем они сопровождали их по обсаженной декоративными кустами и деревьями дорожке к парадному входу во дворец, где уже стоял сам правитель города.

Завидев посетителей и уже издали узнав эламского посла, правитель сделал знак солдатам удалиться, а сам учтиво приветствовал гостей и пригласил их во дворец. Посла он пригласил в свои покои, а его сопровождающим предложил подождать в гостевых комнатах.

– Что привело в это беспокойное время сюда посла Элама? – задал вопрос правитель города, когда они вдвоем уселись у столика с фруктами.

– Я вспомнил, как ты развлекал меня великолепной охотой, когда я проезжал здесь, направляясь в Вавилон, – ответил Хутрап, – дела все еще удерживают меня в Вавилоне, а там нынче необычайно скучно. Вот я и вспомнил про твое гостеприимство и выбрался навестить тебя.

Он решил на всякий случай не рассказывать пока прави-

телю города об истинной цели своего появления в городе.

– Однако, почему ты говоришь про беспокойное время? И что за вооруженные люди свободно ходят по городу? – продолжил Хутрап, – по-моему, ты и сам какой-то весь издерганный.

Правитель беспокойно оглянулся, как будто кто-то посторонний стоял у него за спиной.

– Ты прав, посол, – заметно нервничая, сказал он, – в городе действительно сложная обстановка, и я не нахожу, как исправить положение.

– Расскажи, что случилось, – потребовал Хутрап.

– Ларак небольшой город, однако удобно стоит на реке, ты это мог и сам оценить еще в первое свое посещение, – начал правитель города, – это место переправы посольств, направляющихся в Индию, в твой Элам. Здесь же проходит караванный путь еще дальше, на восток, в неизведанные, но богатые земли. Город быстро растет, и, если вдуматься, это лакомый кусочек для любого из окружающих правителей. Однако пока что мы самостоятельны, и надеюсь сохранить город неприкосновенным от чьего-либо влияния и впредь, не в обиду будет сказано это и тебе, послу Элама.

– Заверяю тебя, что если к власти в Эламе придет достопочтенный Пели, которого я представляю, он всегда будет поддерживать суверенитет Ларака, – заявил Хутрап.

– Не сомневаюсь в этом, – ответил правитель города, – однако далеко не все настроены именно так. Десяток дней

назад в город начали приезжать молодые люди. Мне докладывали об этом, но я не видел в этом ничего плохого. Лишь только когда стало известно, что они остаются на торговом дворе, принадлежащем аккадским купцам, и никуда не уезжают, как обычно, я что-то начал подозревать. Ты ведь знаешь, что в обычаях наших народов есть понятие экстерриториальности торговых дворов стран, с которыми ведется торговля.

– Да, я знаю это, и не вижу ничего плохого в существовании этого понятия. Ведь согласно ему купцы на выделенной им территории живут по законам своей страны, а за ее пределами – по законам страны пребывания. И что в этом плохого?

– Плохо то, что доступ на эти территории закрыт для всех посторонних без исключения, если на то не будет разрешения старшины купцов. И нарушить этот пункт нельзя. А старшина купцов Аккада не дал разрешения провести инспекцию своего двора, когда мне доложили о том, что десятки людей скрылись за его забором. Дней пять назад таких людей стало уже несколько сотен. Я не на шутку встревожился, пригласил к себе старшину купцов, однако он не появился, и в тот же день сотни вооруженных аккадцев вышли на улицы города. Первый день они не стали затевать больших драк, и мне удалось стянуть своих стражников сюда, ко дворцу. Поэтому в городе сейчас безвластие. Практически аккадцы никого не выпускают из дворца и никого не впускают в

него. Я удивляюсь, как тебе удалось пройти сюда.

– У меня хорошее сопровождение, – улыбнулся Хутрап, – стоит им посмотреть на выставленные заслоны, те отступают и пропускают без слов.

– Удивительно то, что аккадцы пока ничего не предпринимают, хотя легко, особенно в первый день, могли взять мой дворец. Однако не стали делать это. Такое впечатление, что им это не надо. Похоже, что они для каких-то своих целей получили город в управление, но лишь на короткое время. И ждут. То ли кого-либо, то ли каких-то дополнительных указаний.

– Еще бы им захватывать твой дворец, – усмехнулся Хутрап, – ведь это практически прямое развязывание боевых действий с Вавилоном. В договоре Аккада с Вавилоном безопасность Ларака гарантируется каждой из сторон. Я прекрасно знаю положения этого договора. А начинать боевые действия сейчас аккадский царь Нарамсин явно не готов.

– Я послал уведомление о случившемся в Вавилон, а также просьбу прислать полтысячи всадников. Дня через три они должны быть здесь. Вот только я не уверен, что к тому времени я еще буду жив, и что вавилонян встретят раскрытые, а не закрытые, ворота. Так что положение мое на сей момент более чем критическое, и тебе, уважаемый посол, надо бы уехать отсюда подальше. Ибо все знают, что ты посол врага аккадцев, а под шумок снести голову можно будет даже и тебе, получив за это немало золота.

– Да, невесело у тебя... – задумчиво протянул Хутрап.

Он немного помолчал, что-то обдумывая про себя, затем встрепенулся:

– Есть у меня мастер по решению сложных проблем, если не возражаешь, давай позовем его сюда и послушаем его мнение. А дальше видно будет. Но ты ему расскажешь то, что он попросит. Хорошо?

Правитель города пожал плечами, и вскоре к ним присоединился скандинав, заполнив своей могучей фигурой большой кусок пространства. Узнав, для чего его призвали, он попросил правителя города рассказать об аккадцах, их количестве, вооружении, и чем они занимаются днем и ночью. Затем задал вопросы о силах самого правителя. Тот не стал ничего скрывать.

Итак, расклад сил вырисовывался следующим. В город прибыло до четырех сотен аккадцев, разместившихся в большом торговом аккадском дворе. Днем аккадцы, вооружившись, группами по десять-двадцать человек расползались по городу, вчера даже выставили свои посты у городских ворот. Однако сегодня целый день просто ходили по городу, часто появляясь у дворца правителя. Здесь никого не задирали, тем более, что стена здесь высокая и каменная, а все имеющиеся в наличии двести солдат весь день находились на ней, готовые отражать нападение, которого правитель ожидал в любой момент, учитывая неравенство сил.

Скандинав спокойно выслушал правителя города.

– Ждать нельзя, – сказал он.

– Вот и я говорю, что ждать нельзя, надо уходить, пока есть возможность, – подхватил правитель города, – сюда уже привели несколько десятков повозок, которых я приказал доставить, чтобы загрузить и увезти имущество.

– Ждать нельзя, – снова повторил скандинав, – надо напасть на них самим, напасть, когда они не ждут!

– Да ты в своем уме? – воскликнул правитель города, – у них на одного нашего есть два своих бойца!

– А что, в этом что-то есть! – сказал Хутрап, хотя предложение скандинава и шло вразрез с его недавним решением отложить дела на утро, – и, положим, не два на одного, а немного меньше. У меня под городом тоже сотня человек имеется. Вот только не воспримут ли это кое-где как вмешательство в суверенные дела независимого Ларака?

– Не воспримут, если у тебя на руках будет письменная просьба правителя города о помощи против... ну, скажем, напавшей на город шайки неизвестных разбойников, которые захотели ограбить аккадский торговый двор, – в упор глядя на правителя города, который уже начинал понимать, о чем идет речь, жестко сказал скандинав, – однако это все-таки не очень хороший вариант. Лучше, чтобы о нашей помощи не узнал никто.

– Значит, ты предлагаешь напасть на их торговый двор? – спросил правитель города.

– Не напасть на их торговый двор, а напасть на шайку бан-

дитов, скрывшихся на их торговом дворе, – пояснил скандинав, – ведь преследовать преступников и нарушать при этом экстерриториальность торговых дворов не возбраняется. Это я знаю точно. Ведь не один год вожу караваны и останавливаю их если не на постоянных, то в торговых дворах. Только потом необходимо поставить в известность об этом посла соответствующей страны и возместить нанесенные вторжением убытки. Правда, это в случае, если посол докажет умышленное их причинение... Хорошо, что есть повозки. Это облегчит дело. Придется быстро сделать кое-какие изменения в их устройстве. Здесь найдутся плотники? А сено сухое есть? Много? Это хорошо! Надо также найти сотню узкогорлых кувшинов и заполнить их жидким маслом. Я предлагаю поступить следующим образом...

Еще было светло, когда группа в составе Хутрапа, скандинава и Бурны, ведомая Ухубом, покинула дворец и направилась к дому кораблестроителя.

Едва Ухуб стукнул в ворота, как калитка открылась, и их встретил встревоженный старик.

– Беда, – быстро заговорил он, – не так давно на нас напали неизвестные. Ваш товарищ ранен, а девушку похитили.

Хутрап, скандинав и Бурна кинулись в дом. Там в комнате на полу у стены сидел бледный Шамши с перевязанной головой.

– Я был здесь, а Энинрис в соседней комнате, – морщась и держась за голову, рассказал он, – вдруг там опрокинулась

мебель и раздался ее крик. Из всего я разобрал только слово «Аккад», затем она сдавленно вскрикнула и затихла. Дверь была закрыта изнутри. Я вышиб ее, ворвался в комнату, держа мечи наготове. Там было полутемно, со света ничего не было видно. И тут сильный удар сзади по голове – и я очнулся, когда старик промывал водой рану... Они вытащили ее через окно и спустили вниз с уровня второго яруса. Затем увезли.

– Да тебя убить мало! – зашипел Бурна, с ненавистью глядя на Шамши.

Глаза его стали бешеными, рука схватилась за рукоять меча под складками одежды.

– Спокойно! – остановил его скандинав, – надо не со своими разборками заниматься, а ее выручать!

– Скажи, Ухуб, – он повернулся в его сторону, – ты как, сможешь нам в одном деле?

– В каком? – насторожился тот.

Старик, не вмешиваясь, слушал их разговор.

– Мы хотим выгнать пришельцев из города. Похоже, и твое дело также от них страдает. Я думаю, ты тоже в этом должен быть заинтересован.

– Они не дают строить корабли, лишая меня заработка и куска хлеба. Конечно, я помогу вам. Что я должен делать?

– Коль так поворачивается, то и я, может, на что сгожусь? – спросил старик.

– Ты ведь знаешь расположение аккадского торгового дво-

ра? – спросил скандинав старика, и когда тот утвердительно кивнул головой, продолжил: – ты расскажешь все о нем, где стоит, как устроен, все до мелочей. А другие будут делать следующее...

Вскоре Хутрап, Бурна, Шамши и Ухуб верхом отправились к каравану. Конечно же, Хутрап хотел сам участвовать в предстоящем жарком деле. Однако он не был упертым упрямцем и понимал резонность доводов скандинава о том, что для боя желательно все же присутствие опытного в ратном деле Набонасара, а не его самого. Бурна же должен был быть проводником обратно к городу. А от Шамши с его поврежденной головой сейчас было мало толку.

А старик подробно рассказал и даже нарисовал углем устройство аккадского торгового двора. В общем-то, он не отличался оригинальностью. Как и торговые дворы других стран в других городах, он был прямоугольной формы и окружен толстым высоким и крепким деревянным забором. Частью некоторых его стен являлись задние стены деревянных амбаров для хранения товаров. Немало было на территории двора и сплетенных из тростника вспомогательных помещений – конюшен, например. В каждой из четырех сторон в заборе имелись ворота, окованные бронзовыми полосами и достаточно прочные. Отличительной особенностью Ларака было то, что на данный момент это был небольшой, но быстро растущий город. Поэтому окружавшая его стена была построена «с запасом территории». То есть от крайних

городских строений до стены существовали обширные незаселенные пустые территории. И если в других уже развитых городах специально оставляли незаселенную полосу рядом со стенами, играющую двойную роль: как защита от поджогов врагом домов горящими стрелами и как поля для засева на случай осады, то в Лараке предусмотрено было огромное место для будущих новоселов. Здесь и внутри города на многих улицах здания еще не слились друг с другом в единую стену. Поэтому и дом Ухуба имел пока еще большой двор, который в будущем неотвратимо должен был ужаться до крохотных размеров. И у аккадского торгового двора три стороны выходили на пока еще свободные от застройки площадки, а ворота четвертой – на уже полноценную узкую улицу со сплошным рядом домов по обеим ее сторонам.

На учете этих особенностей и основал свой план скандинав.

28. Посланник аккадского царя

В аккадском торговом дворе было многолюдно. Солнце, завершая дневной бег по небу, собиралось уходить на покой, отгорали его последние лучи. В доме старшины купцов, а по совместительству аккадского шпиона (а был ли среди аккадских купцов, разъезжающих по всему свету, хоть один, не подключенный к шпионскому делу?), находилось несколько человек, нетерпеливо поглядывающих на дверь в ожидании чьего-то прихода.

– Проблем не будет с пропуском на территорию двора? – не выдержав напряженного молчания, сказал кто-то из присутствующих.

– Не должно быть, – ответил старшина купцов, – я дал распоряжение, чтобы никто и пальцем не вздумал коснуться пришедшего, если он произнесет правильные слова, и чтобы его вели прямо сюда.

Они еще долго сидели в ожидании, потягивая кисловатый квас и, как это и заведено в мужской компании, ведя разговоры об обстановке в мире, пока за окном окончательно не стемнело.

– Однако, непонятно, – вступил в разговор еще один из находившихся в комнате людей, – почти полтысячи солдат тайно прислали сюда, мы уже практически захватили город.

Что еще можно пожелать? И вдруг приказ на полный отбой всего того, что мы сумели сделать за несколько дней. Мои солдаты быстро захватили бы дворец правителя, и на этом дело бы и кончилось...

– Оно бы этим даже не началось! – раздался от двери чей-то голос, появление обладателя которого занятые обсуждением насущного момента собеседники не заметили.

Пришедший сделал несколько шагов внутрь комнаты, следом за ним вошли двое вооруженных аккадцев, охранявших одни из ворот. Присутствующие в комнате люди вскочили со своих мест, а пришедший, наоборот, опустился на один из табуретов, показывая, кто здесь реальный хозяин.

Старшина купцов сделал стражникам знак удалиться, и когда за ними закрылась дверь, присутствующие в комнате склонились в глубоком поклоне, а пришедший сбросил капюшон с головы.

– Как прикажешь тебя называть? – спросил старшина купцов, – твой посыльный из Ниппура предупредил о некоторых моментах, касающихся твоего нахождения у нас. Однако, я думаю, что с учетом того, что здесь находится несколько сотен солдат, и что сегодня ночью должна завершиться большая охота, тебе нет смысла скрывать, кто ты есть.

– Если бы ты внимательно слушал посыльного из Ниппура, а, кроме него, и посыльного великого аккадского царя Нарамсина, который должен был привести инструкции в отношении меня, то знал бы, что здесь думаю я, а не ты. Это

всем понятно?

Пришедший обвел присутствующих взглядом, и они снова поклонились.

– У тебя есть право совещательного голоса, не более... Слишком шустрые и самоуверенные быстро оказываются в чертогах Нергала, в царстве мертвых. Никогда не забывай об этом в своих делах. Поэтому до успешного завершения дела зови меня просто Посланником. Это обычная предосторожность, не более. Я с удовольствием назовусь истинным именем и приму надлежащие почести, как только завещание будет в моих руках. Да вы садитесь! – Посланник махнул рукой и, когда все опустились на свои места, продолжил: – видимо, старшина купцов не умеет читать между строк царского послания. А там недвусмысленно запрещается захватывать Ларак, ибо это приведет к войне, к которой еще надо подготовиться. И солдаты присланы сюда для другой цели.

– Да, цель нам известна, – вступил в разговор один из присутствующих, – в посланиях говорится про караван, направляющийся в Элам. Его и надо захватить.

– Правильно, – кивнул головой Посланник, – но есть особые ограничения. Кто командует солдатами?

– Я! – поднялся немолодой полноватый человек.

– Сколько у тебя человек?

– Четыре сотни солдат. Если надо больше, из числа местной охраны можно набрать еще полсотни.

– Это ни к чему! – махнул рукой Посланник, – в кара-

ване всего сто тридцать человек, и лошадей штук тридцать. Так что перевес сил явно в нашу сторону. Но вот особенность... Ведет караван посол из Элама, его имя Хутрап. Его надо взять живым. Это понятно? Только живым! Объяви награду за его живого – пять мер золота. Из него надо будет выбить место, куда он прячет свиток с завещанием. Он так хитроумно прячет его, что найти не представляется возможным... Но если чей-то кинжал коснется даже волоса посла, виновного медленно сварят в кипятке. Еще раз подчеркну – только живым!

– Твое появление у нас означает, что караван прибыл в город? – спросил старшина купцов.

– Нет, он за городом, совсем рядом. И, кстати, сам Хутрап был здесь, в городе. Он договаривался с местными о передаче, а затем был и у правителя города. А затем сразу же покинул город и уехал обратно к каравану. Он же не дурак и понимает, что здесь оставаться опасно. Напасть на них нужно сегодня, перед рассветом, как бы утром они не ушли куда-нибудь, гоняйся тогда за ними...

– Как прикажешь нападать? – спросил командующий солдатами, помня слова Посланника о том, кто здесь думает.

– Солдатами ты командуешь, а не я, – огрызнулся Посланник, – тебе и решать. Мне главное, чтобы они не ушли, и чтобы Хутрап был если не невредимый, то живой во всяком случае. Те, кто будет выбивать из него признания, найдутся? Признаться, не люблю воплей...

– Великий царь прислал двоих умельцев вести допросы, – ответил старшина купцов, – также он приказал сказать, что на всякий случай он выслал в пустыню за Тигром еще группу колдунов тебе в помощь, и еще сотня солдат будет ожидать тебя для сопровождения неподалеку от переправы через Карун. Завтра, когда мы, то есть ты, – поправился он, – получишь завещание, можно будет отправить гонцов и отозвать их.

– Ну и чудненько! – потер руки Посланник, – а теперь не мешало бы закусить.

Старшина купцов ударил в небольшой медный гонг. Тотчас явился слуга, получил короткое указание и исчез. И вскоре слуги уже одно за другим вносили блюда с самыми разнообразными кушаньями и сосуды с винами.

– Нет, все-таки не умеют здесь делать вино, – отпив немного из предусмотрительно налитой кружки, сказал Посланник, – самое вкусное вино все же делают в Аншане... Ну что, командующий, как ты собираешься устраивать нападение на врага?

– Мы выдвинемся незадолго до рассвета, но так, чтобы подобраться к ним еще затемно. Передовые посты снимем втихую. Сигнал подать они не успеют. А с первыми солнечными лучами, когда сон самый сильный, атакуем со всех сторон. Нас намного больше, как ты говоришь, и опасаться здесь не приходится.

– А если бы приходилось опасаться? – хитро прищурился

Посланник.

– Тогда бы я атаковал с одной стороны и погнал их в другую сторону, прямо на засаду.

– Прямо волчья охота! – удовлетворенно произнес Посланник, – ну что ж, хорошо. Твой план хорош и принимается к исполнению.

– Только как узнать Хутрапа и не перепутать его ни с кем другим? – спросил командующий.

– Очень просто. Он всегда ночует в шатре. А шатер единственный на весь караван. Хватай всех, кто там будет. Но нет нужды оставлять в живых двоих жрецов. Их легко определить по бритым головам. А с ними высокого светловолосого громилу, на голову выше всех. Кроме как быть рабом где-нибудь на рудниках он ничего не может. А их у нас и так пока хватает...

Посланник сладко зевнул.

– И не забудьте разбудить меня перед выходом. Я лично укажу место, где прячется караван...

Посланника уложили спать в соседней комнате на широком топчане, поверх которого бросили несколько набитых шерстью матрасов и несколько одеял. Он категорически отказался уйти в соседнее здание, предназначенное для приема гостей высокого ранга, где ему уже несколько дней держали в готовности несколько комнат, и даже не стал раздеваться, лишь снял верхнюю накидку. А оставшиеся со старшей купцов люди перешли в другое помещение и еще долго

сидели, обсуждая и детализируя план нападения на караван, направляющийся в Элам.

Посланник, как ему показалось, едва смежил веки, как его разбудили крики и беготня рядом с комнатой. Он хотел позвать кого-либо, чтобы прекратить это, но шум усилился, к нему добавился какой-то треск, и сквозь пока еще не раскрытые глаза ему показалось, что комнате посветлело. Посланник открыл глаза. Комната действительно была залита светом. Красным светом пылавшего огня. Шум и крики снаружи усилились. Посланника словно пружиной подбросило. Он выскочил на крыльцо и остолбенел. По всей территории аккадского торгового дома пылали здания, ярко освещая все вокруг, поднимая в черное небо яркие красные языки и выбрасывая неисчислимое количество золотистых искр. Через забор в разных местах сваливались вниз и катились все новые большие огненные шары, разбрасывая по дороге во все стороны огненные фонтаны, останавливаясь у стен зданий и поджигая их. По двору металась люди, не находя укрытия от жара, и со всех сторон на них сыпались стрелы, неся смерть и внося еще большую неразбериху. Две горящие стрелы вонзились в дверь над головой Посланника. По сухому дереву стены, разгораясь, побежали язычки пламени. Посланник испуганно вскрикнул, согнулся и опрометью бросился внутрь дома...

29. Нападение на аккадский торговый двор

Вернувшись к каравану, Хутрап вкратце изложил Набонасару план скандинава по нападению на аккадский торговый двор.

– Хитро, неожиданно, вполне разумно и выполнимо, – кратко оценил тот.

Тут же были выделены сто человек, которые в полном вооружении под руководством Набонасара, имея в качестве проводника Бурну, пешим порядком отправились к расположенному неподалеку городу. Лошадей было мало, да и атака в конном строю не предусматривалась планом нападения. Единственное, что заботило Набонасара, так это то, чтобы приближение его солдат к городу прошло незаметно.

Оставшихся три десятка человек с лошадьми и верблюдами Ухуб, ориентирующийся на знакомой местности ночью не хуже, чем днем, повел к затону с лодками.

Пока Хутрап возвращался из города, время не стояло на месте, и сотня солдат приблизилась к воротам уже в полной темноте. Там уже возвышалась могучая фигура скандинава, который без лишних слов повел солдат ко дворцу правителя. Город затаился в темноте. Нигде не было слышно ни од-

ного звука, не было видно ни одного огонька. Жители города затаились в темноте, закрыв двери и окна на засовы, по косвенным признакам чувствуя, что сегодняшняя ночь является переломной, должна внести ясность в существующее неопределенное положение. Лишь изредка лязг оружия проходившей сотни солдат нарушал тишину. Ворота в стене, окружающей дворец правителя, распахнулись и снова закрылись, едва последний солдат прошел во двор. Наступила тишина, ничто не указывало на то, что три сотни солдат в полном вооружении находятся в боевой готовности. Тут же, во дворе, находилось и несколько десятков повозок, запряженных парой лошадей каждая, с высокими наклонными крышами и загруженными большими шарами, для крепости сплетенными из хвороста и набитыми сухим сеном и соломой, обвязанными снаружи веревками. А из шаров немного выступали заткнутые пробками горлышки глиняных кувшинов.

Правитель города был уже наготове. Короткое время ушло на ввод Набонасара в курс дела, на окончательную доработку плана, и вскоре колонна солдат, за которыми потянулись повозки, двинулась по улицам города. Хорошо смазанные колеса не скрипели, улицы города не были выложены ни камнями, ни деревом, поэтому повозки катились тихо. Солдаты шли молча, разговаривать было запрещено. На подходе к торговому двору колонна разделилась. Полторы сотни человек, половину от имевшихся в наличии сил, скандинав увел

за собой. Оставшиеся также разделились на две группы, по семьдесят пять человек каждая, и направились к своим местам в диспозиции. Одна под управлением Набонасара, другая – правителя города, понимающего, что, хотя у него и в два раза больше солдат, но без слов общее руководство для пользы дела уступившего решительному, хотя и молодому, скандинаву. Правитель даже свой дворец оставил практически без охраны, взяв с собой всех имеющихся в наличии солдат. Эти две группы, имевшие ответственную одинаковую задачу, должны были сыграть в предстоявшем деле важнейшую роль. От их работы зависел исход всей задумки скандинава. Солдаты быстро вышли на исходные рубежи и с нетерпением поглядывали на крыши домов с противоположной стороны, ожидая условный сигнал начала штурма.

Пока не было ни одного тревожного сообщения. Никто на улицах не встретился за весь период развертывания в боевую линию. К громадному облегчению напряженно себя чувствовавшего правителя города, все шло прекрасно, показывая, что скандинав не ошибся в выборе тактики нападения.

Но вот далеко впереди над крышами зажегся огонь, а затем он начал по большой дуге колебаться из стороны в сторону. Это скандинав сигнализировал о том, что его группа вышла на исходную позицию и давал команду к общей атаке.

– Давай! – не таясь, закричал правитель города.

Несколько повозок, толкаемых солдатами, с укрепленными на них высокими помостами, задом выехали из темно-

ты и направились к воротам. Оттуда что-то закричали, однако повозки не остановились, пока не уткнулись в сами ворота. И тут же помосты заполнились неведомо откуда взявшимися лучниками, которые стрелами перебили охрану ворот, не давая другим сторожам, их сменщикам, высунуть носа из стоявших рядом караульных помещений. Тут же из темноты стали появляться другие повозки, влекомые лошадьми. Они подъезжали в самому забору. Большие шары, удерживаемые на сильно наклоненных платформах, загорались, один за другим скатывались с платформ внутрь двора и свободно катились далеко вперед, пока не упирались в какую-либо постройку, которая также вспыхивала жарким пламенем. Масло по дороге выплескивалось из горшков через уже освобожденные от пробок горлышки, вспыхивая и поджигая все по ходу движения. Шаров было много. Они катились один за другим, сбивая с ног выскакивающих из огня в панике людей. А вслед за шарами уже несся рой огненных стрел, поджигая еще уцелевшие строения и неся смерть мечущимся людям. Во многих местах горел также и забор.

Но вот избиваемые внутри ограды, не имевшие управления люди обнаружили, что огонь и стрелы несутся на них лишь с трех сторон. Четвертая же сторона была не тронута огнем, и все дружно повернули сюда. Ворота распахнулись, и множество уцелевших аккадцев, многие из них с оружием, стремясь выскочить из огненной ловушки, устремились к выходу со двора. Возникла давка, наподобие той, что не

так давно была у зиккурата в Вавилоне. Люди давили друг друга, пытаясь вырваться, никто никого не слушал. Те, кому посчастливилось прорваться через ворота бросились бежать вперед по узкой улице. Проходы в боковые улицы оказались заставленными повозками, обложенными подожженной соломой. Пробраться через эти заграждения не было никакой возможности. Аккадцы устремились вперед, однако там улица была перегорожена выставившими вперед копья солдатами, впереди которых возвышалась фигура гиганта с длинным мечом, кажущаяся огромной в отблесках мечущегося пламени. Аккадцы попытались было построиться в боевую линию, но длинный меч взметнулся ввысь, и с окрестных крыш в их толпу ударили десятки стрел, затем еще и еще, без перерыва. А гигант, издав боевой клич, длинным мечом врубился в нестройную воющую толпу. Рядом с ним орудовали мечами солдаты. Смерть собирала обширную жатву...

...Лишь только первые стрелы ударили по сторожам ворот, Бурна с одной из платформ перескочил через ворота и крадучись направился к большому зданию, расположенному близко к центру торгового двора. Он давно заметил это здание, справедливо рассуждая, что, раз оно самое большое, то должно принадлежать главному на дворе, и, следовательно, там и надо искать похищенную Энинрис. Он без особых приключений добрался уже до какого-то пылавшего, как свеча, длинного здания, как вдруг прямо на него выбежал с десятков аккадцев, вооруженных, но без защитных до-

спехов. Они растерялись, нос к носу столкнувшись с незнакомцем. Эта заминка решила исход встречи. В воздухе отраженным светом огня сверкнули два меча. Рухнули и забились на земле сразу четыре аккадца – у двоих было перерублено горло, еще двое тонко визжали, зажимая подрубленными ногами распавшиеся животы. Бурна усвоил урок, полученный от скандинава, и пользовался его приемом с подсеканием ног и живота. Еще двое рухнули с разрубленными головами, прежде чем остальные опомнились и набросились на пришельца. А через мгновение один из них завопил и схватился за обрубок руки, только что державшейся за меч. Уцелевшие аккадцы бросились в разные стороны.

Бурна не стал преследовать их. С мечами наготове, он хотел было продолжить движение, но большие ворота длинного здания, возле которых произошла схватка с аккадцами, потрясли сильные удары, а изнутри раздалось тревожное ржание множества коней. Бурна отбросил запирающий ворота брус, и едва успел отскочить в сторону. Под напором лошадиных тел обе створки ворот распахнулись, и из дыма, тревожно храпя, вырвался большой табун лошадей. Он сделал небольшой круг между горящими домами и понесся в сторону, где не горел огонь, к запруженным спасающимися людьми единственным воротам. Испуганные кони, с трех сторон окруженные огнем, также устремились в спасительный проем ворот. Лошадиная масса легко подмяла под себя столпившихся аккадцев. Кони, прорвавшись через воро-

та, снова попали в огненный коридор и устремились вперед, туда, где кипел ожесточенный бой, и с ходу смяли атакующих столпившихся аккадцев, не видевших, что творится у них за спиной. Скандинав, завидев несущуюся во весь опор конскую массу, дал команду солдатам прижаться к стенам домов. Однако далеко не все успели сделать это...

Бурна заскочил в большое расположенное в центре двора здание с уже горевшей крышей, до уровня груди наполненное плававшим дымом.

– Энинрис! – что было силы закричал он.

И ему почудилось, что сквозь треск пожара слышится слабый ответный голос. Он устремился вглубь здания, продолжая звать ее. Она отозвалась из-за закрытой двери, которую Бурна вышиб ударом ноги. У стенки лежала Энинрис с обмотанными веревками руками и ногами. Она уже наглоталась плававшего дыма и практически теряла сознание. Он разрезал опутывающие веревки, легко вскинул ее на плечо и выбежал во двор. Вокруг полыхали дома, где-то в стороне вопили избиваемые скандинавом аккадцы, изредка кто-либо из них пробегал мимо Бурны, шарахаясь от него в сторону и скрываясь в дыму, который постепенно заполнял все вокруг. Надо было срочно уходить. Сориентировавшись по крикам аккадцев, Бурна со своей драгоценной ношей устремился в нужную сторону. Вскоре он был уже у забора, где поднял вверх легкое тело Энинрис, бывшей без сознания. Ее вытянули через забор, а затем перетащили и его самого.

Энинрис уложили на одну из повозок, стоявшую неподалеку. По счастью, ветер дул в противоположную сторону, и дым не мешал находящимся здесь людям.

Затем рухнула горевшая часть забора, открывая свободный доступ на территорию двора. Однако никто не отправился в горящее пекло, предпочитая поражать выскакивающих из дыма аккадцев стрелами...

Вскоре все было кончено. Рухнувшие здания еще догорали, давая достаточно света. Сюда, где не было дыма, перебрался скандинав. А чрезвычайно довольный правитель города командовал сбором пленных и трофеев где-то в стороне. Сюда же начали приводить немногих уцелевших аккадцев.

Один из солдат подбежал к Набонасару и что-то ему сказал. Тот согласно кивнул головой. Солдат убежал, но вскоре вернулся, таща за собой связанного аккадца.

– Говори, – коротко приказал Набонасар.

– Мне обещано, что я останусь жив, – затравленно озираюсь по сторонам, сказал аккадец.

– Если твои сведения представляют интерес, – холодно сказал Набонасар.

– Вечером на торговый двор прибыл человек от царя Аккада Нарамсина, – раболепно глядя в его глаза, зачастил аккадец, – его сразу провели к старшине купцов.

– А ты не видел его? Кто еще участвовал в разговоре?

– Нет, я там не был. Но слышал, как старшина купцов го-

ворил о том, что утром надо напасть на какой-то караван. Больше ничего не услышал. Мне приказали уйти по другому делу. Там было еще несколько человек – командир прибывших солдат, еще кто-то. Да сам старшина купцов может подтвердить то, о чем я говорю. Он и видел того человека, и может опознать его.

– Как? – удивился Набонасар, мельком взглянув на слушавшего разговор скандинава, – так, получается, старшина купцов жив?

– И даже не ранен, – подтвердил аккадец.

Набонасар тут же подозвал четверых солдат и приказал привести сюда старшину аккадских купцов, дав им в проводники аккадца.

Через некоторое время сюда привели закопченного человека в некогда дорогой одежде со связанными руками.

– Ты и есть старшина аккадских купцов? – спросил Набонасар.

– Да, – кивнул тот, – и высказываю протест против нападения на торговый двор, суверенную территорию великого Аккадского государства. Наш могучий царь Нарамсин будет очень недоволен убийством его подданных.

– А где ты видишь здесь его подданных? – с издевкой спросил скандинав, – все вот эти?

Он указал на валяющиеся обугленные трупы.

– Они не являются гражданами Аккадского государства. И правитель города завтра докажет это. Или ты в этом со-

мневаешься? – хитро прищурился скандинав.

Старшина купцов только злобно сопел, ничего не говоря.

– Вот видишь, и ты не сомневаешься, – продолжил скандинав, – а раз так, почему у тебя на территории находились не аккадцы, и к тому же те, которые хотели напасть на дворец правителя суверенного города? Почему ты умолчал о них, не донес, куда следует? И знаешь ли ты, что по закону тебя за это следует посадить на кол?

– Что вы хотите? – злобно сверкнул глазами старшина купцов.

– Вот это деловой разговор, – кивнул головой Набонасар, – а хотим мы немного, чтобы ты рассказал про прибывшего от Нарамсина человека. Кто он, какой из себя, для чего явился.

– Я пленник правителя города, и рассказывать буду только ему, – вскинул голову старшина купцов.

– Ты не только про это будешь рассказывать, но и еще умолять, чтобы тебя еще о чем-либо спрашивали, – зло пообещал Набонасар.

– Свяжите его так, чтобы пошевелиться не мог, – приказал он солдатам, – и загрузите на повозку. И чтобы ни звука от него не было слышно. Заберем его с собой, а там, в спокойной обстановке, и поспрашиваем!

Старшине купцов забили рот кляпом, связали и кинули в повозку, на которой лежала все еще не приходящая в себя Энинрис.

Тем временем совсем рассвело. Над пожарищами кое-где еще метались огни пламени, но дыма было уже существенно меньше – здания сложены были из сухого дерева, сгорали они, выделяя много тепла, но мало дыма.

С полсотни пленных аккадцев – все, что уцелели в сражении, понуро сидели на земле, окруженные вооруженными солдатами правителя города. План скандинава удался полностью. Аккадский торговый двор перестал существовать. Большая часть его обитателей была перебита, остатки пленены. Лишь незначительной их части удалось вырваться из огня и устроенной ловушки и рассеяться по городу. Но городские стражники и разозленные жители города должны были быстро переловить их по одному. У скандинава в сражении людей погибло не столько в сече, сколько под копытами лошадей на узкой улице, а всего десятка два человек. Было также несколько легко раненных. У городских стражников потери были раза в два больше. У аккадцев погибло более трех с половиной сотен человек. Так что можно было смело заявлять, что победа досталась малой кровью.

Правитель города весь светился от радости и долго благодарил за помощь Набонасара и скандинава. Одно лишь омрачало его радость – то, что не удалось взять живым ни одного из руководителей аккадского торгового двора. Он также хотел непременно лично поблагодарить и Хутрапа, однако Набонасар ловко вывернулся, сказав, что послу чужой страны негоже вмешиваться во внутренние дела суверенного го-

сударства, каковым является Ларак. Поэтому, сказал он, об участии в деле солдат эламского посла лучше промолчать, представив дело так, как будто оно сделано силами только городских стражников. Как раз об этом и был разговор при обсуждении плана нападения.

Распрощавшись с правителем города, оставив ему пленных, хлопоты по их допросам и восстановлению порядка в городе, получив в подарок для Хутрапа несколько повозок и десятка два лошадей, Набонасар вывел солдат из города и направился в сторону, где намечалась переправа.

На одной из повозок везли связанного человека, закрытого от посторонних глаз попоной, который мог пролить свет на некоторые загадки, связанные с караваном. Набонасар скрыл от правителя города захват старшины аккадских купцов, рассудив, что, если тот узнает об этом, то никогда не выпустит его из своих рук. А вступать с ним в конфликт Набонасар категорически не желал.

30. Переправа через Тигр. Убийство старшины купцов

Набонасар вел солдат без дороги, прямо по степи, отступив на десяток полетов стрелы от берега Тигра. Вскоре голые берега начали покрываться редкими кучками тростника, далее он становился все гуще, местами занимая все более обширные площади, оттесняя людей глубже в степь. А вскоре из тростника вынырнул человек и призывно замахал руками – пост, выставленный Хутрапом. Набонасар повернул в его сторону, не понимая, куда же он поведет солдат. Проход в тростнике открылся совершенно неожиданно, надо было пройти немного по мелкой воде и обогнуть небольшую тростниковую косу, прикрывающую его. Со стороны никаким образом нельзя было догадаться, что здесь, в гуще высокого, значительно превышающего рост человека, тростника расположена деревня и большое налаженное корабельное производство. Дома стояли на сваях, болото между домами закрыто сплетенными тростниковыми матами, уложенными друг на друга. Полдюжата кораблей уже ожидали прибывших на переправу. Это были настоящие корабли, деревянные, с площадками для перевозки животных, прообразы корабельных палуб. На таких уже можно было бы выхо-

дить в плавание и в открытое море. Рядом с ними нетерпеливо взад-вперед расхаживал Хутрап. Заметив первых вышедших из-за поворота тростника людей, он бросился к ним навстречу. Караван уже находился на другой стороне реки – Хутрап не терял времени даром. Пока солдаты по сходням поднимались на корабли, Набонасар и скандинав вкратце рассказали о результатах сражения с аккадцами. Последними на один из кораблей осторожно перенесли Энинрис и бросили закутанного в попону связанного и не шевелящегося старшину аккадских купцов. Отталкиваясь длинными шестами, корабельщики провели корабли по узкому каналу и вывели их в реку. Быстрое течение немедленно подхватило их. Однако корабль – это корабль. Несколько взмахов укрепленными по бортам веслами – и он уже у противоположного берега, где в ожидании уже стояла вторая половина каравана. Опустили сходни, и солдаты сошли на берег, сводя лошадей.

Повозки по решению Хутрапа оставили в тростниковом поселке. Они не годились для дальнейших переходов. Солдат, участвовавших в сражении, радостно приветствовали их товарищи, оставшиеся при караване. Здесь же Хутрап полностью рассчитался с Ухубом за его услуги, передав ему увесистый мешочек золота. Стороны разошлись, довольные друг другом. Корабли уплыли обратно в камыши, а Хутрап решил остановить караван на полдня на отдых, тем более, что солдатам, участвовавшим в сражении, прошедшей ночью отдохнуть не пришлось. А заодно нужно было допросить

пленника, который до сих пор связанным лежал на боку и не шевелился.

Первым же делом Хутрап подошел к Энинрис, чтобы справиться об ее самочувствии. Свежий воздух благотворно влиял на нее, она уже сидела, быстро приходя в себя. И Шамши тоже стало легче. Голова его пришла в норму после полученного сильного удара, уже перестала мучительно болеть, и он снова был в полной боеготовности. Несколько легкораненых солдат также не должны были стать обузой. Повсюду уже тянулись вверх дымки зажженных костров и в котлах булькало варево.

Тем временем Набонасар, время от времени поглядывающий на лежащего неподалеку пленника, решил, что, пока готовится еда, есть время для допроса, и приказал привести его к костру, у которого расположилось руководство каравана. Двое дежурных солдат бросились выполнять распоряжение. Они подбежали к пленнику, развернули укрывавшую его попону, наклонились над ним, но вдруг выпрямились и призывно замахали руками.

– Странно, – заметил Набонасар.

Он направился к солдатам, выслушал их и, подойдя поближе к пленнику, всмотрелся в его лицо. Затем повернулся к костру и покачал головой. Заинтригованные Хутрап и скандинав направились к нему.

Старшина аккадских купцов неподвижно лежал на боку. Руки и ноги его были крепко связаны. Он не обращал ровно

никакого внимания на стоящих вокруг и приближающихся к нему людей. Да и не мог обратить. Он был мертв. Бледное лицо не выражало ни страха, ни тревоги, наоборот, было спокойно. Глаза открыты. Рот до сих пор заткнут кляпом. Нигде на темной одежде не было видно ни разрезов, ни следов крови. Скандинав присел на корточки и потрогал кисть руки старшины купцов. Она еще шевелилась.

– Еще не успела окончательно остыть, – сказал он, – убит недавно, похоже, что уже при переправе на корабле он был мертв.

– Почему ты говоришь об убийстве? – спросил Хутрап, – с тем же успехом он мог умереть, например, от огорчения, что попал в плен, сердце могло не выдержать.

– От огорчения прямые удары в сердце не появляются, – заметил скандинав, указывая на небольшое темное пятно прямо против сердца.

Он повернул тело старшины купцов на спину и кинжалом разрезал одежду, оголяя его грудь. Немного ниже соска было небольшое кровавое пятно. Скандинав вытер его куском отрезанной от одежды ткани. И все присутствующие увидели небольшое треугольное отверстие, заполненное запекшейся кровью.

Хутрап в ярости долго и цветисто ругался. Остальные стояли молча. Наконец, посол пришел в себя.

– Кто мог это сделать? – почти кричал он, – найдите мне его!

– Его везли до переправы на повозке, – сказал Набонасар, – мимо ходили практически все, кто участвовал в бою, и пырнуть мимоходом мог любой из них. А после переправы бросили на землю, и снова мимо ходили все, разгружая корабли. А здесь уже можно подозревать вообще всех в караване без исключения.

– Этот кто-то, затаившийся враг, – сказал скандинав, – до сих пор среди нас. Это понятно. Старшина купцов видел его среди нас, и тот дал убитому надежду на освобождение. Рот у старшины купцов был заткнут кляпом, ничего сказать он не мог. Но если бы он видел, что его хотят убить, он бы не был так спокоен. Убили его внезапно, так быстро, что он понять ничего не успел. Это видно из выражения его лица. Что это за странный убийца, знакомый с проводником в Ниппуре, сопровождающим посольские караваны, со старшиной купцов в Лараке, имеющим ранг посла, к которому далеко не каждого смертного допустят? И одновременно с этим убивающий обычного постового солдата так, что тот улыбался ему при этом? Удивительно!

Набонасар приказал солдатам бросить тело в реку.

– Все равно он был негодяем при жизни, – оправдал он свой приказ, – земля зря носила его, и негоже обижать ее, закапывая его. Пусть рыбы попируют сегодня на его бранных останках...

Солдаты подняли тело старшины купцов за руки и ноги, оттащили его к берегу и, раскачав, бросили в быстрые воды.

Через несколько мгновений уже намного ниже по течению вода буквально вскипела от мечущихся острозубых рыб.

А Хутрап, скандинав и Набонасар, вернувшись к костру, еще долго строили планы поимки таинственного убийцы, но так ни к чему не пришли.

Исключения из подозреваемых в убийстве все-таки были. Ни разу к лежащему старшине купцов не подходил сам Хутрап. Также после того, как аккадца связали и бросили на повозку, возле нее не были ни скандинав, ни Набонасар. Они все время, вплоть до переправы, держались рядом друг с другом. Также близко не подходили к повозке молодые жрецы. И не могла сделать это бывшая без сознания Энинрис, которая только сейчас начала шевелиться.

– Я рад, что не надо подозревать в предательстве никого из сидящих здесь людей, – удовлетворенно сказал Хутрап, – было бы плохо, если бы хоть один из нас, включая меня, мог оказаться под подозрением...

Во второй половине дня последовала команда на продолжение движения.

31. Сражение у колодца

– Трудно будет в пустыне. Надо запастись водой перед тем, как вступим в пески, – ответил Хутрап Набонасару на вопрос о том, с чем встретится караван в дальнейшем пути, – я проходил все это на пути в Вавилон.

Местность едва заметно повышалась. Сначала под ногами была узкая полоса сухой степи, прорезанная множеством сухих русел.

– Они заполняются водой лишь в сезон дождей, – заметил Хутрап, – а сейчас являются легким дополнительным препятствием для нас...

Степь затем как-то разом перешла в пустыню, которая теперь уже будет тянуться вплоть до предгорий, по большей части песчаная, местами каменистая, с отдельными редко стоящими песчаными холмами.

...Уже третий день караван шел по пустыне. Если взобраться на вершину изредка встречающегося одинокого холма, то далеко впереди над горизонтом можно было различить горные пики, но до них было еще идти и идти. По большей части под ногами был только песок пустыни. Ноги утопали в нем по щиколотку, идти стало несравненно труднее. Изредка встречались бесплодные солончаки и дюнные поля. Редкие каменистые участки отнюдь не облегчали движение.

Некогда твердый песчаник изобиловал трещинами, провалами, нагромождениями валунов и каменных россыпей, как правило, делавшими движение через них невозможным. А под камнями таились ядовитые скорпионы и фаланги. Приходилось огибать россыпи, делая большие крюки.

Солнце палило немилосердно, нигде не было ни клочка тени. Однако самую большую тревогу вызывал недостаток воды. Она в кожаных мешках была просто горячей, ее осталось очень мало, и потребление воды жестко ограничивалось. Люди и животные изнемогали от жажды. Уже начался падеж лошадей. А каравану до сих пор не встретился ни один колодец. Конечно, лучше было бы иметь надежного проводника, знающего тропу через пески, но где ты его возьмешь там, где нет даже намека на жилье? Ни одного человека не встретилось каравану уже с того времени, как он переправился на правый берег Тигра и вступил в полосу сухой степи.

Солнце уже клонилось на закат, когда один из солдат авангарда, идущего впереди в поле зрения, призывно взмахнул рукой. Набонасар дал команду остановить караван и направился к нему. С ним пошел и скандинав. Силы лошадей берегли, на них не ехали, а вели в поводу. На лошадях были только десять человек, составлявших авангард.

– Вон там, на бархане, я только что видел всадника, – доложил солдат, – и похоже, что он смотрел в нашу сторону. Во всяком случае, конь стоял мордой к нам.

– Куда же он девался? – спросил Набонасар, взглядываясь

в далекий бархан, расположенный в стороне от маршрута каравана.

– Далеко, – признался солдат, – я случайно взглянул в ту сторону, и он только мелькнул в глазах и тут же исчез.

– Кто-нибудь еще видел его? – спросил Набонасар, оглядывая других солдат.

Больше никто из солдат авангарда в ту сторону не смотрел.

– Возможно, тебе показалось? – спросил Набонасар.

Солдат пожал плечами: – У меня хорошее зрение. А, впрочем, в такую жару глаза могут и обмануть. Но ты сам приказывал докладывать обо всем особенном, что мы увидим на дороге. Вот я и подумал...

– Ты правильно сделал, – вступил в разговор скандинав, – так действуй и впредь. А теперь слезай с коня, я съезжу туда и посмотрю, что там был за всадник.

– Я с тобой, – встрепенулся Набонасар, делая знак слезть с коня другому солдату.

– Как хочешь, – скандинав пожал плечами.

– Никуда не двигайтесь, пока не получите новое указание, – крикнул Набонасар солдатам и направил коня вслед за скандинавом.

Высокий бархан выделялся среди других песчаных холмов, наметенных песком. Он был довольно длинным и с крутыми склонами. Кони, направляемые всадниками, осторожно ступая и проваливаясь в песок, начали обходить бархан

у подножья. Это заняло довольно много времени. И на другой, более пологой его стороне сразу же обнаружались следы коня – одни идущие вверх, на его вершину, другие, ведущие вниз. Неизвестный всадник не жалел скакуна – по следам было видно, что тот наметом скакал в обе стороны. Переглянувшись, Набонасар и скандинав отправились по следам, виляющим между песчаными наносами. Через некоторое время под ногами копыт их коней зацокало, а затем открылся каменистый участок, с которого ветер сорвал песчаную подушку. Различить на камнях следы не представлялось возможным.

– Давай-ка вернемся на тот бархан, – предложил Набонасар, – он высокий, с него далеко видно.

Они повернули коней и направились обратно по своим следам, тем более, что ехать было недалеко. Кони быстро вынесли их на вершину бархана.

Прямо перед собой они увидели панораму пустыни с темной ниточкой растянувшегося каравана.

– Да, нас, конечно же, видели, – сказал Набонасар, вглядываясь в пустыню, – однако, почему всадник был один, почему не подъехал к нам и почему удрал в противоположную сторону?

– Он не жалея гнал коня, – задумчиво сказал скандинав, – а в жару тому надо много воды. Похоже, от ее недостатка конь не страдает. Значит, где-то там, куда он направился, должен быть колодец. Надо и нам двигаться в ту же сторону.

– Да, хорошо было бы найти колодец, – задумчиво сказал Набонасар, – верблюды пока еще ничего, однако почти половины коней мы уже лишились. Еще день такой дороги, и вообще останемся без них.

Тем временем скандинав внимательно изучал местность в направлении, по которому ушел загадочный всадник. Его внимание привлекла малозаметная точка на горизонте.

– Там что-то есть, – вытянул он руку вперед, – и будь я проклят, если это не оазис с колодцем. Голову даю на отсечение, что именно к нему направился всадник. Сейчас мы направимся к нему, – повернул скандинав голову к Набонасару, – хотя это и сильно в сторону от нашего маршрута. Но нам нужна вода. И чувствую, что так просто ее мы не доставим.

– Ты думаешь, там враги? – спросил Набонасар, в который раз удивляясь чутью скандинава.

– Иначе бы он подъехал к нам. Но он отправился предупредить их, я уверен в этом, – ответил скандинав, – только мы не знаем, сколько их и когда нападут на нас. Он видел наш караван, его направление и расскажет об этом. Они сделают засаду где-то по предполагаемому пути. И должны прислать тех, кто будет следить за нашим передвижением. Зато и они нас не ждут. Поэтому мы сейчас предпримем вот что...

Они быстро вернулись к каравану, наскоро изложили Хутрапу план скандинава, и вскоре вся поклажа с верблюдов полетела на землю. Сорок верблюдов с солдатами и три де-

сятка всадников на конях направились в сторону замеченного оазиса. Несмотря на сопротивление Хутрапа, скандинав приказал взнуздать также и четырех арабских скакунов. Для себя, Набонасара и обоих молодых жрецов, которых взял с собой.

– Колдуны однозначно бросятся наутек, пока мы будем рубиться с их прикрытием, мы должны догнать и уничтожить их, а без этих скакунов догнать будет невозможно, – ответил скандинав на возражения посла, и тот вынужден был согласиться, хотя и понимал, что потеряет их в качестве подарка.

Тем временем скандинав быстро собирал свой смертоносный длинный лук.

– Должны же они хотя бы кого-нибудь выставить в качестве наблюдателя где-нибудь на бархане, – сказал он в ответ на вопросительный взгляд Набонасара, – иначе они вообще не воины. А нам надо напасть внезапно. Вот тут он и поможет...

Общее руководство набегом и одновременно с этим командование всадниками было у скандинава. Набонасар получил командование над отрядом на верблюдах. Тяжелые бактрианы бежали со скоростью меньшей, чем более легкие дромадеры, но так же, как и они, практически не проваливались в песок. Тонконогим коням здесь было несравненно тяжелее. Однако скандинав не сбавлял темп.

Лавируя между невысокими песчаными холмами, он уве-

ренно вел отряд вперед, изредка поднимаясь на вершину ближайшего бархана и озирая окрестности. В один из моментов он подозвал Набонасара и указал тому на группу всадников, быстро двигавшуюся в их сторону. Их было не больше десятка человек.

– Вот и разведка, – сказал он, – это хорошо. Значит, их основные силы будут ждать известий от разведчиков. А мы не дадим им возможности получить эти сведения. И еще. Хотя бы один нужен мне живым.

Отряд разделился. Скандинав увел всадников налево, укрыв их за ближайшим холмом, то же самое сделал Набонасар, уведя своих людей направо. Но два десятка солдат спрятались тут же, между холмами, засыпавшись песком так, что их практически не было видно.

Скандинав отвел в сторону одного из понятливых солдат и что-то втолковал ему. Тот поняв, что от него требуется, вскочил на коня и помчался вперед. Он выехал в поле зрения отряда противника, остановился, словно испугавшись, а когда те с улюлюканьем бросились за ним, развернул коня и бросился наутек, поначалу сдерживая его, давая возможность противнику разгореться погоней и приблизиться, увлекая за собой.

Скоро одинокий всадник, преследуемый десятком человек, выскочил из-за поворота и оказался меж холмов, где затаилась засада. Едва преследователи проскочили спрятавшихся в песке солдат, как с обеих сторон из-за холмов вы-

рвались группы всадников на конях и верблюдах и понеслись им наперерез. Преследователи с криками развернулись, но на их пути уже стояли солдаты с луками наготове...

Схватка была короткой, вернее, ее не было вообще. Восьмерых всадников убили практически сразу. Под двумя оставшимися убили лошадей. Один из них попытался было размахивать мечом. Его немедленно расстреляли из луков. Последний, испугавшись, мелко дрожа, лег на землю лицом вниз. Его подняли и тут же допросили.

– Если ты расскажешь все сам, твоя смерть будет быстрой и безболезненной, – просто и открыто сказал ему скандинав, – если нет...

Пленник все понял и отвечал на ломаной смеси аккадского и шумерского языков.

Сотня всадников сопровождает троих аккадских колдунов. Здесь же находятся послы Аккада и Энпилухана, сбежавшие из Вавилона и направляющиеся в Аншан в сопровождении полусотни всадников. Все они ждут у колодца. Правда, послы должны скоро отъехать. Когда, пленник не знал. Колдуны должны ослепить и оглушить караван, а аккадские солдаты добить всех людей в нем.

– Так и было сказано – всех людей? – переспросил скандинав.

– Я так слышал, – дрожа от страха, стоя на коленях, ответил пленник.

Скандинав поднялся на ноги. Один из солдат, стоявший

сбоку от пленника, толкнул его плечо. Пленник приподнял голову и повернул лицо к нему. И в этот момент стоявший с его другого бока солдат взмахнул мечом. Голова мигом слетела с плеч и покатилась, орошая кровью песок.

– Удар милосердия, – сказал скандинав, – он отвлекся и не ожидал. Быстро и безболезненно, как и было обещано.

Набонасар согласно кивнул головой.

В те времена мало заботились о том, чтобы выполнить свои обещания. Особенно в таком деле, как убийство врага. Могли просто перерезать горло и бросить, и это был бы также милосердный вариант. Ведь могли и просто сломать спину и оставить еще живого, но обездвиженного человека как поживу для стервятников...

– Опять колдуны, – вздохнул Набонасар, – когда же это кончится?

– Вот сейчас и попробуем закончить это, – зло ответил скандинав, – я с них живых кожу сдеру! Однако – ты слышал? – он сказал про уничтожение всех людей.

– Это-то и странно, я заметил это, – ответил Набонасар, – они что, своего человека в караване оставлять в живых не собираются? Или его уже нет среди нас?

– Кто его знает, – неопределенно ответил скандинав, – хотел бы я сам знать это...

Еще некоторое время отряд скандинава двигался в быстром темпе, скрываясь за барханами. Наконец он остановил солдат. Вдвоем с Набонасаром, увязая в песке, они подня-

лись до вершины бархана, легли на живот и осторожно выглянули из-за нее. Впереди, на расстоянии полета стрелы, в песках стояло здание круглой формы с куполообразной крышей, огражденное глинобитным забором высотой немного больше роста человека, местами уже разрушенным ветром и напором песка.

– Купол прикрывает колодец от песка, – тихо сказал скандинав.

Большой двор внутри забора был заполнен людьми.

– А где же их кони? – тихо спросил Набонасар, – что-то их не видно.

Действительно, с полсотни человек во дворе были без лошадей.

– Они там, в другом здании, – ответил скандинав.

Немного сбоку располагалось другое глинобитное, на сей раз прямоугольное большое здание.

– Это конюшня с поилкой для коней. Видимо, они поят их. Но я не вижу никакой охраны...

– Тоже мне, вояки, – фыркнул Набонасар, – ведь действительно охраны нет!

– Или они настолько уверены в своих силах, что не боятся нападения, или уверены в том, что колдуны предупредят их в случае опасности, – рассуждал скандинав, – однако, пока ведут себя совершенно спокойно.

– А где остальные? – забеспокоился Набонасар, – ведь здесь не более, чем полсотни человек, где еще сотня? И не

видно ни колдунов, ни послов...

– Небось, прячутся в теньке, – ответил скандинав.

И точно, словно заслышав его слова, из конюшни вышло еще несколько десятков человек и начали устраиваться на песке в тени здания над колодцем.

– Атаковать надо с двух сторон, – у нас не так много человек, – разглядывая врагов, тихо сказал Набонасар.

– Ты прав, – так же тихо ответил скандинав, – я останусь здесь, буду наблюдать за ними, а ты со своими обойди их с другой стороны. Как только будешь готов, видишь бархан на той стороне? Махни оттуда чем-нибудь, но один раз. Я увижу. Отсюда мы обстреляем их из луков. Дистанция позволяет. Они бросятся под защиту стены с твоей стороны. А оттуда ограда частично разрушена. Ты досчитаешь до двадцати, чтобы они успели убежать поближе к тебе, и тогда атакуешь их. За это время они не успеют организовать, будут в панике только прятаться. Не давай им взять коней, выдели часть людей для атаки конюшни. Аккадцы плохие солдаты в пешем строю, но если доберутся до коней, плохо нам будет. Их же больше... Ну, давай!

Они ужами соскользнули с бархана вниз. Солдат на верблюдах Набонасар по большой дуге увел занимать позицию для атаки, а скандинав собрал оставшихся с ним людей и отдал необходимые для боя распоряжения. Солдаты его группы осторожно выползли поближе к вершине бархана и затаились.

Аккадцы чувствовали себя более чем свободно, смеялись, дурачились, играли в свои непонятные игры. Хотя их было раза в два больше, чем солдат у скандинава и Набонасара вместе взятых, скандинав знал, что если сразу же удастся внести сумятицу в их ряды, лишить единого командования, численное превосходство не будет играть решающего значения.

Набонасару не потребовалось много времени для совершения обходного маневра. В один из моментов над вершиной холма с другой стороны колодца появилась человеческая фигура, махнула рукой над головой и тут же исчезла. Никто из аккадцев не обратил на нее внимания, а если и обратил, то времени для проверки, что это было, у него уже не было.

– Готовимся, – передал скандинав по цепи лежащих за обратным скатом бархана солдат и скомандовал: – давай!

Три десятка находившихся с ним человек разом вскочили, и тридцать смертоносных стрел одновременно сорвались с тетив. Солдаты тут же рванули из колчанов за спиной следующую стрелу, затем еще и еще. Почти все они находили свою цель. Раздались крики раненых аккадцев. Они валились на песок, искали убежище и не могли его найти. Не сразу удалось понять им, откуда несется рой стрел. А когда разобрались и бросились в другую сторону, пытаясь укрыться за глиняной стенкой, что-либо предпринимать было уже поздно. Позади них появились неумолимые всадники на больших верблюдах и с ходу врубались в мечущуюся толпу.

Десяток солдат Набонасар отправил заблокировать выход из конюшни. Там внутри слышались крики и топот копыт. Большие ворота конюшни были распахнуты, и десяток всадников на верблюдах, остановившись в их створке, почти не целясь, метал стрелу за стрелой в мечущиеся в полутьму конюшни тени. Однако неожиданно несколько десятков коней разом устремились в ворота изнутри здания, остановить их было невозможно. Десяток верблюдов они просто смели в сторону. А следом за ними выскочила группа всадников и помчалась прочь. За ними выбежала большая группа аккадцев, но в нее тут же врубилась группа всадников на конях – скандинав уже привел своих солдат на помощь Набонасару. Часть аккадцев сразу же была перебита, часть бросилась обратно в конюшню. Следом за ними, избивая их, ворвались солдаты скандинава. А во дворе и вокруг него Набонасар завершал разгром находящихся там аккадцев. Уже почти сотня человек бездыханно лежала на песке, орошая его кровью. Организованно сопротивлялись еще только десятка полтора аккадцев, засев в дальнем углу конюшни и пуская оттуда стрелы.

К скандинаву подъехал забрызганный кровью Набонасар, на ходу вытирая окровавленный меч. Следом на быстрых арабских скакунах подлетели разгоряченные боем молодые жрецы.

– Часть их прорвалась, десятка три человек – вытирая лоб, быстро заговорил Бурна, – они разделились на две группы,

я видел это точно. В одной были колдуны, двое с нахлобученными на голову лошадиными черепами. Они поскакали налево, остальные направо.

– Получается, направо ушли послы, – подвел итога Набонасар, – ни среди убитых, ни среди тех, кто еще сидит в конюшне, их нет.

Скандинав согласно кивнул и взглянул на Набонасара. Тот без слов понял, что тот хотел ему сказать. Вздохнув, он спрыгнул с коня и, подозвав какого-то солдата, бросил ему поводья своего арабского скакуна.

– Вчетвером все же лучше, чем втроем, – сказал он, и добавил; – оставшихся аккадцев я передавлю и тут же пошлю верблюды к каравану. Мы соберемся здесь, у колодца, и будем ждать тебя.

Скандинав согласно кивнул головой и вскочил на коня. По его сигналу конные солдаты его отряда поскакали за ним. Только теперь не три десятка их было, как перед боем, а только два. Десять солдат остались лежать на песке, порубленные в ожесточенной схватке у колодца.

Впереди отряда скакал Бурна, видевший, куда умчались беглецы.

32. Погоня за колдунами

Широкий след трех десятков лошадей вел прочь от колодца. За ближайшим невысоким барханом он разделялся. Следы показывали, что полтора десятка лошадей ушли налево, а остальные направо. Скандинав разделил свой отряд. Шестнадцать человек во главе с десятником отправились по следам отряда, в котором были послы Энпилухана и Аккада. А сам скандинав отправился по следу уходящих колдунов. В его небольшом отряде было всего четыре человека – он сам, оба молодых жреца и солдат, которому Набонасар отдал своего жеребца, однако у всех четверых под седлом были быстрые арабские кони. И скандинав сразу же взял высокую скорость.

Кони быстро несли всадников, сокращая расстояние до преследуемых. Очевидно, их заметили, потому что два всадника выскочили из-за бархана и устремились на отряд. Не сбавляя скорость, скандинав, слегка отклонившись и пропустив мимо себя меч одного из них, рубящим ударом сзади-сбоку почти до седла раскрыл одного из напавших, а второй слетел с коня с кинжалом в глазу, пущенным рукой Шамши. Скандинав не стал оборачиваться. Он увидел главное – кони выскочивших навстречу всадников были заморены, покрыты пеной, следовательно, преследуемым не удаст-

ся далеко уйти.

Вскоре еще четверо всадников вынеслись навстречу скандинаву. Они держали луки наготове, и, едва преследователи подъехали к ним на расстояние выстрела из лука, спустили тетивы. Ехавший сбоку солдат поднял своего коня на дыбы – и сразу три стрелы попали в его живот. Конь упал и перевернулся через голову, солдат еле успел спрыгнуть с него, а тем временем скандинав и жрецы из своих луков сбили на песок двоих из напавших и через несколько мгновений скрестили мечи с двумя остальными. Лязг мечей, короткие вскрики, и скандинав, крикнув солдату, чтобы он забрал лошадей убитых аккадцев и возвращался к колодцу, в сопровождении жрецов пустился вслед за беглецами.

Впереди показался высокий песчаный холм, а по его склону вверх карабкались шесть небольших фигурок. Еще три всадника мчались в сторону преследователей. Это громко сказано – мчались. Замотанные, не получившие отдых кони еле передвигали ноги, безжалостно погоняемые сидящими на них людьми. Одна из лошадей упала, двое донесли всадников до преследователей, но изо ртов у них ключьями летела пена, и они упали от первого же столкновения с арабскими скакунами, сбросив седоков. Аккадцы не просили пощады. Один из них успел вскочить на ноги, но при падении выронил меч. Подобрать его ему уже было не суждено. Второму упавший конь навалился на ногу, и он не мог встать. Бурна молча расстрелял его из лука. Третий, чей конь упал раньше,

со всех ног бежал к холму, на который поднялись колдуны в сопровождении трех оставшихся солдат. А у подножия холма вдруг стала вырастать темная стена. Она поднялась выше самого холма и двинулась вперед, все быстрее и быстрее.

– Песчаная буря, – ахнул кто-то из молодых жрецов за спиной скандинава.

Действительно, огромные массы песка пришли в движение и неслись на людей. Однако не это было страшно – в конце концов известно, как пережить песчаную бурю. А страшно было то, что авангард песчаной стены составляли темные быстродвигающиеся всадники. Завидев их, бежавший к холму аккадец повернулся в обратную сторону и помчался было прочь. Однако стена быстро настигла его, и темные всадники мимоходом, не останавливаясь, разрубив несчастного одним сильным ударом, помчались дальше.

Скандинав и жрецы уложили на песок коней и закрыли им головы тканью, чтобы они не испугались и могли дышать, а сами выстроились клином – спереди скандинав, немного сзади по сторонам Бурна и Шамши. Рев ветра оглушил людей, и следом за первыми песчинками перед ними оказались таинственные темные всадники. Увернувшись от меча одного из них, скандинав рубанул по ногам коня. И конь рассыпался, распался на отдельные песчинки, тут же унесшиеся прочь под напором ветра. Так же распался на песчинки и всадник, которому меч слегка зацепил ногу. Песчаная буря продолжала бесноваться, отправляя в атаку все новых всад-

ников, однако теперь уже люди знали, как с ними бороться. Достаточно было слегка задеть любую часть всадника и лошади, как они распадались на песчинки. Однако нужно было и ускользать от смертельных взмахов мечей песчаных воинов.

Но вот в натиске бури наметился перерыв. Воспользовавшись им, люди подняли коней и очутились в седлах. Они вырвались из песка и помчались к холму, на вершине которого, воздев руки к небу, стояли колдуны. Завидев троих всадников, они с новой силой принялись читать заклинания. На полдороги к холму людей накрыла новая масса песка, снова началась битва с песчаной армией. Молодые жрецы уже были покрыты мелкими ранами, и скандинава тоже несколько раз зацепило мечом. По счастью, разрезы были неглубокими. Буря гнала своих воинов вперед, они не имели возможности остановиться. Так что сделав два-три взмаха мечом, песчаные солдаты уносились вперед, уступая место следующим. Это и облегчало сражение, так как участвовали в рубке только те песчаные солдаты, которые непосредственно были перед людьми, и можно было просто уклониться от схватки, и затрудняло одновременно, так как практически не было передышки в атаках, приходилось непрерывно двигаться, отбивать удары и наносить их самому.

Но вот бег песчаных всадников прекратился и воздух посветлел. И снова люди, быстро подняв коней, во всю прыть пустили их вперед, не ожидая, пока опадут последние пес-

чаные струи. И снова прямо перед ними начала подниматься темная стена. Однако скандинав направил коня прямо на нее и, мгновенно пробив ее, оставил у себя за спиной. Звякнула тетива его огромного лука, и один из колдунов в агонии забился на вершине холма. Три аккадца бросились по склону холма вниз на людей, а двое уцелевших колдунов скрылись из глаз, бросившись вниз по противоположному склону холма.

– Они ваши! – на бегу крикнул молодым жрецам скандинав, и они, бросив коней, устремились наперерез аккадским солдатам.

Судя по всему, эти солдаты входили в отборные части аккадского войска. Во всяком случае, мечами они управлялись ненамного хуже молодых жрецов и думали одержать быструю победу. И вооружены они были бронзовыми мечами, что указывало на их высокий статус. Двое из них схватились со жрецами, а третий помчался было наперехват скандинава, поднимающегося на вершину холма немного сбоку. Однако первые же моменты боя показали, что перед аккадцами не простые солдаты, и они дружно завопили, призывая в помощь третьего, который помчался к ним, оставив скандинава, который без помех быстро влетел на вершину. Оба колдуна, скользя по склону, опускались все ниже и ниже. Но вот один из них перевернулся через голову и забился на песке со стрелой в спине, второй же, скатившийся уже практически до подножия холма, бросился бежать к стоявшим неподале-

ку нескольким лошадям. Он был уже далеко за пределами досягаемости обычного лука и знал это, поэтому, стремясь добраться до спасительных коней побыстрее, бежал по прямой. На мгновение задержавшись, он повернулся к холму, поднял руки вверх и хотел прокричать проклятие, но стрела пробила ему горло, и он, удивленно выпучив глаза и хрипя, схватился за нее и упал на песок, так до конца и не поняв, откуда взялась эта смертоносная стрела. Тем временем завершился бой и на склоне холма. Несмотря на то, что их было трое, а жрецов двое, численное преимущество не помогло аккадцам, и они обильно полили своей кровью песчаный склон. А молодые жрецы, расправившись с ними, вслед за скандинавом спустились вниз, подозвали лошадей и не спеша отправились в сторону колодца.

Они проехали почти полдороги, когда конь едущего впереди скандинава вдруг отпрянул в сторону и заржал, едва не выкинув того из седла. Покрытые тонким слоем песка, повсюду были разбросаны трупы лошадей и людей. Скандинав сразу узнал солдат, отправленных им в погоню за послами. Здесь же лежали и сами послы с сопровождающими их аккадскими солдатами. Все они были убиты страшными режущими ударами. Что здесь произошло, вырисовывалось достаточно ясно.

Поняв, что возле колдунов шансы спастись все-таки выше, сделав большой крюк, послы вывели своих людей на следы колдунов и пошли по ним, рассчитывая объединить

группы. Здесь их и настиг посланный скандинавом отряд. Силы были примерно равны, однако в это время сюда пришла вызванная колдунами песчаная буря со смертоносными всадниками, не разбирающимися, где свой, а где чужой. Люди вынуждены были сообща отбиваться от нового врага. Об этом свидетельствовало положение тел. Лежали вперемежку и аккадцы и вавилоняне, убитые одинаково. Здесь никто не разобрался в способах защиты от песчаных воинов, и они приняли открытый бой, исход которого был предрешен. Люди сражались верхом, поэтому были перебиты и все кони.

Молодые жрецы прочитали подходящие этому случаю молитвы и, вздохнув, скандинав покинул поле боя. Хоронить убитых не было никакой возможности, пришлось оставить их в песках.

Сидя на уставшем коне, скандинав думал о том, догадались ли Хутрап и Набонасар, как справиться с песчаным войском и есть ли у колодца хоть кто-нибудь живой. Однако вблизи от колодца ему навстречу выехал небольшой отряд во главе с Набонасаром, вызванным постом, расположенным на одном из холмов. Набонасар не повторил ошибок аккадцев, погибших в результате собственного разгильдяйства, не выставивших сторожевое охранение. А у колодца его встретили Хутрап и Энинрис. Уставших арабских скакунов отвели в конюшню, а скандинава и молодых жрецов посадили ужинать. Энинрис сослалась на усталость и тоже ушла в тень конюшни.

– Это все, кто уцелел? – спросил Хутрап, взглядом указав на молодых жрецов.

Скандинав молча, не вдаваясь в подробности, кивнул головой. За ужином он узнал, как караван пережил песчаную бурю.

Сначала ничто не предвещало беду. Набонасар и с ним человек десять остались у колодца, где добили засевших в конюшне аккадцев, а всех верблюдов с остальными людьми он отправил к каравану, ведь там не осталось практически ни одного животного. Быстро нагрузив бактрианов и взяв с собой Энинрис и часть людей, Хутрап поручил остальным быстрее грузиться и отправляться вслед за ними.

Когда началась песчаная буря, они уже видели ограду колодца и бежали к ней что было сил. И тут появились необычные всадники. Солдаты попытались было вступить с ними в бой, но это было бесполезно. Лишь первая пятерка верблюдов успела укрыться в конюшне. Остальные бактрианы, бывшие при них погонщики и вся вторая часть каравана, состоящая из дромадеров,двигающаяся сзади, погибла. У них не было шансов спастись.

– Признаться, – сказал Хутрап, – я не чаял увидеть тебя живым. Из солдат едва уцелело десятка три человек.

– Однако, мы отбились от песчаных всадников, – сказал скандинав, – и убили колдунов.

И он рассказал про погоню за колдунами и как погибла часть его отряда.

И снова всплыли услышанные от захваченного аккадского разведчика слова о том, что приказано было убить всех, кто находится в караване. И снова сидящие у небольшого костра Хутрап, скандинав и Набонасар перебрали каждого оставшегося человека, но никого не могли заподозрить как аккадского шпиона и убийцу. Возможно, он был в числе убитых солдат, раз аккадцы никого не собирались выпускать живым.

Здесь же подсчитали и свои потери. Битва за колодец, последующее преследование колдунов и вызванная их колдовством песчаная буря стоили жизни более семидесяти человек, самые ужасающие потери за все время движения каравана. Кроме этого, погибли почти все верблюды, за исключением пяти бактрианов. Зато в конюшне остались почти полсотни коней, больше, чем в караване было людей. А к сегодняшнему дню в живых осталось всего-то, включая и сидящих у костра Хутрапа, скандинава, Набонасара, молодых жрецов и Энинрис, тридцать пять человек, десятая часть от первоначального количества.

– А где захваченные аккадцы? – спросил скандинав, – их же было десятка три или четыре.

– Я дал им полдесятка коней, нагрузили воду в мешках, немного продовольствия и без оружия выгнал, сказал, чтобы убирались, пока целы, – ответил Набонасар, – противно было резать их, словно стадо баранов, да и числом они превосходили нас, оставлять никак нельзя было. А угрозы без оружия они не представляли.

– Ну да, – заметил скандинав, – а о том, что в песках валяется уйма оружия погибших, ты как-то не подумал? Но затем началась песчаная буря...

– Признаться, упустил этот момент насчет оружия... Ну, значит, им не повезло, – жестко сказал Набонасар, – их сюда никто не звал. Во всяком случае, я сделал для них больше, чем они сделали бы для нас. Они бы с нас живых содрали кожу. Или ты сомневаешься в этом?

33. Гибель Бурны

Назавтра с утра, загрузившись водой настолько, насколько это было возможно (благо кожаных мешков хватало), караван покинул колодец. Тяжело нагруженные кони еле тащили навешанный на них груз. Их было почти семь десятков. До предгорий оставалось еще где-то три-четыре дневных перехода. Не зная местность, дальше воду вряд ли удалось бы найти. Исходя из этого, Набонасар задумал и последовательно осуществлял следующее. Как только какая-либо лошадь освобождалась от груза воды, она тут же была убита. Таким образом, каждый день высвобождался груз больше чем с десятка лошадей, соответственно уменьшался караван, а вместе с этим уменьшался и расход драгоценной влаги. Сократить количество лошадей в караване нужно было до такого количества, чтобы конь остался под седлом каждого. Следовательно, лишь три десятка лошадей были лишними для этой раскладки, и только они должны были остаться в пустыне навсегда, но не более, чем по десятку в день.

Уже побывавшие под седлом три арабских коня также были нагружены поклажей. Лишь два чудом уцелевших от дорожных приключений скакуна не были нагружены. Хутрап все еще не потерял надежду довести их в качестве подарка.

Еще три длинных дня люди и животные изнемогали в пес-

ках. Ужасающая жара высушивала их днем, а ночью становилось холодно настолько, что зуб на зуб не попадал. Дров даже для приготовления пищи оставалось мало, костров практически не жгли. Люди и животные обогревались, прижимаясь друг к другу. Однако горы становились все ближе и ближе, с каждым пройденным шагом вырастая и унося высоко вверх вершины.

Наконец, стало встречаться все больше участков, поросших не только чахлым кустарником, но и неприхотливой травой. Пустыня постепенно проигрывала бой горам, уступая позицию за позицией. Вот уже начались покрытые травой невысокие холмы. Местность постепенно повышалась. И в полдень четвертого дня пути где-то между холмами наконец-то встретился небольшой ручей.

У людей не оказалось сил, чтобы радоваться завершению тяжелейшего участка пути через пустыню. Они просто лежали, время от времени погружая голову в холодную воду. Бока животных настолько раздулись от количества выпитой воды, что на них было страшно смотреть. Никакими силами никого нельзя было сдвинуть с места. Набонасар быстро понял это и дал команду разбить лагерь.

Быстро вернулись отправленные на охоту всадники, которым вручили для этой цели поводья трех арабских скакунов, которым не позволили до упора наполниться водой. Охотники добыли несколько антилоп. Животные оказались не пугливыми, людей подпускали достаточно близко, что свиде-

тельствовало о том, что поселений рядом нет.

Низкорослых кривых деревьев и кустов вокруг было с избытком, и скоро в лагере уже запылали костры, распространяющие аромат жареного мяса. Жизнь брала свое и снова начала улыбаться людям. Они сразу повеселели. Снова стал слышен смех, посыпались шутки.

Три дня караван не двигался с места. Это объяснялось тем, что впереди был переход через горы, где прокормиться охотой было чрезвычайно сложно. И в эти дни Набонасар отправлял за добычей партии охотников. Мясо обжаривали, коптили и даже пытались вялить на жарком солнце. Были отправлены и небольшие разведывательные группы с целью определения дальнейшего маршрута.

Впереди караван ожидали вытянутые вдоль границы с Эламом складчатые горы с крутыми склонами. Но дойти до гор – это одно, а выйти в горы – это тоже сложная задача. Дело в том, что у подножий гор распространены колючие кустарники, занимающие обширные пространства. Длинные плети, покрытые острыми иглами, переплетены и спаяны между собой, представляя непроходимую несокрушимую колючую стену. Если живые побеги еще можно было как-то перерезать, то давно высохшие окаменевшие ветви успешно сопротивлялись и ударам топора. А еще колючие заросли были прекрасным местом жизни для бесчисленного количества всевозможных змей, гирляндами свисавших с побегов и ползающих под ногами. Редким животным удавалось про-

никнуть через эту преграду.

Одной из поисковых групп удалось найти достаточно удобное место немного южнее места остановки каравана. Это была тропа, проложенная, по всей вероятности, дикими кабанами. Достаточно широкая, она не заросла потому, что ею постоянно пользовались. По сути дела это был тоннель с колючими стенами. Правда, высоты, чтобы пропустить по ней высокого двугорбого верблюда, колючему тоннелю все же не хватало. Его обнаружили буквально в первый же день нахождения на стоянке, и в последующие дни посланные в него люди понемногу увеличивали высоту свода до приемлемых размеров.

Энинрис, несмотря на перипетии опасного пути, по-прежнему держалась молодцом. Готовила еду, стирала, зашивала, делала все, что могла в условиях дороги. По-прежнему вокруг нее увивались молодые жрецы, помогая ей во всем. А столкновения между жрецами все учащались. Они были незаметны для постороннего взгляда, но где-нибудь в стороне от чужих глаз они уже были готовы с помощью оружия решить между собой вопрос о том, кому будет принадлежать девушка. Недоставало только какого-нибудь подходящего повода. Сама же девушка, как и ранее, боле благосклонно принимала помощь от Бурны, более прямого и бесхитростного, чем Шамши, доводя того до белого каления.

Утром четвертого дня караван отправился в дорогу. Тридцать пять человек ехали на конях. К седлу каждого был при-

торочен запас провизии и немного воды. Лишь пять уцелевших бактрианов и столько же лошадей везли груз – дрова, сено, немногие уцелевшие подарки для Пели, шатер Хутрапа, котлы для приготовления пищи и разную мелочь.

Медленно и осторожно на большом расстоянии один от другого люди переводили животных по колючему тоннелю. А он был достаточно длинным – не менее пяти полетов стрелы. Верблюды шли, низко опуская голову – поднять потолок до удовлетворяющей их высоты не получилось, и головы их прикрыли щитами, привязанными сверху, придающими им комичный вид, но серьезно помогающими избежать укулов.

Какая-то лошадь ближе к середине вытянутой нитки каравана сильно укололась и, заржав и дернувшись в сторону, нанизалась на еще большее количество острых игл. Сделав большой прыжок, она еще больше запуталась в колючках, упала на землю и стала биться, пытаясь освободиться, оглашая воздух истошным ржанием. Ведший ее солдат отпрыгнул вперед и, помня полученные распоряжения, сорвал со спины лук. Стрела, а затем кинжал прекратили ее мучения. Произошло это ближе к началу тоннеля, и он оказался закупоренным. Однако этот случай особо оговаривался при подготовке перехода. Те, кто был сзади, остановили ведомых животных, успокаивая их. Развернуться назад было невозможно, и двигаться задним ходом опасно. Они просто стояли в ожидании. Те, кто был спереди, продолжили движение, пока не освободили тоннель. И тотчас в него отправилась

группа людей. Они на месте разрубили конскую тушу на части и потащили их к выходу, освободив проход для следующих сзади животных.

Лишь этим инцидентом и омрачилось преодоление колючей преграды. Что ж, вместо пяти вьючных лошадей осталось четыре. Сделать ничего было нельзя. По кабаньей тропе, ведущей вперед, караван двинулся дальше. Разведчики прошли по ней и обнаружили, что она уходит в горный массив. Следовательно, по ней смогут пройти и лошади с верблюдами. Этот маршрут и был выбран в качестве основного.

Ночь застала караван уже в горах. Со всех сторон были пока еще невысокие горные вершины. Караван же остановился на берегу мелкого ручья.

Ночь в горах приходит внезапно – вот было еще светло, но скрылось солнце – и уже темно. И сразу же начинает опускаться холодный воздух.

Еще были в воздухе последние лучи закатного солнца, когда Шамши ушел вверх по едва заметной тропе, намереваясь, пока светло, взглянуть на дальнейший путь. Тропка шла по берегу ручья с одной стороны и глубокой пропасти с другой. Однако ушел он недалеко. Сразу же за перевалом обнаружилась площадка, на которую с двух сторон выходила дорога. Он немедленно отправился назад, чтобы доложить о сделанном открытии. Выйдя из-за большого камня, он остолбенел. В нескольких шагах от него на валуне у ручья боком к нему, закинув руки за голову, стояла Энинрис.

Одежды на ней не было. Вызывающе торчали соски красивой округлой груди. Ее прекрасное тело было по-змеиному изогнуто и устремлено вверх. Шамши обомлел. Непослушными ногами он сделал несколько шагов к ней. Она услышала его шаги и обернулась, опустив руки вниз. Его взгляд скользнул по ней сверху вниз, и он почувствовал, как горячая волна прошла по его телу. Он поднял руку, коснулся ее горячей упругой груди, но в это время его с силой рвануло назад. Он покатился по камням, но тут же вскочил и выхватил меч. Напротив него стоял Бурна, тяжело дыша и тоже сжимая меч. Они тут же сшиблись, орудуя мечами. Энинрис вскрикнула, подхватила одежду, присела и закрылась ею.

Будучи оба воспитаны в одном и том же месте, обучаясь у одних и тех же мастеров, Шамши и Бурна примерно одинаково владели мечом. Раз за разом они сходились в ожесточенном сражении, но никто не мог одержать верх. Вот уж скрылось солнце, а они по-прежнему, тяжело дыша и обливаясь кровью от многочисленных, но мелких порезов, наносили удар за ударом. Энинрис по-прежнему сидела на корточках, словно окаменев, не произнося ни звука, прикрывшись одеждой. Наконец меч Бурны скользнул по руке Шамши, нанеся глубокую рану и выбив из нее меч. Бурна подскочил к Шамши, взмахнув мечом для последнего удара. Но его нога попала на камень и подвернулась. Он взмахнул руками, стараясь удержать равновесие, но начал падать вперед и схватился за Шамши. Небольшой кинжал, который висел

на поясе Бурны, оказался в руке Шамши и точно вошел в сердце. Бурна упал, дернулся, и его глаза остекленели. Из рта потекла небольшая струйка крови.

Тяжело дыша, Шамши подошел к Энинрис.

– Теперь никто не отнимет тебя е меня! – сказал он дрожащим от напряжения голосом.

Она вскрикнула и, обнаженная, бросилась к Бурне. Обхватив его голову, она всматривалась в его лицо. Слезы закапали из ее глаз. Затем она вскочила на ноги и подбежала к Шамши.

– Ты убийца! – закричала она, – зачем ты убил его? – и заколотила кулачками по его груди.

Шамши некоторое время смотрел на нее, затем к нему постепенно вернулся рассудок. Он упал на колени, обнял ее голые ноги и прижался к ним головой.

– Я люблю тебя, это выше всего в жизни... – простонал он.

Она стояла твердая и холодная, как скала.

– О, сжался, сжался! – говорил он, и огоньки безумия начали загораться в его глазах, – ты видишь, я пожертвовал ради твоей любви самым дорогим, что у меня было – жизнью моего единственного друга...

Она отвернулась и, изгибаясь всем прекрасным телом, провожаемая его взглядом, подошла к своей одежде и набросила на себя длинную рубашку.

– Уходи, ты мне противен! – презрительно сказала она, – по правде говоря, вы оба не стоите и мизинца Набонасара!

Шамши, взглянув в ее глаза, сделал шаг назад, затем еще шаг.

– Что ты с нами сделала? – почти кричал он, – зачем ты околдовала нас?

Под ее взглядом он делал шаг за шагом назад, пока с криком спиной вперед не полетел в разверзшуюся за его спиной пропасть.

Энинрис глубоко вздохнула, взглянула на лежащего лицом вверх Бурну с торчащей из груди рукояткой кинжала и бегом бросилась в лагерь, где, захлебываясь от рыданий, рассказала о том, что Шамши заговорил с ней, а Бурна начал с ним схватку. И что Шамши убил Бурну у ручья прямо на ее глазах а затем сам бросился в пропасть.

Схватив факелы, в сопровождении солдат Хутрап, скандинав и Набонасар бросились к месту поединка. Там все вокруг было покрыто кровью. Следы свидетельствовали о длительном поединке. Рассматривая их, Хутрап горестно качал головой.

– Как же это я недоглядел? – вслух с горечью рассуждал он, – ведь можно было догадаться, а я не придавал значения, думал, перебесятся!

Они долго рассматривали место, откуда Шамши упал в пропасть. Ночью ничего нельзя было рассмотреть. Всю ночь Энинрис проплакала, скрывшись в шатре за своей загородкой и утром вышла с красными заплаканными глазами, отказавшись от завтрака.

С рассветов Хутрап снова отправился туда же, но пропасть была слишком глубокой, на дне ее бурлила горная река, а ниже на стене можно было рассмотреть только пару мест со сломанными небольшими кустами, мимо которых пролетело тело Шамши.

Бурну похоронили здесь же, навалив на его тело множество камней. А через некоторое время караван уже двигался по горной дороге, которую злополучным вечером обнаружил Шамши.

34. Сусан (Сузы)

Последующие дни прошли в памяти Набонасара, как в тумане. Караван двигался по узким тропам невысоких гор то вверх, то вниз, изредка останавливаясь на ночевку во встречных деревнях, чаще просто на подходящих горных площадках.

Как ни хотелось Хутрапу обойти стороной Сусан, однако люди и животные были вымотаны горными тропами донельзя. И надо было пополнить запас продовольствия. Пришлось рискнуть и под видом сопровождения собравшегося на охоту богача направиться напрямиком в город. Это было единственное подходящее объяснение. Торговым караваном назваться никак было нельзя. Во-первых, что это за торговый караван, у которого совершенно нет товаров? И, во-вторых, странный вид был у людей – у многих еще белели на головах, руках и ногах повязки, следы сражения в песках. По счастью, это можно было выдать за результат схватки с каким-нибудь крупным зверем.

Начальник смены городской стражи, командовавший в воротах, с удивлением и даже некоторой опаской осматривал людей и поклажу, однако получив положенную плату за проход в город и даже немного сверх того, что, несомненно, отложилось в его кармане, и узнав, что небольшой караван

простоит в городе всего два дня, приказал пропустить его в город.

Уже вечерело, когда люди разместились на каком-то постоялом дворе. Хутрап не мелочился и совершенно не стремился сэкономить, поэтому постоялый двор и был расположен в центральной части города. Комнаты в нем были весьма приличными и еда очень даже неплохого качества. Хутрап попросил хозяина постоялого двора также найти хороших мастеров по изготовлению шатров. Его шатер, существенно пострадавший при переходе через ирак, снова требовал ремонта. В наступивших сумерках появились мастера и увезли шатер, пообещав сделать ремонт к утру.

Впервые за много времени люди сумели в нормальных условиях отдохнуть и выспаться, хотя Набонасар и выставлял ночной пост.

Рано утром в покоях, занятых Хутрапом, появился посыльный от мастеров, занимающихся ремонтом шатра, и он, чертыхнувшись, встал и, наскоро ополоснувшись, отправился с ним. Однако вернулся довольно быстро и снова завалился спать почти до самого завтрака. Когда все собрались в большой столовой за едой, Хутрап объявил, что караван простоит на отдыхе еще полные день и ночь, и отправится дальше лишь завтра с утра. Поэтому все, кроме караула, могут отдыхать и погулять по городу, но к обеду должны вернуться, так как в это время Хутрап расскажет о дальнейшем маршруте и надо будет готовиться к выходу. А сейчас он в

сопровождении скандинава отправится с визитом вежливости к правителю города. Кроме того, только правитель города выдает разрешение на переправу через мост реки Карун.

– Пойдем со мной, – предложил он Энинрис, – познакомлю с Эпарти, правителем города. Это начитанный и умный человек.

– Не привыкла я разговаривать с вельможами, да и голова разболелась, – отказалась она, – я лучше на рынок схожу, развеюсь...

Через некоторое время Хутрап в сопровождении скандинава был у дворца правителя Сусана. Под удивленными взглядами перешептывающихся между собой жрецов богини Пиненкир, во множестве прогуливающих по двору и покоем правителя, они прошли в комнату для приема. Эпарти не стал принимать их в парадном зале, а назначил прием в своем рабочем кабинете, стремясь этим унижить Хутрапа и низвести его до роли обычного просителя.

Он даже не встал со своего места у стола, едва Хутрап появился на пороге кабинета. За спиной правителя города у стены выстроились с полдесятка вооруженных стражников. А сбоку неприметно стал кто-то из его советников, облаченный в жреческую одежду.

– Что тебя принесло сюда? – сквозь зубы спросил Эпарти, не поднимая глаз.

– Ты, сын шакала! – тихо, но внушительно, сказал Хутрап, без приглашения опускаясь на стоявший по другую сторону

стола табурет.

Он не собирался щадить самолюбие правителя города.

– Ты вздумал унижить меня, посла твоего будущего господина Пели, – тем же тоном продолжал Хутрап, – и думаешь после этого остаться здесь правителем? Но я не уверен, что ты вообще останешься с головой!

– Ты вздумал пугать меня, Хутрап? – вскинулся взбешенный Эпарти, – но берегись, как бы не пришлось вытаскивать отсюда твое обезглавленное тело!

– Ты как был недоумком, так им и остался, – презрительно сказал Хутрап, – это видно хотя бы из того, что стоит мне шевельнуть пальцем, и ты тут же отправишься туда, откуда не возвращаются, вместе со своими охранниками!

Скандинав как несокрушимая скала стоял за его спиной. И Эпарти, несмотря на маячивших за спиной солдат, сразу же почувствовал себя незащищенным. Гигант, стоявший за Хутрапом, без сомнения, отправил бы и его охрану, и самого правителя города в чертоги его покровительницы богини Пиненкир в мгновение ока. В этих условиях поневоле приходилось быть настороже, не доводя до открытого конфликта.

– Ладно, ладно, – примирительно махнул рукой Эпарти, – признаться, я не думал, что ты

придешь ко мне. Я слышал, что ты должен везти завещание...

– Я и везу его, поэтому ты должен лизать пыль под моими

ногами и молиться, чтобы уцелеть!

– Его еще надо довести, – заметил Эпарти, – однако, заведем о наших разногласиях... Что же ты хочешь от меня, ведь за чем-то ты появился здесь?

– Ты сейчас же выпишешь подорожную до Аншана с приказом о содействии мне вместе с пропуском по мосту через Карун. Я пробуду в городе до завтрашнего утра, но то, что я сказал, должно быть у меня сейчас же!

Стоявший сбоку жрец тихо зашептал что-то в самое ухо Эпарти. Тот улыбнулся, взглянул на Хутрапа и утвердительно кивнул головой.

– Зачем нам ссориться? – широко улыбаясь, воскликнул правитель города, – вот и жрец богини Пиненкир также настойчиво советует выполнить твою просьбу.

Эпарти позвонил небольшим бронзовым колокольчиком, стоявшим перед ним на столе. В боковую дверь вбежал пи-сец. Выслушав правителя города, он немедленно исчез. На столе появились фрукты в дорогих вазах и вино. Хутрап поблагодарил, но не прикоснулся ни к чему. В ожидании, пока принесут готовые свитки, он коротко отвечал на расспросы Эпарти про Вавилон. Вскоре подорожная и пропуск были готовы. Наложив на них личную печать, правитель Сусана протянул их Хутрапу. Тот взял их и, не прощаясь, покинул кабинет.

– Откуда он взялся? – зло спросил Эпарти, едва за Хутрапом закрылась дверь, – и почему мне не доложили о том, что

он в городе?

– Никто не знал о его прибытии, он внезапно появился у дворца, сделать уже ничего нельзя было, – ответил секретарь.

– Тогда у тебя хватило ума, чтобы проследить, куда он направляется и сколько их там?

– Это сделано, господин. За ними посланы соглядатаи. Скоро мы все будем знать.

– Поставь в известность об его появлении городского верховного жреца богини Пиненкир. Его люди должны ночью устранить Хутрапа и забрать завещание.

– Я понимаю и все сделаю незамедлительно.

35. Визит аккадского гостя. Нападение на постоянный двор

Вскоре после того, как Хутрап отправился ко дворцу правителя города, в кабинет старшины купцов большого аккадского торгового двора, расположенного неподалеку от городской стены, стремительно зашел начальник охраны двора и, несмотря на то, что в кабинете больше никого не было, что-то зашептал ему на ухо. Глаза у старшины купцов расширились, он вскочил и согласно кивнул головой.

– Немедленно убери всех с дороги, ни один человек ничего не должен видеть, раз последовала такая просьба, – сказал он, – и обеспечь нас фруктами и напитками! Веди сюда и оставь нас наедине.

Когда вошедший человек, дождавшись ухода начальника охраны, сбросил капюшон с головы, старшина купцов низко поклонился ему.

– Ко мне поступил приказ Нарамсина, царя Аккада, оказывать тебе всяческое содействие. Приказывай, что надо исполнить.

В это время раздался негромкий стук в дверь. Гость сразу же снова набросил капюшон на голову, и только тогда старшина купцов разрешил стучавшему войти. Стучал началь-

ник охраны, принесший большое блюдо, доверху заполненное фруктами, и сосуд с напитком. Поставив все это на столик, он с поклоном удалился. Гость снова отбросил капюшон и набрал горсть фисташек.

– У меня мало времени, – сказал он, – вернее, его нет совсем. Поэтому слушай, что ты должен будешь сделать. Хутрап, посол Пели, с завещанием находится на постоялом дворе в центре города.

– Как эта хитрая лиса забралась в курятник, где вокруг полно собак? – удивленно спросил старшина купцов, – это абсолютно на него не похоже! За этим что-то кроется!

– В караване нет припасов, он вынужден был завернуть сюда, – ответил гость, изредка бросая в рот орешки, – иначе бы все остались без еды.

– Но это так неосторожно с его стороны! – покачал головой старшина купцов.

– Ты кому служишь – Эламу или Аккаду? – разозлился гость, – слушая тебя, кажется, что нашим врагам!

– Я просто пытаюсь понять Хутрапа. Я уверен, что за этим что-то стоит!

– Пусть стоит, что хочет, – ответил гость, – теперь это не имеет никакого значения. Ты должен сделать вот что. С Хутрапом всего-то тридцать человек. Правда, есть там один, стоящий десятка. Однако сотня человек сегодня ночью должна истребить всех их. Затем проверить каждую складку их одежды. Надо найти завещание. Он так спрятал его, что

я до сих пор не могу понять, куда.

– Может, носит под одеждой? – спросил старшина купцов.

– Нет, точно нет. И ни у кого из его ближайшего окружения его нет. Возможно, где-то в караване находится его доверенное лицо, которое хранит завещание в своих вещах... Никто не должен уйти. Я же буду в самой дальней комнате, под столом. Смотри, не ошибись!

– Сотня моих людей перед восходом солнца, когда самый сильный сон, совершит налет. Я все понял. Мы обставим это, как обычное ограбление.

– Это твои проблемы, что ты будешь дальше делать. Мне же нужно завещание, а для этого нужны трупы их всех без исключения! Конечно, кроме самого Хутрапа, его надо захватить только живым!

Гость снова надвинул капюшон. Старшина купцов вызвал начальника охраны и приказал незаметно проводить визитера к выходу со двора. И вскоре нежданный гость растворился в толпе народа, бродившего по узким лабиринтам улиц, а начальник охраны аккадского торгового двора вместе со старшиной купцов еще долго сидели, обдумывая план нападения на посольство, руководимое Хутрапом. Тем более, что условием было то, что никто из сопровождающих Хутрапа людей не должен был уйти. Поэтому было решено, что участвовать в нападении должно не менее двух сотен человек. Из них сотня составляет первую волну атакующих, полсотни человек дополнительно перекрывают возможные пути отступле-

ния, а оставшиеся полсотни составляют стратегический резерв и направляются, если встретится упорное сопротивление и защитникам удастся укрепиться где-нибудь внутри постоянного двора. Слишком многое зависело от этого завещания. И старшина купцов дал приказ людям не жалеть.

Несколько аккадских шпионов вскоре уже прогуливались у входа в постоянный двор, изредка заглядывая внутрь него, чтобы узнать, как будет организована его ночная охрана. Однако перед обедом на постоянный двор вернулись из города все отпущенные люди, и его ворота закрыли, лишив шпионов возможности наблюдения. Им оставалось лишь следить за воротами, ожидая, что кто-нибудь выйдет наружу. Однако никто не выходил, внутри постоянного двора царила тишина, изредка нарушаемая ржанием лошадей и криками верблюдов.

В полной темноте перед самым рассветом на окружавших постоянный двор улицах произошло какое-то движение и послышался легкий шум. Две сотни вооруженных аккадцев во главе с начальником охраны торгового двора и в присутствии старшины купцов тихо окружили его. Однако, к их удивлению, постоянный двор был освещен факелами, изнутри него слышалась беготня людей и какие-то выкрики.

– Они узнали про наше нападение и готовятся обороняться! – тотчас сообразил старшина купцов, – атакуй немедленно, пока они не приготовились!

Начальник охраны тут же подал условный сигнал, и сотня

человек, с оружием наизготовку перемахнув через забор по принесенным с собой лестницам, со всех сторон вломилась на территорию двора и напала на находящиеся там людей. Произошла ожесточенная рубка. Однако, против ожидания, не тридцать человек оказалось на дворе, а много больше, и числом они никак не уступали напавшим аккадцам, ели не превосходили их. Шум ожесточенного сражения был таким, что проснулись люди в расположенных поодаль домах и, вооружившись, высыпали на улицы, решив, что какой-то враг внезапно напал на город и пробрался в центр города.

Ворота постоянного двора распахнулись, и, ведя за собой полсотни человек усиления, начальник охраны и старшина купцов вломились внутрь. На дворе лежало множество убитых и искалеченных людей с обеих сторон. К этому времени сражение временно затухло, воюющие стороны отодвинулись друг от друга, собирая силы для нового натиска. Но...

– Прекратить! – внезапно, что было сил, закричал старшина купцов, выбегая вперед. Ничего не понимая, но подчиняясь команде своего начальника, начальник охраны повторил его команду. Сгрудившись у ворот, аккадцы опустили мечи.

Такая же команда послышалась у противника, с противоположной стороны, и навстречу старшине купцов из их нестройных рядов вышел... хорошо ему знакомый городской верховный жрец богини Пиненкир.

Они молча смотрели друг на друга.

– Ловко он нас провел! – сквозь зубы сказал старшина купцов.

– Но ты ничего не сказал мне, что они здесь! – зло выкрикнул жрец, – тогда бы ничего этого не было!

– Я сам мог управиться с ними! Это и наше дело! – ответил старшина купцов, яростно сжимая кулаки.

– Вон оно – твое дело! – зло кивнул головой на заваленный телами двор жрец.

– Но как это могло случиться, что мы приняли за врагов друг друга? – приходя в себя, спросил старшина купцов, – и куда делся Хутрап?

– Понятия не имею, – признался жрец, – мы только пришли, и тут со спины напали твои люди. Я и решил, что это засада Хутрапа...

Сражение прекратилось. Люди начали перевязывать раны и складывать в одно место убитых. Жрец послал своих людей обыскать постоянный двор снизу доверху.

– Сведения, что Хутрап здесь, мне послал правитель Эпарти, – сказал верховный жрец, ожидая результатов обыска, – у него был сам Хутрап.

– А у меня был один надежный человек, – сказал старшина купцов, – он точно знал, что посол Пели будет здесь до утра. Ничего не понимаю! Куда он мог пропасть?

Результаты обыска принесли еще больше непонятного для старшины купцов и верховного жреца. Все животные – кони, верблюды, и весь груз каравана были на месте. Не было толь-

ко ни одного человека. Вообще ни одного! Тем временем, отдуваясь, в сопровождении нескольких вооруженных человек сюда прибежал хозяин постоялого двора. Его немедленно доставили к глазам верховного жреца.

– Где твои постояльцы? – зло спросил его старшина купцов.

– А что, их разве нет? – удивленно переспросил хозяин, – они заплатили мне положенную плату и попросили, чтобы никого не осталось из слуг. Что они сами со всем управятся. Слуг я отпустил, и сам ушел, где-то к обеду.

– Как они могли уйти и куда? – спросил верховный жрец. Хозяин постоялого двора только в недоумении развел руками.

Прибывшему к постоялому двору отряду городской стражи верховный жрец показал распоряжение правителя города, согласно которому под его руководством происходила поимка государственных преступников, скрывающихся в данном постоялом дворе, и запрещалось кому бы то ни было вмешиваться в его действия. Командир отряда пожал плечами и увел отряд обратно в казарму. Вмешиваться у него не было ни причин, ни желания.

Тем временем уже начало светать, и обыск подошел к концу. Верховного жреца и старшину купцов позвали на дальний конец двора и показали обнаруженный хитро замаскированный лаз в окружающем его заборе, через который люди Хутрапа незаметно покинули двор. Зло плюнув, верхов-

ный жрец приказал дать хозяину постоялого двора пятьдесят плетей, чтобы он в дальнейшем знал, кому можно сдавать места, а кому нет. Вскоре крики избиваемого стали доноситься из одного из строений, а люди старшины купцов и верховного жреца, забрав с собой раненых и убитых, начали уходить с постоялого двора. В ночной схватке погибло почти полсотни человек с обеих сторон, и почти столько же было раненых. Верховный жрец приказал своим людям конфисковать и доставить к нему оставшихся от каравана животных, в том числе и трех прекрасных арабских скакунов. Старшина купцов не посмел возразить ему, хотя ему и чрезвычайно хотелось самому завладеть ими.

Дальнейшие действия городской верховный жрец и старшина аккадских купцов проводили уже совместно с правителем города, сидя за столом его кабинета и выслушав прежде массу нелюбезных эпитетов и ругательств в свою сторону. Обсуждали дальнейшие действия по поимке Хутрапа.

– У них было еще два редких арабских жеребца, – вспомнил старшина купцов, – и их должны были запомнить стражники городских ворот, если только их уводили из города. Надо немедленно организовать опрос городских стражников.

К стенам города немедленно были отправлены гонцы с соответствующим распоряжением.

– Я не могу сказать, кто у меня есть в его сопровождении, – откровенно признался старшина купцов в ответ на требование правителя города сказать, откуда у него подроб-

нейшие сведения о составе каравана Хутрапа, – это будет стоить мне головы. Могу только сказать, что он настолько засекречен, что даже лицо его видели только несколько посвященных. И к нему никак не обращаются в разговоре, чтобы даже случайно никто ничего не догадался. Он ищет, куда Хутрап спрятал завещание, но пока безуспешно. Вроде и спрятать негде, однако обнаружить до сих пор не удалось.

– А, может, и нет у него этого завещания? – спросил правитель города.

– В том то и дело, что есть. Хутрап его несколько раз держал в руках, проверяя, не отсырел ли свиток. Но вот только куда он затем его прятал – неизвестно. Поэтому надо взять Хутрапа непременно живым, а раскаленные угли развяжут язык любому...

Вскоре после завтрака, поданного прямо в кабинет, примчались посыльные с известиями, что караван в четыре десятка лошадей, в котором находились два неоседланных арабских жеребца, вчера после обеда вышел из городских ворот и направился в горы, по направлению к переправе через реку Карун.

– Ну вот, прояснилось, – довольно улыбнулся правитель города, – это точно они. Хутрап бросил трех прекрасных арабских жеребцов только потому, что они были заседланы, а этих ведет с собой в качестве подарка. Сколько ты говоришь там человек в караване, немного больше тридцати?

– Мои люди более подготовлены к походам, чем твои

стражники, – вмешался старшина купцов, – они привыкли сопровождать караваны и лучше будут чувствовать себя в горах.

– Я с ним согласен, – кивнул головой верховный жрец, – пусть направит сотню своих людей вдогонку.

– И следопыты, умеющие читать следы, найдутся, – утвердительно кивнул старшина купцов.

– Ну что ж, быть по сему, – подвел итог правитель города, – но смотри, купец, если твои люди ошибутся, всем нам не сносить головы! Так что надо землю грызть, но достать завещание! И не забывай, что Хутрап имеет полдня запаса. И возьми для своих людей подорожную. Я подпишу.

– Не беспокойся, будут землю грызть, если потребуется! – заверил старшина купцов.

Еще оставалось порядочно времени до полудня, когда сотня аккадских солдат, переодетых в гражданскую одежду, но в полном вооружении, имея каждый заводную лошадь, вышла из городских ворот и на рысях помчалась в сторону далекой переправы.

Через два дня в ту же сторону помчались еще три сотни всадников. Их возглавлял сам Эпарти, правитель Сусана, не выдержав напряжения ожидания вестей от направленной за Хутрапом погони и решив лично узнать ее итоги на месте, у моста через Карун.

36. Уход из Сусана

– Ты что, с ума сошел? – едва разошлись отпущенные в город люди, спросил Хутрапа Набонасар, – отправляешься к городскому правителю, который с потрохами сдаст нас всех аккадцам до завтрашнего утра, едва узнает, что ты здесь, да еще и с нужным им завещанием!

– А с чего ты решил, что мы здесь задержимся до завтрашнего утра? – усмехнулся Хутрап, – эта байка как раз и рассчитана на тех, кто будет готовить нападение, поэтому я и изложил ее во всеуслышание. Аккадский шпион сейчас должен встретиться со своими и рассказать, что мы будем здесь сидеть до утра. Нападение они будут готовить ночью, а мы уйдем сегодня же сразу после обеда, опередив их на полдня. Пока они сообразят и соберут силы, мы будем уже далеко. Кроме этого, есть еще одна задумка. Что мы будем до утра, узнает и Эпарти. Этот тоже захочет выслужиться, только перед Энпилуханом. И тоже будет готовить ночное нападение. Пусть пободаются в темноте друг с другом!

– Хорошее предложение! – одобрил Набонасар, – интересно, что сказал насчет всего этого скандинав?

– А как он может возражать против того, что сам придумал и предложил? Но смотри, – предупредил Хутрап, – об этом плане, кроме нас троих, не знает ни одна живая душа.

Ты должен осторожно приготовить все к отъезду. И еще одно, – добавил он, – ситуация сейчас для нас действительно чрезвычайно сложная, поэтому, согласно распоряжениям, о которых ты знаешь, полноту власти в караване с этого момента я возложил на скандинава.

Набонасар, понимающий существенную роль скандинава в событиях, был далек от мысли о честолюбивых вопросах первенства и всегда думал только об интересах дела.

– А шатер, его же не успеют отремонтировать?

– Не будет с нами никакого шатра, и верблюды останутся здесь. И лошади тоже. Только двух арабских скакунов ты прямо сейчас уведешь. Их жалко оставлять.

Набонасар в недоумении уставился на него.

– Нас всех ровно тридцать пять человек, – продолжал Хутрап, – нет, бедных Бурны и Шамши уже нет, значит, тридцать три человека. Всего надо сорок лошадей. Также нам необходимы припасы на дорогу. Твое дело до обеда обеспечить это. И сосредоточишь все это в постоянном дворе слева от городских ворот. Мы проходили мимо него, помнишь? Туда и приведешь скакунов.

Набонасар, начав понимать хитроумный замысел, утвердительно кивнул головой. Он хорошо запомнил большой огороженный крепким забором двор и даже предлагал остановиться в нем. Однако Хутрап направился дальше, в центр города.

– Мелкими группами, незаметно, после обеда мы выйдем

отсюда, проберемся на тот двор и сразу же уходим из города. Половину дня нам придется гнать коней быстро, чтобы обеспечить отрыв от погони. А в следующие дни погоня будет висеть на хвосте. Правда, этой ночью им будет немного весело, если все пойдет так, как ожидается. Но к утру они придут в себя. Так что легкой жизни нам еще долго не предвидится. Возьми это золото, – Хутрап передал Набонасару увесистый мешочек, – это на твои расходы. Там же, на постоялом дворе, будет ждать проводник. Он проведет нас до моста через реку Карун. Троп не так и много, но лишь одна из них ведет на единственный мост. Как бы нам не заплутать... Надо выйти к мосту раньше преследователей, иначе они запрут нас и не дадут переправиться. Подготовь коня и для проводника. Да, об оплате с проводником договорись сам. И до обеда ты должен все успеть.

– А как поступить с хозяевами постоянных дворов? – уже продумывая про себя план работ, спросил Набонасар.

– Они оба знают, что им надо делать. Они давние приверженцы Пели. Правда, тому, где мы находимся сейчас, придется несладко, – усмехнулся Хутрап, – когда здесь начнется заварушка и аккадцы с солдатами правителя города сначала передерутся, а затем разберутся, что к чему, хотя он вроде бы и ни при чем, однако ему точно отсыпятся полсотни плетей, никак не меньше. Но ему, как и другому, хорошо заплачено за помощь, кроме того, когда к власти придет Пели, он будет назначен помощником нового правителя города, и в память

об избиении будет мстить обидчикам, чем только может. А на первых порах это будет нам очень даже с руки...

Набонасар немедленно, пока не началась слезка, лично увел двух арабских скакунов. А вскоре он уже небольшими партиями, чтобы не привлекать особого внимания, закупил четыре десятка не быстрых, но выносливых в горах лошадей, приказав немедленно доставить их на расположенный вблизи городских ворот постоялый двор. Также он закупил продукты на десять дней на тридцать пять человек, немного корма для арабских скакунов, казаны для приготовления пищи, шерстяные одеяла, чтобы спать на них ночью, и еще некоторые нужные мелочи, вроде кожаных ведер и тому подобного. К обеденному времени все было сосредоточено на постоялом дворе. Лошади загружены и оседланы. Набонасар ожидал только прихода людей.

Все отпущенные в город вернулись к обеду. Веселая и довольная Энинрис щеголяла в новом платье, купленном на рынке на деньги, выданные ей Хутрапом. За обедом, не вдаваясь в подробности, Хутрап объявил, что сразу же после обеда все должны взять свои личные вещи и группами не более, чем по три человека, отправиться в другой постоялый двор, оставив здесь лошадей и верблюдов. Никто не стал задавать лишних вопросов. Быстро собравшись, маленькие группы через небольшой промежуток времени одна за другой уходили через лаз в задней стороне забора. Только Энинрис, заметно нервничая, попросила разрешения взять с со-

бой свою смирную лошадь, к которой уже привыкла за дорогу. В этом ей было отказано. Она даже всплакнула. Однако, несмотря на слезы, в самой категоричной форме ей было приказано, чтобы она ни на шаг не отходила от скандинава, который получил такое же распоряжение – держать ее возле себя. Хутрап, скандинав и Энинрис последними оставили постоялый двор. Огромный скандинав с трудом пролез в узкий лаз, установив затем отодвинутые доски на свое место и закрыв его.

Наблюдая, не следит ли кто-нибудь за ними, они сделали крюк по улицам города. Слежки не было. Все шло по плану. Когда они вошли на постоялый двор, там все были уже готовы к движению. Каждый уже находился у своего коня, были определены те, кто ведет вьючных лошадей и арабских жеребцов. Здесь же находился и проводник.

Удовлетворительно кивнув, Хутрап махнул рукой и всадники, выехав из ворот двора, направились к близким городским воротам.

Кони, закупленные Набонасаром, оказались отличными ходоками. Они без усталости бежали по ровной местности и уверенно шли по узкой горной тропе. Она то поднималась вверх по крутым склонам гор, то шла по узким горным долинам. Приходилось переправляться через многочисленные ручьи, не представляющие в эту пору года особых преград. Скандинав до минимума сокращал время на остановки. Даже обедали на ходу. Если бы не необходимость давать отдых

лошадям, он, казалось, заставил бы всех двигаться кругло-суточно. Такой темп, объяснял он, необходим для того, чтобы попасть на переправу раньше, чем их настигнет погоня, в наличии которой никто не сомневался.

По расчетам проводника, на третий день пути они должны были выйти к мосту. И он, выведя караван на нужную тропу и получив обещанную плату, отправился обратно в Сусан. Однако к полудню этого, второго дня пути, Хутрап неожиданно заболел. Он жаловался на боль в животе, настолько сильную, что не мог ехать на коне. Ему попытались соорудить носилки, однако тряска на носилках, которые несли две лошади, лишь усиливала его страдания. Поневоле пришлось сделать остановку. Полдня Хутрап пролежал, постепенно приходя в себя. Эта задержка и сыграла роковую роль.

Когда до переправы через Карун оставалось рукой подать и с ближнего перевала уже можно было рассмотреть расположенное в неширокой горной долине узкое глубокое ущелье, на дне которого клокотала быстрая река, через которую был перекинут деревянный мост, по которому могла проехать груженная повозка, преследователи были уже в двух шагах от каравана.

Караван спустился с перевала в горную долину и направился к сторожевому посту. Мост охраняла сотня солдат во главе с сотником. Их задачей, кроме охраны, было взимание пошлины за переправу и арест людей, которые попробуют без разрешения властей пересечь мост. На много дней пу-

ти это была единственная переправа, и, чтобы обойти ее, надо было затратить уйму времени и сил. И не факт еще, что удастся живым завершить путь в обход. Уж слишком много смертельно опасных препятствий было на этих путях.

Однако не успел арьергард каравана, три солдата, двигавшиеся в нескольких полетах стрелы позади основной группы, спуститься в долину, как сзади послышался топот, и из-за поворота тропы выскочила цепочка всадников, устремившаяся на них. Засвистели стрелы. Один из солдат арьергарда был убит, но двое других, успев выпустить по стреле в напавших и сбив с лошадей первых двух из них, уже мчались к каравану, который свернул в сторону и помчался к расположенному рядом лесу. Быстро рассредоточившись между деревьями, солдаты выхватили луки, и несколько слишком близко приблизившихся к укрытию аккадцев упали на камни. Те отступили, полукольцом охватив укрытие. Тем временем командир аккадцев помчался в сторону сторожевого поста и предъявил сотнику подписанный правителем Сусана свиток, в котором говорилось о том, что специальный отряд, находящийся на государственной службе, преследует банду разбойников. И требовалось от сотника оказать всемерную помощь в разгроме банды. Сотник выделил в помощь отряду половину своих людей, приказав им не особенно высовываться и беречь себя, благо эти его слова командир отряда аккадцев не слышал. Он уже умчался организовывать осаду бандитов, укрывшихся в лесу.

37. Осада у переправы через Карун. Предательство

Горно-дубовый небольшой лес, как мы называем такие леса сейчас, надежно укрыл караван. Могучие дубы и тамариски составляли большую часть его растительности. Кое-где, в виде отдельных вкраплений, встречались сосны, дикие груши и фисташки. А его южную сторону, непосредственно у высокой вертикальной каменной стены, у которой расположился лес, занимал каменный лес. Огромные дубы, настолько старые, что их упавшие стволы окаменели, невозможно было ни тронуть с места, ни отбить от них ни кусочка.

Упомянутая вертикальная стена, ровная, словно отсеченная ножом, представляла собой объект внимания скандинава. Отведя коней в глубину леса, защитив их этим от стрел нападавших, и расставив своих людей за крайними деревьями под командованием Набонасара, он отправился обследовать место, где их заперли догнавшие преследователи. Энинрис, которую он также хотел отправить вглубь леса, категорически отказалась прятаться и притаилась рядом с Хутрапом, время от времени с любопытством высматривая аккадцев, поодаль кружившихся на конях.

— Им даже не надо нападать, — позже делился скандинав

наблюдениями с Хутрапом и Набонасаром, когда две предпринятые аккадцами атаки были отражены только стрельбой из луков.

Скрывающиеся за деревьями солдаты каравана были практически недоступны, а мчащиеся к ним конники или бегущие пехотинцы были на открытой местности. До рукопашной схватки не дошло. Потеряв каждый раз по несколько человек и лошадей, аккадцы откатились назад.

– Они могут просто осадить нас и не дать возможности набрать воды, – продолжил скандинав, – три-четыре дня, и нам останется или напасть на них, чтобы погибнуть в сражении, или сдаться, что одно и то же. Все равно они перебьют нас. Подняться на стену позади нас и одному человеку не под силу.

– Проклятье, – выругался Набонасар, – неужели ничего нельзя сделать?

Ответом ему было молчание.

Аккадцы, словно услышав скандинава, прекратили атаки. Большая часть их осталась на месте стеречь осажденных, а присоединившихся эламцев они куда-то отправили. Вскоре те стали возвращаться, нагруженные хворостом и дровами.

– Они будут всю ночь жечь костры, к ним незаметно не подобрешься, – с сожалением сказал Набонасар.

Так и случилось. Всю ночь пылали костры, ярко освещая все вокруг. Попытавшемся сделать вылазку скандинаву едва удалось без больших потерь вернуться под защиту дере-

вьев. А с утра аккадцы начали сплести большие прямоугольные щиты, под защитой которых снова попробовали приблизиться к деревьям. Видимо, они не догадывались о пользе простой осады леса, где закрепились его защитники, и стремились перебить их. И снова, потеряв несколько человек, отступили. Однако на сей раз избежать рукопашной не удалось. Защитники, истребив десятка два аккадцев, сожгли щиты, однако потеряли полдесятка своих людей, что для их не так большого числа было весьма чувствительно.

Выждав момент, Набонасар влез вверх по дереву и закрепил высоко на ветке яркий цветной флажок. Посмотрев на это, как на чудачество, никто не сказал ему ни слова.

В мелких сражениях и перестрелке прошло два дня. Ряды защитников каравана понемногу таяли. Их осталось в живых уже человек двадцать. Чувствовалось, что завершение обороны не за горами. Еще несколько нападений аккадцев, и обороняться дальше будет некому. Правда, и аккадцы к этому моменту потеряли почти половину своих людей.

Воды осталась самая малость. Еды, правда, хватало – конины было хоть отбавляй. Пришлось, как и при переходе через пустыню, убивать лишних коней. Вонь от разлагающихся трупов людей и лошадей стояла почти непереносимая. Спасало лишь то, что ветерок дул почти непрерывно и тянул вдоль долины, унося запах с собой. Но в редкие мгновения, когда он стихал, дышать было почти нечем. А самое плохое было то, что сегодня с утра, после отражения очередной ата-

ки, выяснилось, что стрел ни у кого не осталось совсем. Даже к огромному луку скандинава, из которого он стрелял очень редко. Именно благодаря ему аккадцы, потеряв несколько человек на расстоянии, раз в пять превосходящем дальность выстрела из обычного лука, теперь не осмеливались передвигаться близко от леса. Это облегчало задачу обороняющимся, так как для атаки аккадцам надо было преодолеть существенное расстояние, и защищающиеся вполне успевали подготовиться к ее отражению.

Внимательно наблюдающий за противником эти дни Хутрап подозвал к себе скандинава, Набонасара и Энинрис.

– Наше положение очень сложное, – заговорил он, когда они расселись на корнях деревьев, – я бы даже сказал, почти безнадежное. У нас мало шансов выбраться отсюда, чтобы завершить то, что нужно было сделать. А именно, доставить завещание к моему господину Пели.

– Все молчите, – предостерег он, когда Набонасар хотел что-то сказать, – то, что я буду сейчас говорить, обсуждению не подлежит... Мне очень жаль, Энинрис, что так получилось. Конечно, мне следовало оставить тебя где-нибудь по дороге и не подвергать тебя дорожным испытаниям.

– Куда вы, туда и я, – твердо сказала Энинрис, – я не оставлю вас...

– Не перебивай! – снова повторил Хутрап, – я прошу, молю тебя выполнить мою просьбу. В ней заключается все то, что мы вынесли по дороге сюда, и ради чего погиб караван.

Ты должна будешь остаться в живых и доставить Пели завещание.

– Но как она выберется отсюда? – спросил Набонасар.

– Помните, – ответил Хутрап, – и я это заметил, как только аккадцы готовятся атаковать, они все скапливаются напротив северной части леса. А теперь к ним каждый раз присоединяются стражники, охраняющие мост. Там остаются человек пять-десять, не больше. Ты будешь на одном из арабских жеребцов. Как его ни жаль, но интересы дела диктуют это. Он быстрее ветра, никто не догонит тебя. А второго мы вынуждены будем убить, чтобы никто не получил возможность догнать тебя. При первой же очередной атаке, когда они увлекутся, ты выскочишь южнее, промчишься позади них, пролетишь по мосту и уйдешь. Никто не догонит тебя. Когда же будешь в Аншане, от моего имени потребуешь встречи с Пели и отдашь ему лично в руки вот это.

Хутрап вытащил свой меч, резким движением выдернул огромный драгоценный камень, завершающий его толстую рукоятку и вытащил из нее свернутый в трубочку опечатанный свиток. Завещание все эти дни находилось внутри рукоятки меча, но печать, которой оно было опечатано, не помещалась в узкий канал и была спрятана в искусно выдолбленный изнутри драгоценный камень, венчающий рукоять.

Энинрис широко открытыми глазами следила за манипуляциями Хутрапа. Он осторожно завернул завещание в полотно, положил его в небольшой мешок и подал Энинрис,

которая приняла его неожиданно дрожащими руками.

– Все будет хорошо, – успокоительно сказал Хутрап, – ты все сделаешь, как надо. А теперь пойдём, я провожу тебя.

С этими словами Хутрап увел Энинрис с собой. Он лично оседлал арабского жеребца, косившего огненным взглядом, прицепил к седлу небольшой кожаный мешок с водой и уложил в мешок рядом с заветанием немного продуктов.

– Здесь всего понемногу. Ты должна будешь мчаться быстро, чтобы оторваться от преследователей, поэтому конь практически не загружен, – критически осматривая коня и саму Энинрис, говорил он, – вот тебе несколько слитков золота на дорогу. Приобретешь все, что нужно. Кинжал у тебя есть, его тебе хватит. И помни: твоя задача не сражаться, а убежать!

Ведя под уздцы коня, он вывел его в южную сторону и из-за деревьев стал всматриваться в картину очередного сражения. Аккадцы, размахивая мечами, мчались к лесу. Его защитники не отвечали, подпуская тех поближе.

– Ну, давай! – закричал Хутрап, поворачиваясь к замершей напряженной Энинрис.

Она птицей вскочила на коня и с места рванула во всю прыть. Замысел Хутрапа оправдывался полностью. Она по большой дуге обошла сзади толпу аккадцев, по которой защитники леса выпустили последние стрелы. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы сбить с седел еще несколько всадников и чтобы остальные повернули назад.

Скандинав и Набонасар во все глаза следили за одиноким всадником, словно птица мчавшимся на скакуне. Это было воистину завораживающее красивое зрелище – несущийся во весь опор арабский скакун, к изогнутой лебединой шеей которого прильнула девичья фигура с длинными развевающими волосами. Уже было видно, что никто и ничто не в силах помешать ей проскочить к мосту, как она вдруг остановила бег коня. Набонасар в недоумении оглянулся на скандинава и даже застонал от сожаления.

– Ну зачем она остановилась, зачем? – выдохнул он.

Сзади подошел Хутрап и тоже наблюдал за тем, как аккадцы окружили Энинрис. После коротких переговоров они повели ее к стоявшим поодаль шатрам. Скандинав уже обдумывал план вылазки, чтобы отбить девушку, когда она вышла из шатра. К ней подскочили аккадцы и подставили спины, выстроились живым пандусом к арабскому жеребцу, как это было у них принято в отношении особ царского рода. Ничего не понимая, защитники леса смотрели на разворачивающееся у них перед глазами почитание Энинрис, словно она была по крайней мере аккадской или эламской царевной. В сопровождении аккадских всадников она, не опасаясь стрел, подъехала и остановилась неподалеку от деревьев.

– Спасибо тебе, Хутрап, за завещание! – прокричала она.

– Энинрис, зачем ты сделала это? Они же враги, уничтожившие твою семью! – прокричал ей в ответ Набонасар, – ты что, забыла про это?

– Те черви, которые рылись в земле и были недостойны целовать мои сандалии? – презрительно ответила девушка, – они никогда не были моей семьей и понадобились в мертвом виде лишь для того, чтобы помочь мне проникнуть к вам! Правда, я ловко обстряпала это дело? Вы должны оценить это! Скоро я со смехом буду рассказывать, как провела хитроумного Хутрапа и его тупоумных сопровождающих и проникла в его посольство, прикинувшись несчастной девушкой! Я не Энинрис и никогда ей не была! Меня зовут Иранна, я невеста Энпилухана, сына царя Элама, которому доставлю это завещание. Мне немало пришлось вынести по дороге с вами, но цель – возвести на трон моего будущего мужа – выше всего. Ты ловко скрывал завещание, Хутрап. Я все эти дни искала его, но, признаюсь, никогда бы не нашла, если бы ты сам не отдал мне его в руки!

– Ты не невеста Энпилухана и никогда ею не будешь, как не будет и он никогда царем Элама! – с ненавистью прокричал ей скандинав.

– Ошибаешься, презренный! – выкрикнула в ответ она, – моя свадьба будет через десять дней после того, как я доставлю завещание и мой жених станет царем! Однако, прощайте, я заговорила с вами. А меня ждут во дворце. Кстати, я попросила не убивать здесь тебя, Хутрап, и также оставить в живых противного гиганта. Он развлечет меня с супругом, сражаясь с дикими зверями, а ты будешь сидеть в клетке перед городскими воротами, как напоминание остальным, что

будет с теми, кто пойдет против нашей воли!

– Но, в отличие от них – она кивнула головой на окружающих ее всадников, – я понимаю, что военное счастье переменчиво, поэтому, чтобы не дать вам повторить трюк, который вы пытались сделать, используя меня, и послать за мной убийцу, как только я пересеку мост, он будет сожжен. Перейти Карун, кроме как по мосту, нельзя, а на его восстановление надо затратить несколько полных лун.

С этими словами она пустила коня вскачь по направлению к мосту. Следом помчались три десятка всадников сопровождения.

Скандинав и Набонасар, словно оглушенные, смотрели друг на друга, не веря в то, что юная красавица, с которой они провели рядом много времени, делили еду и питье, защищали и вместе прошли через опасности пути, оказалась не той беззащитной девушкой, за которую выдавала себя, а ловким жестоким шпионом, обманом проникшим в караван. Хутрап же, за все это время не произнесший ни слова, отошел в сторону и закрыл лицо руками. Его плечи затряслись.

– Не печалься! На том или на этом свете она получит свое! Предательство никогда не проходит безнаказанно! – сказал скандинав, подходя к Хутрапу и успокаивающе положив руку ему на плечо.

Хутрап отнял руки от лица и взглянул на скандинава. И того настолько поразило выражение лица посла, что он опешил. Плечи Хутрапа содрогались не от рыданий: он смеялся,

хохотал, как безумный!

38. Помощь. Переправа через Карун

Вскоре со стороны моста потянуло дымом и вверх взметнулись языки пламени. Сухой мост горел, как факел, выбрасывая в небо снопы веселых искр. Весь этот день не последовало ни одной атаки на остатки каравана. Похоже было, что оставшиеся аккадцы просто решили отдохнуть. Правда, осталось их не так и много, с учетом потерь к этому времени и тех, кто отправился в качестве эскорта для Иранны, всего человек двадцать. Но с поддержкой от охраны моста, которым больше нечего было охранять, их набиралось немногим менее сотни человек, по пять на каждого из людей, оставшихся от каравана.

Люди в лесу готовились к завершающему сражению. Бесполезные луки были отложены в сторону – для них не было стрел. К этому моменту и все стрелы, выпущенные осаждающими их аккадцами, были уже пущены в дело. Оставалось сражаться только в ближнем бою. Скандинав разбил людей на две одинаковые самостоятельные группы. Первая под его руководством должна была встретить противника на окраине леса и, понемногу отступая, увлечь его за собой. Вторая под руководством Набонасара должна была сидеть в засаде,

пропустить мимо себя нападающих аккадцев и ударить по ним сзади.

Солнце уже клонилось на закат, когда аккадцы снова за-вертели карусель, мчась по большому кругу на конях, горяча их и готовясь к одновременному нападению на караван. Вот круг из почти сотни всадников разомкнулся, и они, разом повернув коней, направили их в сторону леса. Они мчались, размахивая мечами и что-то громко крича. Никто из них не оглядывался назад, а зря. Потому что в это время за их спинами появился отряд человек в пятьдесят вооруженных всадников, который спустился с гор по той же тропинке, по которой пришел сюда караван, развернулся в боевую цепь и зашел за спины атакующим аккадцам и их приспешникам эламцам. Появившиеся люди были одеты в одежды, резко отличающиеся от аккадских или эламских. По ним никак нельзя было определить, к какой стране или городу принадлежат их обладатели. Однако они все, как на подбор, были массивными и крепкими молодыми людьми, наподобие Набонасара, и быстро догоняли аккадцев сзади. Свистнули стрелы. Часть аккадцев и их приспешников грянула на землю с лошадей со стрелами в спине. Многие из них в попытке сообразить, откуда прилетели стрелы, закружили на месте. Некоторые еще продолжали мчаться в атаку на скрывающиеся в лесу остатки каравана.

В итоге ряды аккадцев и их союзников расстроились, в наступившей неразберихе никто ничего не мог понять. Тем

временем, успев выпустить еще по стреле, появившийся отряд врубился в мечущихся аккадцев и их приспешников и, разрезав их на две части, словно горячий нож масло, навалился на одну из частей, избивая ее. Вторая часть, в которой оказался кто-то из командиров, быстро пришла в себя и устремилась на помощь первой. Но в схватку вступили защитники леса, быстро сообразившие что к чему, оседлавшие оставшихся коней и ударившие со стороны леса во фланг второй части. Рубка продолжалась недолго. Аккадцы и их приспешники, окончательно потеряв управление, сначала бестолково метались по долине от сожженного моста до леса, повсюду попадая под стрелы и мечи, а затем бросились врассыпную, уж думая не о сопротивлении, а о спасении собственной жизни, став легкой добычей победителей. Лишь единицам из них удалось уйти, тем, кто сообразил в самый первый момент сражения направить коня в сторону тропы, ведущей обратно в Сусан. Все остальные или легли на поле боя, или, оттесненные к обрыву, бросились с крутого берега в бушующие воды реки и погибли, разбившись о камни или утонув в стремнине.

Сделав свое дело, неизвестный отряд подобрал своих раненых и погибших товарищей. Командир отряда, очень похожий на Набонасара, подъехал к стоящим рядом Хутрапу, Набонасару и скандинаву, держащим лошадей в поводу, и что-то сказал на непонятном языке.

Набонасар ответил ему.

– Спроси, кто они такие и почему помогли нам, – обратился Хутрап к Набонасару.

– Это ассирийцы, – ответил тот, – и их начальник говорит, что эти люди, – он указал на валяющиеся трупы аккадцев, – обидели купцов сопровождаемого ими каравана, отобрав у них несколько коней. Поэтому они догнали и наказали их за воровство.

– Врет, – вполголоса буркнул скандинав, разглядывая командира ассирийцев, – все врёт. Никакие они не охранники каравана. Те походную амуницию с собой не возят, и коней чистят на каждой остановке. А у этих и кони давно не чищены, и, по их ногам видно, прошли длинный путь.

Набонасар бросил быстрый взгляд на скандинава и что-то сказал командиру ассирийцев. Тот коротко ответил, и Набонасар встревоженно повернулся к Хутрапу:

– Он говорит, что сюда направляется несколько сотен солдат, и что они уже близко. Его разведчики видели это и ненадолго опередили их.

– Да, уйти отсюда некуда, только назад по тропе, – задумчиво сказал Хутрап, – а она перекрыта. И даже с помощью этих молодцов мы не сумеем отбиться от большого числа атакующих...

Скандинав с досадой стукнул себя по груди. И вдруг вскинул голову.

– Выводи караван к реке, к сожженному мосту, – сказал он Набонасару, – и скажи ассирийцу, чтобы он своих людей

также вел туда.

– Нам не переправиться через реку! – с сожалением сказал Набонасар, – может, не будем зря тратить время, а лучше подготовим рубежи обороны?

– Делай, что я говорю! – перебил его скандинав.

Вскоре истощенные кони каравана и ассирийцы были у сожженного моста через Карун. Он был полностью разрушен. Лишь несколько обуглившихся бревен лежало на камнях по обоим его берегам. А то, что не успело сгореть, обрушилось вниз и было в щепки разбито бурлящей на огромных валунах водой. Скандинав снял с груди медальон, тонкий прозрачный камень, подарок людей воды, подержал его в ладони и, прикоснувшись к нему лбом, бросил в стремительно мчащийся глубоко внизу поток.

Люди замерли. Наступила тишина, прерываемая лишь хлопотанием воды в ущелье.

– Что это? – нарушил тишину кто-то из солдат.

Из воды вверх по стенам быстро потянулись какие-то плети, похожие на уродливые человеческие фигуры. Их становилось все больше и больше. Они быстро заполнили собой всю ширину ущелья и на глазах росли вверх, пока не достигли его края. Вся эта масса непрерывно двигалась и колебалась.

– Смотрите! – закричал, случайно оглянувшись, кто-то из людей и показал назад.

Там из-за поворота горной тропы один за другим выры-

вались всадники и накапливались для атаки. Их было уже больше сотни, а они все прибывали и прибывали.

В это время заполнившая ущелье на широком его протяжении масса перестала колебаться и замерла, а на другом берегу Каруна на высоком камне стала проявляться фигура. Она становилась все рельефнее и четче, а вместе с этим на глазах начинала отвердевать заполнившая ущелье масса. Через короткое время четкая фигура красивой высокой бледной девушки с лицом, повернутым в сторону скандинава, с большими закрытыми глазами, длинными темными волосами неподвижно стояла, опустив руки вниз, и ветер развевал ее платье и волосы. Она сделала обеими руками приглашающий жест, подняла обе руки вверх и держала их так, пока придя в себя и поглядывая на девушку, люди быстро переводили по появившемуся и окаменевшему мосту коней на другую сторону Каруна.

Тем временем сотни всадников, спустившись в узкую долину реки и, разбившись на отряды, помчались в сторону переправы.

Солдаты каравана Хутрапа и ассирийцы все были уже на другом берегу ущелья. Скандинав же стоял у подножия камня, на котором находилась фигура девушки, пристально вглядываясь в ее лицо. Немного поодаль стояли Хутрап, Набонасар и командир ассирийцев, не мешая ему. По противоположному берегу уже приближались сотни всадников, размахивая мечами.

Девушка повернулась лицом к скандинаву, раскрыла оказавшимися зелеными глаза, мягко улыбнулась ему, резко опустила руки вниз и... исчезла. А странный мост тут же с шумом упал вниз и растворился в воде без остатка. Когда всадники на другом берегу подскочили к месту, где только что переправился караван, ничто даже не напоминало о том, что здесь только что был мост, построенный телами странных водяных созданий. Всадники напрасно кричали оскорбления и даже пускали стрелы. Переправиться на другой берег реки они не имели возможности.

А на противоположной стороне ущелья четверо мужчин стояли напротив друг друга.

– Что ж, давай знакомиться, – вздохнув, сказал Хутрап и представил скандинава и Набонасара.

– Адад, – просто назвался ассириец, – мой отряд немного будет идти с вами, если не возражаете. Назад мы не можем, остается идти только вперед...

– Это была та девушка из народа воды, про которую ты рассказывал? – немного позже, когда объединенный караван покинул берег Каруна, спросил скандинава Хутрап.

Тот сумрачно кивнул головой.

– Исключительная красавица. Теперь я понимаю, почему чары Энинрис на тебя не действовали. Ведь она не раз пыталась поймать тебя на крючок, разве ты этого не замечал? Но ей далеко до девушки народа воды.

– Ильэ, ее звали Ильэ, – тихо сказал скандинав, – она и

мертвая помогла мне...

39. Аншан. Выборы царя Элама

В этот день на ночевку остановились очень рано. Надо было накормить и напоить уставших донельзя коней. Им здорово досталось за время осады в горном лесу. Они заметно отощали, и с трудом перенесли недостаток воды. Правда, упорный скандинав хотел организовать погоню за Иранной, и Хутрапу с трудом удалось отговорить его от этой безнадежной затеи. Уж слишком большое расстояние пролегло между ней и караваном.

– За десять дней надо дойти до Аншана, – за ужином сказал Хутрап и пояснил: – как раз в этот день будут рассматриваться претензии претендентов на престол.

– Быть может, нам удастся доказать, что завещание обманом похитили у нас? – спросил Набонасар.

Хутрап пожал плечами и ничего не ответил.

Караван шел горными тропами не сбавляя ход. Им везло. За все время не было ни одного дождя, камнепада, обвала или чего-то подобного, что могло бы задержать в дороге. И вечером через девять, а не через десять дней, они подошли к окружающему Аншан огромному валу на длину полета стрелы длиной. День назад Адад увел своих людей, сказав, что ему надо в другую сторону. С ним тепло распрощались. Бывшие с ним воины оказались неплохими ребятами, простыми

и бесхитростными.

А остатки каравана, полтора десятка человек, из всех даров царя Вавилона Далик-илишу сохранив лишь одного персидского скакуна, направились напрямиком ко дворцу Пели. Их сразу же, не дав умыться и поесть, провели в зал приемов.

Пели, высокий худой мужчина лет тридцати пяти с волевым резко очерченным лицом, немного задержавшись, вышел к ожидающим людям. Хутрап опустился на колени, не сводя напряженного взгляда с лица Пели. Пели, едва увидев Хутрапа, широко улыбнулся и, стремительно направившись к нему, поднял его с колен.

– Позволь, господин поднести тебе подарок от могучего царя Вавилона Далик-илишу, вот этого прекрасного арабского скакуна, – нараспев сказал Хутрап, отступая на шаг и указывая на жеребца, – и прошу наказать меня, недостойного, за то, что я не сумел сберечь другие его не менее ценные дары. И мне не удалось сберечь завещание, отправленное со мной. Его обманом похитили у меня.

И Хутрап опустил голову.

– Ты будешь наказан за это! – сурово сдвинул брови Пели, и добавил: – сейчас твоих людей вместе с тобой отведут на отдых, а я подумаю, как наказать тебя! Подробности расскажешь завтра, после оглашения завещания. Тебе и им, – он указал на скандинава и Набонасара, – быть на нем обязательно. И подумай, как будешь доказывать, что завещание вез для меня!

Хотя голос Пели звучал грозно, скандинав готов был поклясться, что Пели распирает от неожиданной радости. И эта радость иногда забивала напускную строгость.

Хутрап, понурил голову. Подбежали слуги и сопроводили его и его спутников в отведенные им покои.

Впервые за много времени скандинаву предстояло нормально поесть, смыть грязь горных дорог и лечь спать не на камни, а на мягкий матрас в большой кровати под балдахинном, укывшим от ночных кровососов. Однако прежде надо было подумать о том, как вырвать из рук Энпилухана свиток с завещанием. Скандинав отправился с этим вопросом посоветоваться прежде к Набонасару. Оказалось, что и того же гложут те же мысли, но и он ничего не мог придумать. Они вдвоем отправились в покои Хутрапа, однако слуги не допустили их.

– Приказано не беспокоить, – был их единственный ответ.

Скандинав готов был силой пробиться к Хутрапу, но Набонасар отговорил его.

– Он, видимо, переживает неудачу, поэтому никого не желает видеть, – сказал он, – нам остается самим подумать, что можно предпринять.

– Напасть на Энпилухана, что ли? – в отчаянии предложил скандинав.

– А где ты будешь его искать? – понимающе спросил Набонасар, – ты разве был хоть раз в Аншане и знаешь, где расположен его дворец? А если бы и знал, у тебя есть войска,

чтобы взять его? Мы здесь первый раз и ничего не знаем...

– Да, – подытожил скандинав, – что есть, то есть. Кстати, ведь мы с тобой выполнили то, что от нас требовалось, так что претензий к нам быть не может!

– Как это? – не понял Набонасар.

– А вот так! Тебе было приказано, чтобы ты организовал охрану каравана. Ты это сделал. Караван дошел до Аншана? Дошел. И даже арабского скакуна в подарок доставил. А меня нанимали только с одной целью – чтобы доставил до места назначения Хутрапа живым. И ни слова не было сказано о караване и подарках. И Хутрап здесь, живой и даже здоровый, сидит в соседних комнатах и даже не желает нас видеть. Так что пусть дальнейшее расхлебывает сам!

И скандинав ушел в свои комнаты, зло хлопнув дверью так, что она едва не сорвалась с места.

Назавтра, вскоре после завтрака, Хутрап в чистой парадной одежде появился на пороге покоев скандинава и Набонасара. Он был спокоен и строг.

– Вы готовы? – спросил он, – тогда пошли!

Скандинав в сшитой ему опытными швеями за ночь парадной одежде чувствовал себя не в своей тарелке, так же, как и Набонасар. Оружие приказано было оставить дома. Перед входом во дворец уже находился парадный эскорт. Место Хутрапа, увитый лентами жеребец, удерживаемый рабами, оказалось сразу же за носилками Пели, которые должны были нести шестнадцать рабов, по восемь с каждой сто-

роны. Спереди, по сторонам и сзади них находились разодетые всадники охраны. Далее, позади, были носилки некоторых видных чиновников страны, поддерживающих Пели. Даже если послы других городов и стран и поддерживали Пели, они вынуждены были держать нейтралитет и не сопровождать ни одного из претендентов на престол. Лишь посол Вавилона прямо показал, с кем представляемый им город желает иметь отношения, и его носилки находились в свите Пели. Все остальные послы уже находились в большом помещении внутри величественного зиккурата, посвященного главной богине Элама Пиненкир, где должна была пройти церемония рассмотрения завещания и выбора царя Элама, и ожидали, как разрешится главная интрига страны, имеющая далеко идущие последствия.

Разукрашенные статные кони скандинава и Набонасара оказались близко к голове процессии. Они, заняв свое место в ней, молча переглянулись между собой: нахождение Хутрапа сразу же за носилками Пели означало только одно: что он первый после самого Пели. И это было очень странно. Как мог Хутрап, обычный посланник, еще и собственноручно отдавший завещание в руки соперника, занимать такое место? Воистину, чудные дела творились, по крайней мере, при дворе кандидата на царский трон Элама Пели!

Громада зиккурата возвышалась здесь же, в двух шагах от дворца Пели, но процессия под приветственные крики народа покружила по улицам города, прежде чем достигла места

назначения. О том, что во дворец Энпилухана было доставлено завещание старого царя, уже несколько дней трезвонили по городу верные ему люди и на всех углах кричали здравницы за здоровье Энпилухана, нового царя Элама. Однако и у Пели, несмотря на то, что он проиграл битву за престол, нашлось немало сторонников из простого народа.

Внутри ярко освещенного бьющими через многочисленные окна лучами солнца зиккурата, куда кроме жрецов богини Пиненкир, пропустили только высших чиновников и послов, не было почти никакой мебели, за исключением пяти золотых и двух серебряных табуретов да небольшого столика.

Все стояли, разбившись на четыре изолированные группы. У большой статуи богини, расположенной по центру одной из стен, на алтаре которой сияла золотом и драгоценными камнями корона Элама, на золотых табуретах в ряд сидели жрецы и военные в разукрашенных золотом и драгоценными камнями одеждах. Посередине находился сам верховный жрец богини, справа от него сидели два его ближайших советника. По левую руку расположились командующий эламской армии и его заместитель. Перед главным жрецом на небольшом столике из черного дерева лежали два опечатанных небольших ларца. У противоположной стены стояли послы иностранных держав и городов, знатные эламцы и военачальники. По правую руку от богини спереди на серебряном табурете сидел Пели. Сразу же за ним стоял

Хутрап, еще дальше стояли его сторонники, среди которых находились Скандинав и Набонасар. По левую руку от богини впереди также на серебряном табурете расположился Энпилухан, молодой человек, едва разменявший двадцать пять зим, с нервным лицом, которое он изо всех сил старался сохранить спокойным, но по которому то и дело пробежала радостная улыбка, сын покойного царя, от завещания которого зависело, кто станет царем Элама. По левую руку от Энпилухана стояла ослепительно красивая девушка в присущей царям одежде с серебряной тиарой на уложенных в сложную прическу волосах, выгодно оттеняющей ее бронзовое лицо, хранящее спокойствие и уверенность. В руке она держала небольшой завернутый в золотистую ткань сверток. Дальше сзади стояла большая группа вельмож, поддерживающих Энпилухана.

В красавице почти невозможно было узнать знакомую скандинаву и Набонасару Энинрис. Теперь то была не та простая девушка, а всемогущая Иранна, невеста и будущая жена Энпилухана, перед которой скоро будут преклоняться все без исключения. Окинув взглядом сопровождающих Пели людей, она сразу же разглядела среди них Хутрапа, скандинава и Набонасара, и ее губы тронула презрительная усмешка. Заметив эту усмешку и прекрасно поняв, в чей адрес она предназначена, вспыльчивый Набонасар встрепенулся, однако стоявший рядом скандинав молча незаметно сдвинул ему руку. Сильная боль сразу же отрезвила Набонасара. Он даже

ойкнул, невольно привлекая внимание окружающих, но тут же взял себя в руки.

Тем временем жрецы, играющие главенствующую роль, закончили произносить молитвы и вступительные речи и приступили к главной части действия.

– Теперь я могу огласить тайну, которую мы, жрецы, скрывали много лет. Сложив вместе принесенный свиток и свиток, находящийся в этой запечатанной шкатулке, – верховный жрец поднял ее в правой руке, – мы должны прочесть всего три слова. Что это за слова, мы узнаем из свитка, находящегося в этой шкатулке, – и верховный жрец поднял другую шкатулку левой рукой, – но прежде я желаю, чтобы обе претендующие на корону стороны и присутствующие здесь послы удостоверились, что печати не нарушены и что свитки подлинные. Я прошу выбранных представителей подойти ко мне.

Заранее выбранные представители – по три человека от посольского корпуса и от каждой из сторон – подошли к столу и осмотрели ларцы. Они подтвердили, что печати принадлежат старому царю и что они не нарушены.

Верховный жрец сломал печать на контрольной шкатулке, разрезал опоясывающий ее шнурок и, открыв крышку, извлек из нее небольшой свернутый в трубочку свиток.

– Читайте, что на нем написано, – сказал он и передал свиток стоявшим рядом представителям.

И один из них, осторожно развернув свиток, громко про-

изнес три написанных на нем слова; этими словами были: доставивший свиток – царь.

В большом зале стояла такая тишина, что слышен был звон какого-то одинокого комара, вовремя не спрятавшегося от уличного зноя, случайно залетевшего сюда и радующегося прохладе помещения.

Следом церемонию доставания прошел свиток, который находился во второй шкатулке. Он был не просто свернут, а прежде сложен, а затем свернут, так что вид его пока еще оставался тайной.

Но разворачивать его верховный жрец пока не спешил. Надо было довести церемонию до конца.

Зная, что только у Энпилухана находится завещание и решив сократить до минимума время церемониала, верховный жрец сразу же обратился к нему:

– Готов ли ты, Энпилухан, предъявить завещание твоего отца, усопшего царя великого Элама?

– Да, готов, вот оно! – сказал тот. Ожидавшая эти слова Иранна танцующей походкой направилась к верховному жрецу, передала ему завернутый свиток и вернулась на место.

Иранна была единственной женщиной, допущенной на церемонию. Нельзя было не залюбоваться прекрасной девушкой, и по рядам наблюдавших за церемонией мужчин, как сторонников Энпилухана, так и его противников, прошла волна оживленного восхищения. Тишина сменилась

всеобщим оживлением. Для большинства находящихся в зале стало понятно, что вопрос о царе практически решен.

Если бы с протестом сразу же вышел Пели, верховный жрец был намерен пресечь его выход и не дать ему сорвать церемонию. А что бы мог предъявить Пели кроме того, что завещание везли для него? Он проспал его, оно в других, нужных жрецам руках, и верховный жрец не собирался отдавать царскую корону в руки ненавистного неуправляемого Пели. Однако, на удивление, Пели молча сидел, спокойно созерцая происходящее. Он даже вполголоса отпустил комплимент красавице, обращаясь к Хутрапу. Тот тоже улыбнулся. Создавалось впечатление, что их совершенно не огорчает потеря завещания, а с ним и право претендовать на трон. А вернее всего, они поняли тщетность своих попыток и смирились с неизбежным.

Свиток, принесенный Иранной, также прошел осмотр у представителей сторон. Его также признали подлинным.

– Готов ли ты, Пели, предъявить завещание усопшего царя великого Элама? – как того требовал церемониал, спросил верховный жрец.

Со стороны теперь уже не только сторонников Энпилухана, но и с мест для послов и местной знати слышались отдельные короткие смешки. Сторонники же Пели хранили угрюмое молчание.

– Да, готов, вот оно! – ответ Пели словно громом поразил всех присутствующих, не исключая его сторонников.

Никто не ожидал услышать такие слова. В сразу наступившей мертвой тишине были слышны только шаги Хутрапа, вышедшего к столику верховного жреца. Он держал в руке опечатанную шкатулку, точно такую, которая уже стояла на столе. Ропот пронесся из конца в конец по залу. Верховный жрец, онемев, смотрел на шкатулку, как на опасную змею.

Если красавица, представлявшая интересы Энпилухана, предъявила собранию только свиток, то Хутрап, представлявший интересы Пели, предъявил шкатулку, в которой заключен был свиток. Эту разницу заметили практически все присутствующие в зале.

– Этого не может быть! – прошептал Энпилухан.

– Что ты замолчал, жрец? – в тишине раздался спокойный голос Хутрапа, – или голос отнялся?

Иранна стояла, открыв от изумления рот.

Слова Хутрапа словно подстегнули Энпилухана. Он вскочил с места.

– Ты мошенник! – кричал он на Пели, брызгая слюной.

Ему же вторила его свита, осыпая бранью противников. Некоторое время в помещении стоял сплошной крик. Пели же спокойно сидел, не реагируя на брань и крики. Так же спокойно стоял Хутрап. Чувствуя, что здесь что-то не так, скандинав и Набонасар во все глаза смотрели на все это, не понимая, откуда у Хутрапа взялось еще одно завещание, и ожидая, чем все это закончится.

Придя в себя, с огромным трудом с помощью помощни-

ков верховный жрец установил тишину.

Еле ворочая языком, он вынужден был продолжить церемонию и пригласил представителей сторон осмотреть принесенную Хутрапом шкатулку. Печати на ней, а затем и на находящемся в шкатулке свитке, также признали настоящими.

Итак, на столе перед верховным жрецом лежали три свитка. Один из них, лежащий посередине, изначально был у жрецов, а два других, по уверению сторон, вторые части завещания старого царя Элама, оба с подлинными печатями, что никак не могло быть. Оставалось только вскрыть их. Снова наступила напряженная тишина.

Трясущимися руками верховный жрец сломал печать свитка, лежащего посередине, с трудом разрезал опутывающий его шнурок и развернул свиток, показав его всем, присутствующим на церемонии. Один край свитка был ровный, а в другом было вырезано три пилообразных больших неровных зуба, проходящим прямо по значкам, разрезав их так, что совершенно нельзя было понять, что там написано. Жрец положил этот свиток на столик.

У него настолько дрожали руки, что он вынужден был уступить место одному из своих помощников. Тот схватил свиток Энпилухана, сломал печать, разрезал веревку и, не разворачивая, положил его слева от лежащей на столе первой части завещания. Так же он поступил со свитком Пели и, положив его справа от первой части завещания, отступил в сторону, снова уступая место верховному жрецу. Тот

взялся за края обеих свитков, немного помедлил, затем резким движением встряхнул их, расправляя, и поднял вверх. Еще некоторое время стояла полная тишина. Присутствующие рассматривали поднятые свитки. Затем помещение наполнилось криками – восторженно вопили приверженцы Пели и негодуя кричали приверженцы Энпилухана. Потому что свиток, поданный Иранной, был прямоугольный, здесь ничего не надо было даже и смотреть, а свиток, поданный Хутрапом, имел с одной стороны пилообразные зубцы.

Понимая, что ничего сделать уже нельзя, верховный жрец сложил вырезы свитка первой части завещания и свитка Пели. Они абсолютно совпали в одно целое, открыв три искомым слова: доставивший свиток – царь.

Сторонники Энпилухана яростно кричали про обман, что они не признают коронацию Пели. Сам Энпилухан бледный, как смерть, сидел ни жив, ни мертв.

– Как это случилось? Этого не может быть! – шептала помертвевшими губами Иранна. И тут она встретила глазами с иронично глядящим на нее Хутрапом. И поняла, что этот хитрый царедворец просто использовал ее, считающей себя самой умной и ловкой, в своей чрезвычайно сложной и опасной игре, где часто ставкой была сама жизнь, и победил, доведя игру до логического конца.

Верховному жрецу ничего не оставалось делать, как объявить, что, согласно завещанию усопшего царя, царская корона Элама переходит к Пели. Когда Пели подошел к жре-

цу и преклонил колена, тот, проклиная его про себя, возложил корону ему на голову. Помощники верховного жреца запели священный гимн, и дальнейшая церемония проходила уже в присутствии множества жрецов сначала в священной роще у подножия зиккурата, затем в главном храме богини Пиненкир на его верхней площадке под приветственные крики собравшихся толп народа. Про Энпилухана все сразу же забыли, даже большая часть его сторонников кричала здравицы и как могла лезла с поздравлениями к Пели, чтобы загладить свою вину и не попасть под предстоящие репрессии против его противников. А самые ярые противники Пели срочно помчались по домам, чтобы как можно быстрее собраться и сбежать из страны.

Чтобы больше не возвращаться к этому вопросу, скажем, что лишь немногим счастливым удавалось сделать это. Пели, если это было необходимо для него лично или для страны, и тогда, и в будущем действовал быстро, решительно и беспощадно. Такое было время...

40. Неожиданная встреча

Пол-луны прошло после коронации Пели. Иранна жила во дворце Энпилухана, зализывающего полученную душевную рану, но ничего конкретно не предпринимающего, чтобы исправить положение хотя бы с помощью меча наемного убийцы или яда, защищенного от репрессий Пели тем, что он являлся родным сыном всеми уважаемого старого царя Элама. В первый же день они сильно повздорили, и она ушла от него в другое крыло дворца.

Но надо было что-то делать. Не только ее деятельная натура требовала этого, но и поступившие новые инструкции Нарамсина, царя Аккада. Энпилухан теперь чуть ли не на коленях умолял ее вернуться к нему. Каждый день рабы приносили на ее половину его дорогие подарки и охапки цветов. Наступало время сменить гнев на милость.

Перед поздним ужином, как это было принято у Энпилухана, засиживающегося далеко за полночь, но встающего в полдень, Иранна в своей обычной, даже не парадной, одежде отправилась к Энпилухану. Неподалеку от его покоев высокая фигура, внезапно вынырнувшая из-за поворота коридора, преградила ей дорогу. Она невольно вскрикнула и сделала шаг назад. Перед ней стоял Шамши, которого все считали погибшим в пропасти и про которого она давно уже забы-

ла. Он напоминал истощенного оборванца, лишь на худом с острыми чертами лице огнем безумия горели глаза.

Она испуганно оглянулась, ища взглядом стражников, обычно находящихся в этом коридоре. Но коридор был пуст.

– Я убил их всех, – сказал он, глядя на нее сверкающими глазами, – разве могли они оказать сопротивление мне, всю жизнь учившемуся владеть мечами обеими руками? Я любил тебя, а ты предала меня, как ты могла? – продолжал он.

Ее ум заметался в поисках выхода и тут же нащупал его. Перед ней был безумец, опасный безумец, надо было хотя бы на время отвлечь его внимание.

– Да, я виновата перед тобой! – молитвенно сжала она руки и опустилась на колени, – но Бурна сам приставал ко мне! Угрожал убить, если я не подчинюсь. Что было делать мне, слабой беззащитной девушке?

– Глупец! – нежно шептала она, обнимая ноги Шамши, – ведь я любила тебя, и только тебя! Уедем, уедем отсюда далеко-далеко! Там мы будем только одни – ты и я! И будем любить друг друга без памяти! А потом вместе уйдем в чертоги Мардука!

Она еще крепче обняла Шамши, прижалась всем телом. Горячая волна ударила ему в голову. А тем временем рука ее нащупала в сапожке неразлучный трехгранный кинжал-стилет, который она не раз успешно использовала по назначению.

Последний раз это случилось в Лараке, когда она, ловко

притворяясь отравленной дымом, убила старшину купцов, видевшего ее лицо, который мог опознать и выдать ее. Ведь это она была тем тайным послан аккадского царя, который появился в аккадском торговом дворе в гостях у старшины купцов. И откуда она с трудом выскользнула из огня, сумев провести Бурну. А до этого в Ниппуре, где она же была тем главным, кто вошел в дом с ожидающими засланными заранее аккадскими шпионами, и этим же кинжалом убила провинившегося из них. И была тем, кто убил так некстати узнавшего ее проводника из Ниппура. Тогда ей крупно повезло, она была на грани провала. Этот же человек был проводником, не так давно приведшим караван в Сусан (хотя ей больше нравилось другое название этого города – Сузы), где был допущен вместе с хозяином каравана к Энпилухану. Энпилухан позвал ее и одаривал прекрасными ожерельями, поднесенными караванщиком ему в дар, в присутствии проводника. Поэтому проводник сразу же узнал ее и обратился к ней как к госпоже, назвав ее настоящее имя, думая, что она тоже путешествует с караваном, не зная истинного положения дел. Поначалу она страшно перепугалась, но школу жрецов она успешно прошла не зря – уже скоро она своим волшебным голосом совершенно очаровала проводника. А затем дала намек и на нечто большее, сказав ему, что будет ждать его вечером у ближнего холма. Затем приказала отвернуться и удалиться. Когда же он, счастливый, повернулся к ней спиной, ее верный трехгранный кинжал-стилет, кото-

рый всегда находился у нее в сапожке, вонзился в его спину. Точно так же был убит табунщик и искалечены кони. Острой гранью кинжала она незаметно надрезала веревку, стягивающую плот, при переправе через левый рукав Евфрата. Конечно, она сильно рисковала при этом, ведь плот мог развалиться и раньше, чем она сама сошла на берег. Но все прошло как нельзя лучше...

Продолжая обнимать Шамши и прижимаясь к нему, она за его спиной перехватила рукоять кинжала обеими руками, поднялась на ноги, нацелилась и резким движением обеих рук к себе, как бы обнимая, сквозь спину пронзила сердце несчастного влюбленного безумца. Он охнул и, выскользнув из ее рук, замертво опустился на плиты пола. Она толкнула его труп обутой в разукрашенный сапожок ножкой.

– Презренный шакал! – с ненавистью сказала она, легко вытаскивая кинжал из спины и вытирая его об его одежду, – посмел меня лапать! Возомнил, что он мне ровня! Теперь придется отмываться от его грязных рук!

От толчка ворот рубашки Шамши распахнулся, и на открывшейся костлявой груди сверкнул рубиновый огонек. Она наклонилась и, поддев кончиком кинжала грязный шнурок, вытащила надетый на него красивый золотой перстень с огромным красным камнем.

– А мальчик знал толк в перстнях! – одобрительно пробормотала она, разрезая шнурок и поднимая его, – ну что ж, я заберу его, не оставляя же для жадных рук могильщиков!

Интересно, где он украл такую красоту?

Она надела перстень на палец правой руки, полюбовалась на него, отставив ладонь и вытянув пальцы вверх. Он был действительно восхитителен на ее тонкой руке. Она, спрятав кинжал в сапожок и переступив через труп, тут же забыв о нем и направилась в покои Энпилухана.

– Я приветствую моего властителя! – сказала она, прижав руку к груди.

– О, какой восхитительный перстень! – воскликнул Энпилухан, – откуда он у тебя?

– Так, подарок, – отмахнулась она.

– И кто это дарит тебе такие подарки? Покажи-ка, покажи!

Она, играючи с ним, завела руку за спину и сжала кулак, со смехом уворачиваясь от Энпилухана. И сразу же ее больно кольнуло в палец. Она испуганно отдернула руку и оглянулась назад. Там никого не было. Тогда она взглянула на палец. Из-под перстня выступила капелька крови. Энпилухан взял ее руку, осторожно снял перстень и провел мизинцем внутри него. Что-то укололо и его.

– Ничего страшного, небольшая зазубринка, – объявил он результаты осмотра, – завтра отдам ювелиру и он исправит ее.

Она все еще испуганно держала руку на уровне груди, а на пальце висела капелька крови. Энпилухан протянул ей свой мизинец, на котором также выступила немножко крови, и

коснулся ею ее капельки.

– Вот видишь, я смешиваю нашу кровь. И теперь ничто не может нам помешать...

И он притянул ее к себе. Она оттолкнула его.

– Все еще злишься на меня? – с улыбкой спросил он.

– А как же не злиться? – с возмущением ответила она, – в своем рвении получить завещание ты совершенно не думал обо мне! Меня несколько раз могло убить колдовство – и когда пересекали ирак, и на зыбучих песках, и дальше!

– Мое сокровище, я был уверен, что с тобой ничего не случится! Я специально потребовал, чтобы колдуны ни в коем случае не нанесли тебе вред. И они выполнили просьбу. Иначе как бы ты уцелела?

– Это правда? Ты на самом деле сделал это для меня? – обворожительно улыбаясь, спросила она.

– Конечно, любовь моя! Теперь ты уже не будешь отгалкивать меня?

Через несколько мгновений она, обнаженная и прекрасная в своей наготе, знающая свою неотразимость, уже лежала на ложе, снисходительно поглядывая на его лицо, на котором, как всегда, отражалось его восхищение ею.

– Как ты прекрасна! – сказал он, также обнаженный, подходя к ложу.

Она хотела ответить, но внезапная жгучая боль в животе заставила ее пронзительно вскрикнуть. Она скорчилась в кровати, прижала ноги к животу и обхватила его руками. А

боль поднималась все выше, к сердцу. Она уже не кричала а хрипела, изо рта потоками летела пена.

Энпилухан в ужасе отшатнулся, хотел было позвать стражу, но спазмы сдавили его горло, а у него живот также прорезала нестерпимая боль...

Когда рабы, обеспокоенные тем, что Энпилухан и его возлюбленная Иранна не вышли к ужину, направились узнать, почему их нет, то в коридоре наткнулись вначале на перебитый пост охраны, затем на труп высокого молодого, но сильно изможденного человека с обритым по-жречески черепом, на спине которого напротив сердца была небольшое трехгранное отверстие от воровского кинжала, а в покоях на ложе в потоках начавшей высыхать пены лежали обнаженные трупы Энпилухана и Иранны с лицами, выражающими такие мучения, что рабы поскорее накинули ткань, лишь бы не видеть страдальческое выражение на них.

41. Некоторые итоги

Утро следующего дня застало Пели и Хутрапа сидящими в рабочем кабинете напротив друг друга. Пели был, как всегда, свеж и деятелен. Хутрап же был основательно помят и выглядел уставшим. Этой ночью прилечь ему не пришлось. И сейчас он докладывал Пели о ночном происшествии во дворце сына старого царя и о принятых в связи с этим мерах.

– Ну вот, – облегченно вздохнул Хутрап, – ситуация с Энпилуханом разрешилась сама собой. Теперь я представляю это дело так, что убийца шел, чтобы убить тебя. Но Энпилухан вступил с ним в бой, убил его, но сам был ранен его отравленным кинжалом.

– А как же его девушка?

– А разве там была какая-то девушка? – усмехнулся Хутрап, – кто тебе об этом сказал? В большой политике участвуют только большие люди. Отдельные маленькие людишки могут лишь в лучшем случае промелькнуть, но, как правило, они вообще не оставляют следа в истории. Так что не было никакой девушки, и быть не могло.

– А рабы и прислуга, те, что нашли трупы? Они могут разболтать все, если уже не разболтали...

– Перед тем, как напасть на Энпилухана, убийца, или его помощники, ночью напали на его слуг, чтобы они не смог-

ли оказать помощь. И перебили их всех до одного. Никто не уцелел. Мы скорбим по безвинно погибшим... У убийцы нашли письмо, свидетельствующее о том, что его наняли жрецы богини Пиненкир. Его помощники разыскиваются.

– Но у него не было никакого письма, Хутрап!

– Его нашли позже, когда внимательно осмотрели одежду. Письмо является свидетельством предательства жрецов богини Пиненкир, и у тебя в отношении них теперь развязаны руки. Некоторые, самые крикливые из них, уже арестованы, и непременно дадут нужные показания о своей гнусной и подлой роли в этом деле. Ты можешь или уничтожить остальных, что не очень хорошо, ибо, как показывает практика, жрецы лучше всего доводят до народа решения царя и помогают держать его в узде, или припугнуть их, заставив червями ползать у тебя под ногами и во всем поддерживать твои начинания. Они думали, что они выше всех, и что только для них предназначены золотые кресла, а тебя удостоили только серебряным. Разве можно простить это? Уже подготовлен твой указ, согласно которому доля жрецов в налогах увеличивается вдвое. Это и будут недостающие нам сейчас деньги. Кроме того, на жрецов ты наложишь штраф – пятьсот тысяч мер золота.

– Когда ты успел придумать все это, Хутрап?

– Я хороший советник, понимающий, что и когда нужно сделать. И работаю для того, чтобы ты, великий царь, оставил след в истории. Я участвую в большой политике, но не

оставлю след в истории. Она пишется руками царей, и только о царях будут помнить в будущем. Но царям нужны помощники, готовые взвалить на себя часть их ноши. Не замахиваясь на их будущую славу, а, наоборот, ведущие их к славе. Я и являюсь таким помощником.

– Ты первый, ближайший и самый умный помощник!

– У меня был самый лучший учитель, какого только можно пожелать. Я думаю, что похвала меня не испортит, и надеюсь остаться в таком же качестве и впредь, и к этому...

– Это уже я знаю, что тебе нужно к этому! Полтысячи золотых слитков уже ждут не дождутся, чтобы перекочевать в твои сундуки, умный Хутрап! Но кто же был твоим учителем?

– Еще недавно его звали Абиратташ, верховный жрец бога Мардука, а теперь зовут Дамик-илишу, царь Вавилона. Я многое почерпнул из общения с ним... Пусть слава остается царям, но золото – их благодарность – никогда не будет лишним для их помощников и закрепит славу про щедрость и мудрость царей...

42. Заключительная

Через луну после коронации страна уже чувствовала на пульсе твердую руку нового царя. Народ получил некоторые послабления, особенно те, кто занимался ремеслами. Это сулило существенное увеличение податей, поступающих в казну. Был наведен порядок во многих других государственных делах. Усилена армия, существенно увеличено содержание офицерского корпуса, сразу же и безоговорочно ставшего на сторону нового царя. А поддержка армии гарантировала ему выполнение всех далеко идущих планов.

И сам Пели был не промах, но в сочетании с преданным ему главным советником Хутрапом, показывающим себя исключительно умелым политиком и финансистом, он стал во сто крат сильнее. Для выплаты армии и возврата долгов нужны были деньги, и Хутрап с помощью жрецов, «безвозмездно и добровольно» передавших в царскую казну огромную сумму, решил этот вопрос.

Все прошедшие после коронации Пели дни Хутрап был настолько чудовищно загружен государственными делами, что не мог выкроить ни мига, чтобы встретиться с сопровождающими его бывший караван людьми, все это время находившимися во дворце, принадлежащем Хутрапу, в котором он сам не появился ни разу. И только теперь впервые

представилась возможность, вернее сказать, созрела необходимость встретиться.

Вечером скандинава и Набонасара пригласили пройти в резиденцию Пели. Рабы проводили их в рабочий кабинет царя. За круглым столиком на удобных табуретах с подлокотниками, что-то обсуждая и потягивая легкое вино, сидели Пели и Хутрап. Скандинав и Набонасар поклонились и остановились у порога. Завидев их, Хутрап встал с места и вышел навстречу. Схватив под руки, он потащил их к царю и усадил на стоявшие у столика другие два табурета. Пели, хотя и видел Скандинава и Набонасара раньше, но только один раз, когда они сопровождали Хутрапа к нему сразу после прибытия, и теперь с любопытством рассматривал их.

Потекла непринужденная беседа, в которой постепенно акценты сместились на пережитые дорожные приключения.

– Может, теперь посветишь нас в эту непонятную историю с завещанием? – спросил скандинав.

Хутрап поудобнее устроился на мягком табурете. Пели же заулыбался.

– Видишь ли, – начал Хутрап, – эту историю придумали в свое время мы вдвоем, – он кивнул на Пели, – а помог нам Абиратташ, верховный жрец бога Мардука, в Вавилоне. Да и ты ко всему этому руку приложил... И Энпилухану, и жрецам богини Пиненкир, и аккадскому царю Нарамсину было известно, кто я такой и какую роль играю при достопочтенном Пели, являясь его первым советником. Поэтому именно

я отправился за завещанием.

– Которое затем собственноручно отдал этой Энинрис, оказавшейся Иранной, – вклинился скандинав, – вот только как вы затем подменили его?

– Не перебивай, – остановил его Хутрап, – не все так просто. Дело в том, что мы не везли с собой завещание.

– Как это не везли? Что же мы тогда везли? – удивился уже Набонасар.

– Было заранее известно, что за завещанием будут охотиться все его противники, – Хутрап кивнул на Пели, – и постараются любыми способами раздобыть его. С этой целью они приставят ко мне своих людей, которые будут наблюдать за мной и искать, где я его прячу. Во всем большом караване я мог рассчитывать только на четырех человек. На вас двоих и молодых жрецов. Только про вас было точно известно, что вы не посланы ни аккадцами, ни кем бы то ни было еще. А под видом завещания мы везли одно из последних нескрытых обычных писем старого царя Элама. Именно за ним охотились все шпионы, не подозревая это.

– А как же истинное завещание?

– У меня достаточно преданных людей, – усмехнулся Пели, – его везли сначала по реке, затем присоединившись к большому каравану по морю двое моих слуг. Пришлось рискнуть, а что делать? Главное было то, что их никто не искал, все внимание было обращено на вас.

– Но ведь это было очень опасно для тебя! Ты ведь пони-

мал это? – спросил скандинав, глядя на Хутрапа.

– Конечно! – ответил тот, – но это был единственный выход, и мы воспользовались им. Правда, надо сказать, что ты чуть не испортил нам дело, когда нашел, что шкатулка отличается от оригинала. Помнишь? Я не знал, что сказать, а сообразительный Абиратташ, извиняюсь, уже царь Вавилона Дамик-илишу, с трудом выкрутился из опасной ситуации. И как только ты заметил разницу? Ума не приложу... Конечно, это не была оригинальная шкатулка, а подделка, так же, как и поддельная печать на ней. А каждый удар палкой царскому ювелиру стоил Дамик-илишу не менее пяти золотых слитков, врученных затем ювелиру, когда мы ушли. Иначе было нельзя. У тебя должно было сложиться мнение, что все на месте, что это именно то, что ты видел. Мы не могли рисковать. И если заметил ты, мог заметить кто-то другой. По счастью, подмену никто, кроме тебя, так и не обнаружил. Шкатулка же должна была исчезнуть, оставив только свиток, уж больно была большой, да еще с поддельной печатью. А меч мне переделали, конечно, специально, сделав в рукоятке укрытие. И камень для рукоятки пришлось специально готовить – печать оказалась слишком большой, в ней не помещалась. Но вы все это сами видели. И Энинрис быстро узнала, что в шкатулке ничего нет. Но все равно была уверена, что завешание здесь, ведь это была именно та шкатулка. Поэтому и шла с нами до конца, пытаясь узнать, где я его прячу. Убить меня она не могла, ведь в этом случае завешание про-

сто пропало бы, по крайней мере, для нее, что было недопустимо. Убить кого-то из вас она тоже не могла – вы оба, если вспомните свое поведение, практически ни разу не становились к ней спиной, когда оставались с ней один на один, когда бы она знала наверняка, что она будет вне подозрений в убийстве. А убийство для нее – не самоцель, а только необходимость для достижения цели. Вы же не особенно мешали ей.

– Скажи, ведь ты знал, кто есть на самом деле Энинрис, разве не так? – спросил скандинав, – ведь ты смеялся, когда отдал ей завещание. Я тогда не понял, почему, думал, ты с ума сходишь...

– Нет, – засмеялся Хутрап, – до того момента я не знал, что она и Иранна – одно и то же. Но что она не та, которая за себя выдает, уже знал. Я окончательно понял это в Сусане, сопоставив все, что мне про нее известно. Первые подозрения появились практически сразу же по ее появлению у нас, когда она не узнала коврик, на котором я постоянно сидел, подарок ее отца. Она должна была знать, что изготовлено у нее дома и что несут в качестве подарка. Но она не раз говорила, что у нее ничего не осталось как память из дома. Но коврик был здесь все время! Я почти поверил ей, когда она так искусно переживала за родных. Это рассеяло все сомнения. Но и она не сумела до конца передать гамму чувств. Ведь она спрятала лицо, когда отражала переживания по поводу их гибели.

– Но мы ведь этого не заметили. Значит, ей все удалось.

– Очевидно, ее хорошо обучили этому. То, что она сообщила о водовороте, свидетельствовало о том, что она знала о нем заранее и только ожидала его появления. Знала, что он будет где-то здесь, и если вовремя обнаружить или сам водоворот, или колдуна на берегу, то есть все шансы, что плот, на котором она сама находилась, успеет отвернуть. А сама она, к тому же, получит благодарность за спасение тех, кому посчастливится уцелеть кроме нее, что ей снова вполне удалось... А солдата, сопровождающего колдуна, при переправе через второй рукав Евфрата она убила специально, чтобы он ничего не мог рассказать. А вдруг он знает про нее? Также и проводника и позже старшину аккадских купцов, чтобы они ее не выдали. Она под предлогом того, что заболела голова, не пошла на прием к правителям Ларака и Сусана, которые раньше видели ее в другом обличье. И она же стравила молодых жрецов между собой, исподволь поощряя и подталкивая их к сражению, что привело к их гибели. Ведь они мешали ей обыскивать шатер в своих целях. Но это не были явные следы, указывающие на то, что она замаскированный ловкий враг. Это стало ясно только в Сусане, когда при ремонте шатра те, кто его ремонтировал, нашли искусно замаскированный выход из ее отделения наружу. Помните? Она спала за загородкой. После того, как при пересечении ирака шатер был поврежден, она лично, никого не подпуская, отремонтировала его, хотя я и хотел оставить шатер, уж больно

он был поврежден. Она за полдня починила его, но при этом окончательно замаскировала тайный выход, который сделала, очевидно, уже в самом начале своего появления здесь, прорезав стену шатра у самого низа. Достаточно было потянуть за веревку, как вроде бы зашитая прорезь раскрывалась и закрывалась снова. Она ночами, когда все спали, обыскивала шатер и поклажу в поисках завещания и убивала тех, кто мог быть ей опасен, затем через лаз возвращаясь назад... Внимание же преследователей все время должно было быть приковано только к нам. Поэтому мы двигались не спеша, чтобы они считали, что держат нас на коротком поводке. Но из Сусана мы вылетели так стремительно, что могли бы убежать так, что нас до Аншана не догнали бы вообще. Ты гнал уж очень быстро.

– Я действительно стремился уйти подальше от преследователей, – признал скандинав.

– И я вынужден был притвориться, что заболел, – продолжил рассказ Хутрап, – иначе бы нас никогда не настигли у переправы через Карун. Конечно, я рисковал, но так было надо. А там лжезавещание уже должно было попасть в их руки. У них тогда просто не было бы времени, чтобы детально рассматривать или тайно вскрывать его. Что и случилось.

– Ты много раз рисковал нашей жизнью, – в упор глядя на Хутрапа, сказал скандинав, – ты не боишься, что кто-нибудь когда-нибудь обидится на тебя, когда ты с ним поступишь так же?

– Здесь была завязана большая политика, – ответил Пели вместо Хутрапа, внимательно, не вмешиваясь, слушавший разговор – а в ней выбирать средства не приходится. В ней все хорошо, что приводит к конечной цели. Ты думаешь, что вокруг тебя вертится весь мир? А на поверку выходит, что ты простая тряпичная кукла, которую направившие тебя дергают за нитки.

– Однако, и у тряпичной куклы есть шанс – оборвать нитки и стать самостоятельной фигурой, – заметил скандинав.

– Это уж как ей повезет и кто будет стоять за ней, – заметил Пели, – у одиночки практически нет шансов на это...

– Здесь то, что тебе должны за работу, ровно сто золотых слитков, – Хутрап поднял откуда-то снизу тяжелый мешочек и положил его на стол перед скандинавом, – судя по всему, сейчас ты хотел бы вернуться назад, в Вавилон.

Скандинав утвердительно кивнул головой.

– Поэтому тебе есть работа, – продолжил Хутрап, – конечно, оплачиваемая. Она совпадает с твоим желанием вернуться. Готовится выехать в Вавилон новый посол Элама. Для заключения договора с Вавилонским царем Дамик-илишу о мирном и военном сотрудничестве. Тебя же я предложил нанять начальником его охраны. Я знаю твои возможности.

– Но я дорого беру.

– Сколько ты хочешь иметь?

– Семьдесят золотых слитков.

– Сорок.

– Шестьдесят.

– Ладно, пятьдесят и по рукам.

– Согласен, по рукам.

– А ты пойдешь ему в помощники? – спросил развеселенный произошедшим на его глазах торгом Пели, обращаясь к Набонасару, – правда, у меня есть для тебя и другое предложение, касающееся важного поста в эламской армии.

– Я подумаю над предложением и сообщу завтра утром, – пообещал тот.

Однако поздним вечером этого дня, уже почти в темноте, произошла драка на берегу реки. Стражники застали только конец ее, когда пятеро крепких бородатых мужчин сбросили в воду шестого. Завидев стражников, они скрылись в переулке. На месте драки обнаружили разорванный окровавленный халат, принадлежавший отправившемуся прогуляться Набонасару, и некоторые его вещи – поясной кошель, его кинжал, которым он, судя по всему, воспользоваться не успел. Сам он исчез, и его тело нигде не смогли найти. Было высказано предположение, что его убили сторонники Энпилухана в отместку за проводку каравана, а труп сбросили в реку...

А через две луны в далекой Алум Ашшур при дворе ишшиаккума Тиглатпаласара появился новый чиновник с должностью «Верховный главнокомандующий армии Алум Ашшур», удивительно похожий на Набонасара, начальника охраны каравана из Вавилона в резиденцию царей Элама Аншан, но с каким-то другим с трудом произносимым ас-

сирийским именем. Ишшиаккум Тиглатпаласар сделал первый шаг по созданию регулярной армии, основы могущества будущей великой Ассирии, которая должна была прийти на смену Алум Ашшур. До этой желанной цели времени осталось всего ничего – каких-то две тысячи лет...